

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

1 2026
ЧАСТЬ II

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 1 (604) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Эдвин Хаббл* (1889–1953), американский астрофизик и космолог.

Эдвин Хаббл родился в городке Маршфилд, штат Миссури, США. Помимо него в семье страховщика Джона Пауэлла Хаббла и Вирджинии Лии Джеймс было еще семеро детей. В 1900 году отец решил перевезти близких в штат Иллинойс, ближе к месту его работы. Семья разместилась в городе Уитоне, где Эдвин получил среднее образование.

В юности будущий ученый увлекался спортом и показывал недюжинные атлетические способности. В школьных соревнованиях он семь раз занимал первое место и только один раз — третье. Однажды Хаббл даже поставил рекорд по прыжкам в высоту среди старшеклассников всего штата.

В науку его привело обещание: умирающий отец взял с Эдвина слово, что сын посвятит жизнь исследованиям, а не спорту. Поступив в Чикагский университет, юноша изучал математику, астрономию и философию, а в 1910 году получил степень бакалавра. На этом останавливаться Эдвин Хаббл не стал и успешно сдал вступительные экзамены в Королевский колледж.

Следующие годы Хаббл посвятил юриспруденции, литературе и испанскому языку, а вскоре стал обладателем магистерской степени.

Когда глава семейства умер, Эдвин вернулся домой, чтобы заботиться о близких. Однако идти по пути отца он не хотел — вместо судебной практики юноша преподавал испанский язык и математику, а также тренировал команду по волейболу. Подаренный Хабблу на один из дней рождений телескоп полностью захватил интерес юноши. Позже Эдвин перевез семью в Луисвилл, поближе к месту своей учебы, и начал изучать астрономию.

Эдвин Хаббл поступил в Йеркскую обсерваторию при Чикагском университете. Именно там он защитил докторскую степень по астрономии, изучая далекие туманности. Во время учебы его труды высоко оценил основатель и директор обсерватории Маунт-Вилсон Джордж Эллери Хейл. Он предложил Хабблу работу, но война изменила их планы.

Эдвин Хаббл отправился на фронт в качестве добровольца сразу после защиты докторской. Он дослужился до звания майора, но практически не застал боевые действия. Когда его полк перекинули в Европу, война уже подходила к концу. Однако именно благодаря этим обстоятельствам у него появилась возможность обменяться опытом с британскими астрономами в Кембридже.

В 1919 году он вернулся в США и отправил Джорджу Хейлу телеграмму — теперь он был готов приступить к работе. Обсерватория находилась недалеко от Пасадены, штат Калифорния. Именно там Эдвин Хаббл проработал

до конца своей жизни, совершив важные открытия о Вселенной.

В этом же году произошло еще одно значительное событие: исследователи заканчивали создание телескопа Хукера, который стал самым большим телескопом в мире. Планировалось, что он сможет «разглядеть» дальние уголки Млечного пути. Но никто не мог даже предугадать, что за пределами нашей галактики существуют и другие.

В 1922 году Эдвин Хаббл с помощью телескопа Хукера увидел спиральные туманности, которые находились настолько далеко от Земли, что не могли быть частью Млечного пути. Уже в следующем году он рассчитал расстояние до туманности Андромеды и созвездия Треугольника и доказал, что они не просто являются другими галактиками, но и превосходят нашу по размеру.

Хаббл также создал классификацию галактик, используя свои снимки; это открытие получило название «последовательность Хаббла». Поначалу научное сообщество не приняло этих наблюдений, однако в 1925 году ученый полностью изменил общее видение Вселенной.

В 1919 году Альберт Эйнштейн выдвинул теорию, что Вселенная статична. Однако расчеты Эдвина Хаббла показывали обратное. Земля не просто не являлась центром мира — скорость удаления галактик была прямо пропорциональна расстоянию от нее. Получается, что чем больше расстояние между галактиками, чем быстрее они «разлетаются» в противоположные стороны. Эйнштейн не поверил открытию и в 1931 году лично приехал в обсерваторию Маунт-Вилсон. Позднее он признал, что совершил самую большую ошибку в своей жизни. Все потому, что, пытаясь доказать статичность Вселенной, подогнал вычисления с помощью искусственно введенной переменной.

Наблюдая галактики, в 1935 году Эдвин Хаббл открыл астероид Цинциннати. В следующее десятилетие ученый работал над созданием телескопа Хейла, который начал свою работу в 1949 году.

Главную награду — Нобелевскую премию — он получить так и не смог.

Только после смерти Хаббла Нобелевский комитет признал астрономию частью физики.

Эдвин Хаббл скончался в 1953 году от кровоизлияния в мозг. В память об ученом астрономы вывели на орбиту Земли самый крупный космический телескоп Хаббл. Из-за бюрократических сложностей запуск состоялся только в 1990 году. С помощью этого устройства астрофизики по сей день открывают новые просторы Вселенной.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Аксененко В. В.

Виды предметов преступления 71

Александров Н. Д.

Проблематика проведения допроса как следственного действия в уголовном судопроизводстве 72

Александров Н. Д.

Особенности тактики проведения допроса в рамках предварительного следствия 76

Балашова А. И.

Актуальные проблемы квалификации преступлений против жизни и здоровья, совершенных из хулиганских побуждений 79

Вынар Л. В.

Ознакомление с материалами уголовного дела государственного обвинителя при поддержании государственного обвинения в суде первой инстанции 82

Громова А. В.

Понятие конфискации имущества 84

Демидова О. В.

Административная ответственность кредитных организаций за нарушения в сфере банковской деятельности 88

Демидова О. В.

Определение отраслевой природы публично-правовых норм, регулирующих банковскую деятельность 90

Доронин Д. А.

Соотношение общественной опасности кражи с банковского счета при использовании банковской карты с категорией преступления.. 94

Доронин Д. А.

Несоразмерность наказания за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, их фактической общественной опасности 97

Зинченко Д. Р.

Трансформация правореализационной практики нотариата в условиях цифровой экономики (на примере электронного нотариата в России)... 100

Куликова Ю. С.

Машиночитаемые доверенности: коллизия между правовой природой и технической реализацией..... 104

Кулишов Д. Д.

Восстановление процессуальных сроков как способ злоупотребления правом в исполнительном производстве 107

Лавренов Е. С.

Основные проблемы противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации 110

Марченкова К. В.

Правовое обеспечение информационной безопасности в Минюсте России и его территориальных органах..... 113

Мелькумов А. Г.

Трансграничные споры о нарушении прав на товарные знаки в сети интернет: сравнительный анализ юрисдикционных подходов Европейского союза, США и перспективы для ЕАЭС 115

Мержуева Е. Т.

Сущность механизма защиты прав и свобод человека и гражданина 119

Мержуева Е. Т.

Процедуры рассмотрения обращений и жалоб граждан 121

Михайлова А. В.

Гражданский иск в уголовном процессе:
современные подходы к защите прав
потерпевших 123

Осадчая Ю. М.

Особенности процессуального статуса
адвоката — представителя по гражданским
делам 125

Потрясов Д. В.

Виды гражданско-правовых санкций и их
применение..... 129

Потрясов Д. В.

Проблемы и перспективы применения санкций
в гражданском праве России 131

Савюк О. В.

Конкуренция общего и специального состава
преступлений при квалификации
преступлений 132

Сафин А. Н.

Общественные организации как элемент
поддержки Вооружённых сил Российской
Федерации во время проведения специальных
военных операций 135

Усманова А. А.

Актуальные проблемы системы и применения
мер уголовно-процессуального принуждения
в Российской Федерации..... 138

Хлебникова О. Н.

Социальные гарантии лекарственного
обеспечения детей с инвалидностью: проблемы
реализации 141

Чугунова А. А.

Результаты интеллектуальной деятельности
в цифровой среде 143

Шифрина А. С.

Формы реализации интересов гражданского
общества и непосредственного участия
в управлении государством 144

Шлей Т. С.

Административно-правовой статус сотрудников
органов внутренних дел РФ 147

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Виды предметов преступления

Аксененко Валерий Валерьевич, аспирант

Научный руководитель: Кибальник Алексей Григорьевич, доктор юридических наук, профессор
Северо-Кавказский социальный институт (г. Ставрополь)

Классификация предметов преступления представляет значительный теоретический и практический интерес, поскольку позволяет глубже понять их юридическую природу и точнее определить их роль в конструкции конкретных составов. Многообразие предметов преступления, закрепленных в нормах Особенной части УК РФ, обуславливает необходимость их систематизации по различным основаниям. Подобная типизация способствует совершенствованию правоприменительной практики, обеспечивая единообразный подход к квалификации деяний. Разработка критериев классификации является важной задачей уголовно-правовой науки, направленной на оптимизацию законодательной техники и упрощение процесса доказывания.

Одним из ключевых критериев деления предметов преступления является их физическая природа и связь с материальным миром. По данному основанию традиционно выделяются предметы материальные и предметы интеллектуальные, причем последние приобретают все большее значение в современном цифровом обществе. К материальным предметам относятся физические объекты, которые можно ощутить, измерить или иным образом воспринять органами чувств, такие как имущество, оружие, наркотические средства. Интеллектуальные предметы существуют в информационном поле и представляют собой сведения, данные, информацию, что требует особых способов их защиты в уголовном праве [1]. Данное разграничение имеет принципиальное значение для правильной юридической оценки содеянного и отграничения смежных составов преступлений.

Следующим существенным критерием классификации выступает специфика правового режима, установленного в отношении того или иного предмета. Законодатель выделяет предметы, изъятые из свободного оборота или ограниченные в обороте, что усиливает их общественную опасность и влечет более строгую уголовную ответственность. К такой категории относятся, например, оружие, боеприпасы, радиоактивные материалы, сильнодействующие и ядовитые вещества. Особый правовой статус этих

предметов обуславливает их повышенную значимость для охраняемых уголовным законом общественных отношений и требует специальных мер защиты.

С. А. Назаров, анализируя механизм преступления, справедливо обращает внимание на процессуальный аспект классификации, связанный с предметом доказывания. С этой точки зрения предметы преступления могут подразделяться на те, которые требуют специальных познаний для их исследования и оценки, и те, которые не требуют такой специальной экспертизы [2].

Данное разграничение имеет практическое значение для организации предварительного расследования и формирования доказательственной базы по уголовному делу, определяя необходимость назначения судебных экспертиз.

Особого рассмотрения заслуживает классификация предметов по их стоимостной характеристике, которая часто выступает в качестве квалифицирующего признака многих преступлений против собственности. Законодатель дифференцирует уголовную ответственность в зависимости от размера причиненного ущерба, выделяя значительный, крупный и особо крупный размер. Данный критерий напрямую влияет на отнесение преступления к той или иной категории тяжести и, как следствие, на вид и размер назначаемого наказания, что подчеркивает его важность для реализации принципа справедливости.

С. Ю. Мироненко, исследуя место предмета в составе преступления, акцентирует внимание на его взаимосвязи с основным объектом посяательства. Исходя из этого, предметы можно классифицировать на те, которые выступают необходимым элементом объекта преступления, и те, которые являются факультативным признаком объективной стороны. В первом случае отсутствие предмета исключает наличие состава преступления, во втором — предмет лишь дополнительно характеризует общественную опасность деяния, не влияя на сам факт его наличия [3].

Е. В. Фоменко, предлагая новую концепцию определения предмета, обоснованно указывает на необходимость выделения в отдельную группу предметов, явля-

ющихся продуктом преступной деятельности. Речь идет о ситуациях, когда ранее добытые преступным путем предметы становятся объектом новых преступных посягательств, например, при их сокрытии, переработке или сбыте. Специфика таких предметов заключается в их двойственной природе, что требует особого подхода к их уголовно-правовой оценке и квалификации действий виновных лиц [4].

Современные тенденции развития общества и технологий порождают новые, ранее неизвестные виды предметов преступления, такие как криптовалюты, цифровые активы, биометрические данные, что ставит перед законодателем и правоприменителем новые вызовы. Классификация этих предметов требует разработки новых критериев и подходов, адекватных их цифровой природе

и способных обеспечить их эффективную уголовно-правовую защиту. Это направление представляется особенно перспективным для дальнейших научных исследований в области уголовного права [5].

Таким образом, многоаспектная классификация предметов преступления по различным основаниям (физическая природа, функциональная роль, правовой режим, стоимостная характеристика, связь с объектом, индивидуальная определенность) позволяет глубоко понять их юридическую сущность и значение для квалификации преступлений. Выделение различных видов предметов способствует совершенствованию законодательной техники, оптимизации процесса доказывания и обеспечению правильного применения уголовного закона на практике.

Литература:

1. Шульга, А. В. Построение уголовно-правовых норм с учетом предмета преступления / А. В. Шульга // Юриспруденция: теория и практика. — 2023. — № 1. — с. 49–52.
2. Назаров, С. А. Понятие механизма преступления, соотношение с предметом доказывания и составом преступления по делам о пожарах / С. А. Назаров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2020. — № 1. — с. 155–159.
3. Мироненко, С. Ю. Значение и место предмета в составе преступления / С. Ю. Мироненко // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: материалы Всероссийской научно-практической конференции. — 2019. — с. 88–92.
4. Фоменко, Е. В. Новая концепция определения предмета преступления на основе анализа признаков подкупного преступления / Е. В. Фоменко // Юридический мир. — 2022. — № 2. — с. 50–58.
5. Дашинская, А. П. Предмет преступления и его значение для квалификации преступлений против собственности / А. П. Дашинская // Державинские чтения: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. — 2019. — с. 272–274.

Проблематика проведения допроса как следственного действия в уголовном судопроизводстве

Александров Никита Денисович, студент магистратуры

Научный руководитель: Ерахтина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет

Настоящая работа посвящена подробному исследованию актуальных проблем, связанных с таким процессуальным действием как допрос. В настоящее время допрос — одно из следственных действий, которое присутствует практически в каждом уголовном деле. Настоящая работа посвящена аспектам проведения допроса не только в рамках проведения предварительного следствия, но и в рамках судебного производства по уголовному делу.

В рамках настоящего исследования проводится подробный анализ действующего законодательства, посвященного проведению допроса подозреваемого, обвиняемого и подсудимого. Важно обратить внимание на тот факт, что допрос, хоть и не является единственным следственным действием, представляющим доказательства по уголовному делу, но имеет одно из ключевых значений для производства, ввиду возможности получения ключевой информации по уголовному делу.

В работе проанализированы ключевые сложности и проблемные аспекты проведения допроса как в рамках предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, допрос, следствие, тактика и методика допроса, дознание, уголовное судопроизводство.

Problems of conducting interrogation as an investigative action in criminal proceedings

Aleksandrov Nikita Denisovich, master's student

Scientific advisor: Erahtina Elena Aleksandrovna, phd in law, associate professor
Krasnoyarsk State Agrarian University

This paper is devoted to a detailed examination of current issues related to interrogation, a procedural action. Currently, interrogation is an investigative action present in virtually every criminal case. This paper examines aspects of interrogation not only during the preliminary investigation but also during criminal trial proceedings.

This study provides a detailed analysis of current legislation regarding the interrogation of suspects, accused, and defendants. It is important to note that interrogation, while not the only investigative action that provides evidence in a criminal case, is crucial to the proceedings due to its potential to obtain key information.

This paper analyzes key complexities and problematic aspects of interrogation both during the preliminary investigation and during trial proceedings.

Keywords: criminal trial, interrogation, investigation, interrogation tactics and methods, preliminary inquiry, criminal proceedings.

Настоящая работа посвящена изучению и характеристике сущности и цели допроса как следственного действия в уголовном судопроизводстве. Соответственно, для достижения настоящей цели, в работе поставлен ряд задач:

— Исследовать и проанализировать допрос как самостоятельное процессуальное действие;

— Детально изучить всю процедуру допроса, регламентированную УПК РФ;

— Исследовать все элементы допроса как в рамках предварительного следствия, так и в рамках судебного процесса.

Предметом допроса является любая информация, имеющая значение для расследования дела и подлежащая доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ.

Одним из наиболее важных аспектов успешного расследования по уголовному делу является проведение допроса. В частности, допрос должен быть проведен не только в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления.

Одним из ключевых допрашиваемых лиц в ходе проведения предварительного следствия и судебного разбирательства является допрос свидетелей по уголовному делу. Достаточно часто на практике складывается ситуация, при которой показания свидетелей могут играть ключевую роль при проведении расследования на всех этапах уголовного судопроизводства.

Однако, допрос свидетеля, как и любого другого лица в рамках уголовного судопроизводства, имеет свои нюансы.

Во-первых, для свидетелей характерна такая же система установок, как и у лиц, подозреваемых в совершении преступления. К примеру, при конфликтной установке, свидетель может всячески мешать проведению расследования, вводя в заблуждение следствие.

Во-вторых, свидетель по уголовному делу не всегда может являться невиновным лицом. Так, к примеру,

в рамках расследования уголовного дела в качестве свидетеля может быть допрошено лицо, которое в дальнейшем будет иметь статус обвиняемого по уголовному делу, но, в момент проведения допроса у следствия нет соответствующих данных, позволяющих официально выдвинуть обвинение.

В-третьих, в отличие от иных участников уголовного судопроизводства, у свидетелей есть «особый статус», предусмотренный ст. ст. 307 и 308 УК РФ. Указанные статьи прямо указывают перечень случаев, в которых лицо, признанное свидетелем в ходе следствия, подлежит уголовной ответственности, за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний по уголовному делу.

Следующим аспектом, который необходимо исследовать в работе, являются принципы уголовного судопроизводства, выраженные в проведении такого следственного действия как допрос. Одними из ключевых принципов являются принципы относимости и допустимости доказательств по уголовному делу. Так, в соответствии с указанными принципами, доказательства по уголовному делу, полученные в том числе в ходе проведения допроса, должны быть допустимыми. Допустимость доказательств в данном случае означает факт соблюдения закона при получении того или иного доказательства. Не может являться допустимым доказательство, полученное в ходе применения насилия, физического или психологического, либо с помощью иных средств или способов.

Относимость доказательств по уголовному делу в рамках проведения допроса означает, что информация, полученная в ходе допроса, должна непосредственно иметь отношения к расследуемому уголовному делу. Не может быть принято в качестве относимого доказательства таковое, если оно не имеет отношения и не способствует расследованию по уголовному делу.

В соответствии с указанными принципами строится вся система получения доказательственной базы по уго-

ловному делу. В соответствии с чем, суд на основании имеющихся доказательств выносит решение по делу, о признании виновным или невиновным лица.

Важно понимать, что допрос, как и любое другое следственное действие строго регламентирован действующим УПК РФ. Это касается и допроса как следственного действия в рамках предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства. В действующем УПК РФ, а также в юридической литературе существует актуальное определение следственных действий. И так, следственные действия — это предусмотренные действующим законодательством РФ меры процессуального характера, реализуемые органами предварительного следствия и судом с целью получения, закрепления, проверки и оценки доказательств по уголовному делу для вынесения справедливого и законного решения по уголовному делу.

Несмотря на разнообразие возможных следственных действий, наиболее часто используемым является допрос. Проведение расследования почти всегда предполагает необходимость производства допросов. Без них невозможно расследование ни одного дела, поскольку показания участников процесса — важнейший источник информации. В соответствии со ст. 74 УПК РФ показания свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, эксперта и специалиста являются видами доказательств. Безусловно, как установлено УПК РФ, все доказательства, в том числе и показания, полученные в ходе допроса, должны быть относимы и допустимы.

Соответственно, при исследовании понятия допустимых доказательств следует понимать, что не будут являться допустимыми доказательствами показания свидетелей, потерпевшего, обвиняемого и тд. полученные незаконным путем, например в ходе применения психологического или физического насилия.

К относимым же доказательствам УПК относит те процессуальные материалы, которые имеют непосредственное отношения к расследуемому уголовному делу. Не могут считаться относимыми доказательствами те, что непосредственно не связаны с расследованием уголовного дела, как и было указано ранее.

Важно понимать, что показания всех участников уголовного судопроизводства становятся доказательствами лишь после того, как они были оформлены в установленном порядке. В рамках уголовного судопроизводства такой порядок отличает протокол допроса. Протокол допроса ведется следователем в ходе всего процессуального действия, после чего представляется лицу, в отношении которого проводится допрос, для ознакомления и подписания.

Важно отметить, что протокол допроса достаточно часто в современном обществе ведется так же и в аудио формате. Достаточно часто на практике можно встретить ситуацию, при которой помимо простого письменного протокола допроса следователь ведет аудио или видео фиксацию допроса.

Связано это, прежде всего, с необходимостью гарантировать безопасность и соблюдение прав всех участников уголовного судопроизводства.

Во-первых, аудио-протокол допроса позволяет не допустить давления на лицо, в отношении которого проводится допрос. Соответственно, происходит наглядная реализация принципа справедливости и законности.

Во-вторых, сам следователь в ходе получения информации через аудио-протокол может выявить различные нестыковки в ходе показаний лица, в отношении которого проводится допрос, что в дальнейшем позволит использовать их как доказательства по уголовному делу [2, ст. 3343].

Судебное следствие несколько иначе представляет ситуацию, связанную с проведением допроса. В рамках этого утверждения особое внимание представляют положения статей 275 и 278 УПК РФ. В соответствии с положениями указанных статей, в них содержится слово «допрашивает», вместо упомянутой ранее фразы «задает вопросы». В судебном допросе судья имеет право задавать вопросы обвиняемому с целью установить необходимые для вынесения решения фактические обстоятельства по настоящему уголовному делу. В этом ключе важно понимать, что такое действие можно расценивать как полноценный допрос, ввиду конкретного указания закона.

Помимо судьи, вопросы обвиняемому могут быть заданы стороной защиты или обвинения, а также иными участниками уголовного судопроизводства. К таким участникам, чаще всего, относятся педагоги или эксперты.

Наиболее важным аспектом в рамках предварительного следствия надлежит рассмотреть допрос подсудимого, как лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело.

В соответствии с положениями УПК РФ, в рамках уголовного судопроизводства, а именно с положениями ч. 4 ст. 1, 3 ст. 275 УПК РФ, первоочередное место при проведении допроса имеет сторона защиты, а после — сторона обвинения.

В рамках действующей модели уголовного судопроизводства представляется разумным использовать настоящую модель для соблюдения принципов законности и состязательности в уголовном судопроизводстве. В данном ключе важно отметить, что в действующем положении ч. 1 ст. 275 УПК РФ имеются положения, свидетельствующие о двойственности терминов. Так, в соответствии с положениями вышеупомянутой статьи подсудимого допрашивает защитник и сторона защиты. Однако же в логическом и фактическом понимании положений статьи следует сделать вывод о том, что защитник непосредственно относится к стороне защиты, так же как государственный обвинитель относится к стороне обвинения.

Следующим этапом допроса в рамках уголовного судопроизводства можно выделить непосредственный допрос свидетеля. Положения, регулирующие допрос свидетеля, закреплены в рамках ч. 3 ст. 278 УПК РФ. В соответствии с указанными положениями, суд приступает к допросу свидетеля лишь после того, как сторона защиты и обвинения исчерпали свои вопросы.

Важно отметить, что в соответствии с положениями ч. ч. 1, 3 ст. 275 УПК РФ и ч. 3 ст. 278 УПК РФ потерпевший, гражданский истец и ответчик, а также другие участники процесса, относящиеся к сторонам защиты и обвинения, имеют право на допрос подсудимого и свидетеля. Обвиняемый, который в суде становится подсудимым, также является стороной защиты и, по-видимому, тоже получает право на допрос, в том числе и свидетеля [4, с. 17].

В рамках допроса свидетеля важно отметить факт использования ст. 51 Конституции Российской Федерации. В соответствии с положениями ст. 51 Конституции следует, что лицо имеет право не свидетельствовать против себя и своих близких. Однако, важно заметить, что указанные положения в рамках уголовного судопроизводства не применимы к свидетелям. В УК РФ существует статья 308, положения которой четко регламентируют уголовную ответственность за отказ от дачи показаний свидетеля или потерпевшего.

Однако, как верно сформулировано, свидетель имеет право отказаться давать показания исключительно в рамках части себя и своих близких, что фактически допускает проводить допрос как следственное действие, получая информацию. В данном случае ст. 51 Конституции не является универсальным способом избежать допроса, а лишь создаёт определенные рамки, в которых может действовать свидетель или потерпевший.

В рамках всего уголовного судопроизводства важно понимать, что допрос, как и любое иное следственное действие, может быть проведено лишь исключительно определенным кругом субъектов, наделенных властными полномочиями. Здесь следует понимать, что допрос, как правило, проводит тот следователь, в чьем производстве находится уголовное дело. Хотя на практике случаются ситуации, при которых иной следователь имеет право провести допрос. Это случается, как правило, в рамках дежурств следователей. Особенно часто такое происходит, когда удаётся задержать подозреваемого по горячим следам, и представляется необходимость провести допрос как неотложное следственное действие.

Однако, в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства возникает вопрос о проведении допроса стороной защиты и стороной обвинения. В соответствии с положениями ст. ст. 275 и 278 УПК РФ существуют формулировки, требуемые доработки.

В связи с этим, предлагается внести следующие изменения в часть 1 статьи 275 УПК РФ: после фразы «дать показания первыми» добавить слова «ему задают вопросы защитник, затем другие участники судебного разбирательства со стороны защиты, после чего государственный обвинитель, а затем и остальные участники судебного разбирательства со стороны обвинения». И далее продолжить текст в соответствии с логикой.

Также предлагается внести изменения в часть 3 статьи 275 УПК РФ, дополнив фразу «вопросы подсудимому после» словами «ответа подсудимого на вопросы сторон» [3, с. 189–190].

Одно из ключевых значений при допросе свидетеля играет роль 51 статьи Конституции Российской Федерации. На практике в действительности часто происходит ситуация, при которой свидетель отказывается от дачи показаний, ссылаясь на положения ст. 51 Конституции. Однако, здесь следует понимать, что 51 статья не является панацеей и не освобождает свидетеля от ответственности за отказ от дачи показаний.

В существующем УК РФ существует статья 308, посвященная уголовной ответственности за отказ свидетеля от дачи показаний. Однако, примечание к указанной статье прямо указывает на положения ст. 51 Конституции, а именно позволяет свидетелю не давать показаний против себя или своих близких. Однако на практике следователи отмечают, что подозреваемые и обвиняемые злоупотребляют правом на отказ от дачи показаний ввиду положений статьи 51 Конституции, категорически отказываясь от дачи любых показаний. Хотя, фактически, свидетель в действительности может отказаться от дачи показаний против себя и своих близких, он не может отказаться от дачи показаний по иным обстоятельствам уголовного дела, не связанным с его личностью или его близкими.

Также важно отметить, что существуют определенные категории лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей, что прямо предусмотрено ч. 3 ст. 56 УПК РФ. К таким категориям лиц относятся в частности адвокаты и священнослужители.

К примеру, действующее законодательство предусматривает, что то, что было сообщено священнослужителю в ходе проведения служения в церкви и исповеди, не может быть использовано как информация по уголовному делу. Такие сведения составляют охраняемую законом тайну и не могут быть разглашены.

При проведении допроса важно принимать во внимание возраст допрашиваемого, его физическое состояние и индивидуальные физиологические особенности, такие как острота зрения и слуха, чувствительность к запахам и цветам, а также особенности тактильного восприятия. Наличие у допрашиваемого проблем со зрением или слухом, цветовой слепоты или нарушений памяти (в частности, на числа, даты или имена) может значительно исказить предоставляемую им информацию [5, с. 4446].

Следователю, дознавателю или судье, проводящему допрос, следует учитывать, что предвзятое отношение допрашиваемого к определенному лицу может привести к искажению фактов. Негативные чувства могут повлиять на объективность информации, предоставляемой о данном лице. Обвиняемый, в свою очередь, может намеренно давать ложные показания, не опасаясь последствий. Поэтому крайне важно учитывать эту возможность и тщательно проверять достоверность сообщаемых сведений. Воспоминания людей часто избирательны и акцентируют внимание на аспектах, соответствующих их личным убеждениям и ценностям. В связи с этим, необходим индивидуальный подход к каждому допрашиваемому.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // Справочная правовая система Консультант Плюс. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 05.12.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.11.2025 г.) // СПС Консультант Плюс — Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 22.09.2025).
3. Мисник, И. В. Некоторые процессуальные аспекты допроса обвиняемого / Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXV междунар. науч. -практич. конф. Иркутск. 2020. с. 188–191.
4. Селина, Е. В. Концептуальное значение перечня видов доказательств в уголовном процессе Российской Федерации // Российский следователь. 2016. № 19. с. 16–18.
5. Мисник, И. В. Особенности некоторых видов допросов в российском уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. трудов. 2018. № 2(6). с. 4446.

Особенности тактики проведения допроса в рамках предварительного следствия

Александров Никита Денисович, студент магистратуры

Научный руководитель: Ерахтина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет

В рамках исследуемой работы проводится детальный анализ допроса как следственного действия в уголовно-процессуальной сфере российского судопроизводства. В рамках проведенного исследования подробно изучены и охарактеризованы особенности допроса, его тактические и методические основы.

Обращается внимание на особое положение допроса в рамках предварительного следствия в России. Подчеркивается особое значение для доказательственной базы, а также психологическое значение для лица, в отношении которого проводится допрос.

В рамках работы последовательно исследуются процессуальные аспекты проведения допроса подозреваемого и обвиняемого в рамках предварительного следствия. Постепенно изучены и охарактеризованы методические и тактические особенности допроса различных категорий лиц.

Ключевые слова: уголовный процесс, допрос, следствие, тактика и методика допроса, дознание, уголовное судопроизводство.

Peculiarities of interrogation tactics in the framework of preliminary investigation

Aleksandrov Nikita Denisovich, master's student

Scientific advisor: Erahtina Elena Aleksandrovna, phd in law, associate professor
Krasnoyarsk State Agrarian University

This research provides a detailed analysis of interrogation as an investigative action in the criminal procedural sphere of Russian legal proceedings. The study examines and characterizes the characteristics of interrogation, its tactical and methodological principles, in detail.

Attention is drawn to the special status of interrogation during preliminary investigations in Russia. Its particular importance for the evidentiary base, as well as its psychological significance for the person being interrogated, are emphasized.

This research consistently examines the procedural aspects of interrogating suspects and accused persons during preliminary investigations. The methodological and tactical aspects of interrogating various categories of individuals are gradually studied and characterized.

Keywords: criminal trial, interrogation, investigation, interrogation tactics and methods, preliminary inquiry, criminal proceedings.

Настоящая работа посвящена тактическим и методическим основам проведения допроса в рамках предварительного следствия в Российской Федерации. Прежде

чем приступить к исследованию ключевых аспектов предварительного следствия, необходимо обратиться к ключевым понятиям, исследуемым в работе.

В первую очередь, надлежит дать определение термину «тактика допроса».

Ряд авторов представляет тактику допроса как совокупность тактических приемов следователя, направленных на эффективное проведение допроса как следственного действия.

В действительности, данное определение имеет место быть, ввиду его краткого и четкого структурного содержания. Действительно, кратко можно представить тактику допроса как определяя набор приемов и способов, с помощью которых следователь, воздействия на обвиняемого или подозреваемого, проводит допрос. Здесь важно отметить, что речь идет о законном воздействии на допрашиваемое лицо, что исключает любые виды давления и насилия.

Фактически следователь готовится к проведению допроса заранее, подготавливая список вопросов, формируя собственную картину уголовного дела, подробно изучая личность допрашиваемого с целью наиболее плодотворной работы и получения желаемого результата — получения информации, имеющей значение для расследования уголовного дела.

Тактические приемы следователей могут быть достаточно различны. В данном ключе все зависит от опыта следователя, личности допрашиваемого, условий допроса и настроения самого допрашиваемого лица. Важно понимать, что ключевое значение в данном случае может иметь присутствие защитника.

На практике допрос, проводимый с защитником и без него, достаточно сильно различаются. Особенно различаются результаты допроса. Зачастую защитник выстраивает определенную линию защиты, которая согласовывается с допрашиваемым лицом и в дальнейшем эта линия позволяет им строить ответы в допросе по определенной тактике.

Тактические приёмы допроса со стороны следователя или дознавателя могут делиться на большое количество групп. Часто принятой классификацией можно считать деление на более мягкие и жесткие приемы допроса.

Зачастую к более мягким способам допроса относят так называемый «разговор по душам», предложение сотрудничества со следствием, обращение к здравому смыслу допрашиваемого лица и т. д.

Безусловно, данные способы допроса являются условными и могут видоизменяться в различных ситуациях.

Ко второй категории способов допроса относятся чаще всего изобличение фактами, манипуляции фактами, демонстрация доказательств.

Нельзя строго говорить о том, какие способы являются надлежащими или ненадлежащими. Какие из них могут быть признаны судом недопустимыми при проведении допроса и могут запустить череду служебных проверок в отношении следователя или дознавателя.

Важно понимать, что любые из названных способов проведения допроса должны отвечать ключевым принципам правосудия и не должны противоречить действу-

ющему законодательству. Не следует забывать, что любой протокол допроса, который будет представлен в материалах уголовного дела прокурору и судье будет оценен со стороны допустимости и относимости доказательств.

В зависимости от государственной регламентации тактических методов и способов проведения допроса можно выделить две крупные группы. Это тактические приемы и способы закрепленные в действующем УПК РФ и не имеющие государственного закрепления в кодексе.

К первой категории следует отнести следующие виды тактических приемов и способов:

— Предписывающие определенный порядок действий следователя или дознавателя в рамках проведения следственного действия;

— Приемы, применение которых зависит от усмотрения следователя или дознавателя;

— Приемы, прямо запрещенные действующим УПК

К примеру, а действующем УПК РФ в положениях, предусмотренных ст. 189 прямо предусмотрено, что следователю запрещено задавать наводящие вопросы допрашиваемому лицу [2, ст. 189].

Второй крупной группой из ранее названных можно назвать тактические приемы и способы, которые прямо не регламентированы в УПК РФ. К таким приемам в литературе чаще всего относят проведения гипнотических сеансов или использование полиграфа.

Использование последних средств в процессе предварительного следствия в Российской Федерации фактически неприменимо. Сведения, полученные в ходе допроса с использованием полиграфа нельзя использовать как непосредственное доказательство, однако это может оказывать определенное влияние на допрашиваемого или может способствовать направлению тактики следствия [3, с. 264].

Использование же гипноза в России фактически недопустимо, однако ранее использовалось в практике по некоторым категориям дел и в отношении некоторых категорий допрашиваемых лиц. Так, к примеру, гипноз ранее применялся к потерпевшим по преступлениям против половой свободы и неприкосновенности, что позволяло в некоторых случаях получать достаточно точные описания преступников в условиях психотравмирующих ситуаций.

Как было указано ранее, любые тактические приемы и способы, используемые в рамках допроса должны быть законными, то есть соответствующими положениям не только Российского законодательства, но и международного, в том числе должны соблюдать права и свободы человека [1, ст. 2]. Помимо прочего важно заметить, что тактические приемы и способы допроса должны быть в том числе логичными, должны отвечать нормам этики, морали и профессиональной деятельности следователя или дознавателя, а также должны быть экономичными.

Тактика допроса подозреваемого лица строится по общепринятым нормам, ввиду особенной именно этой категории допрашиваемого лица.

Важно понимать, что допрос производится непосредственно после избрания меры пресечения подозреваемому или непосредственно после его задержания. В некоторых случаях допрос проводится не позднее 24 часов с момента задержания подозреваемого, что прямо предусмотрено УПК РФ.

Тактика допроса подозреваемого строится в зависимости от его позиции на момент допроса. В данном случае у подозреваемого на практике возникает одна из двух ситуаций. Первая ситуация наиболее простая для следователя.

При первой ситуации характерно бесконфликтное поведение подозреваемого, что позволяет следователю провести допрос относительно быстро, применяя минимальное количество тактических приемов и способов.

Такие ситуации, на практике, характерны при задержании лица на месте преступления и в ситуации, при которой подозреваемый совершает преступление в первый раз. В данном случае психологическое состояние человека под страхом ответственности позволяет провести допрос в наиболее простой форме.

У преступников, имеющих опыт взаимодействия с органами государственной власти или ранее отбывавших наказание за совершенное ранее преступление тактика поведения может быть иной. Данная тактика в литературе описывается как конфликтная.

Для такой тактики у подозреваемого есть несколько шаблонов действий: отрицание своей вины, дача ложных показаний.

В данном случае мотивация подозреваемого — избежание наказания любым доступным способом. Ввиду чего следователю приходится использовать большее количество тактических приемов и способов, направленных на получение доказательств.

В данном случае следователь может переходить к использованию некоторых тактических приемов для проведения допроса: убеждение подозреваемого в неправильности установленной позиции, разъяснение правовых последствий дачи ложных показаний, воздействие на положительные черты личности подозреваемого, воззвание к нормам морали.

Это лишь примерный перечень тактических приемов и способов, которые может применять следователь при проведении допроса подозреваемого.

В законодательной конструкции допрос подозреваемого и обвиняемого, фактически, не имеет никаких от-

личий. Однако, тактическая сторона проведения допроса обвиняемого кардинально отличается от допроса подозреваемого. В данном случае для следователя будет иметь большее количество факторов: личность обвиняемого, состав преступления, доказательственная база, установка обвиняемого [4, с. 17].

Тактика допроса обвиняемого в бесконфликтной ситуации очень схожа с тактикой допроса подозреваемого, однако существуют определенные различия. Так, следователь или дознаватель в ходе допроса может оперировать имеющимися в деле доказательствами, в то время как во время допроса подозреваемого, как правило, доказательственная база пока ограничена. Бесконфликтная ситуация допроса обвиняемого наиболее благоприятна для следователя, поскольку позволяет провести допрос в простой форме.

В конфликтной ситуации допроса обвиняемого ситуация обстоит несколько иная. В конфликтной ситуации следователь или дознаватель должен использовать весь свой арсенал тактических приемов и способов по максимуму. В данном случае могут быть использованы методы убеждения, представления доказательств, метод косвенного допроса и другие тактические приемы.

Безусловно, конфликтная установка допрашиваемого лица напрямую может влиять на итоговый результат допроса, однако стоит понимать, что следователь или дознаватель — уполномоченное и обученное лицо, обладающее определенными навыками, способное провести самое сложное следственное действие.

Таким образом, важно понимать, что допрос, как и любое иное следственное действие, строится поэтапно. При подготовке допроса следователь или дознаватель должен учитывать огромное количество фактов — от личности допрашиваемого лица до имеющихся доказательств по делу. Следователь должен уметь анализировать текущую обстановку, определять установку допрашиваемого лица и уметь определенными тактическими приемами и способами провести допрос наиболее благоприятно для всех сторон уголовного судопроизводства. В этом ключе нужно понимать, что следователь или дознаватель должен оставаться хладнокровным и сохранять терпение в любых стрессовых ситуациях, а также обладать всеми имеющимися навыками проведения допроса для успешного проведения следственного действия.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // Справочная правовая система Консультант Плюс. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 05.12.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.11.2025 г.) // СПС Консультант Плюс — Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 22.09.2025).

3. Плотникова, А. А. Использование полиграфа в раскрытии преступлений / А. А. Плотникова. Хабаровск, 1996. — 295 с.
4. Селина, Е. В. Концептуальное значение перечня видов доказательств в уголовном процессе Российской Федерации // Российский следователь. 2016. № 19. с. 16–18.
5. Мисник, И. В. Особенности некоторых видов допросов в российском уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. трудов. 2018. № 2(6). с. 4446.

Актуальные проблемы квалификации преступлений против жизни и здоровья, совершенных из хулиганских побуждений

Балашова Алина Ильинична, студент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

В данной работе автор осуществляет теоретическое изучение действующих норм Уголовного кодекса Российской Федерации, Постановлений Пленума Верховного Суда РФ и релевантной судебной практики по вопросам преступлений против жизни и здоровья, совершенных из хулиганских побуждений. Основное внимание уделяется анализу проблем квалификации таких деяний, а также выработке предложений по улучшению правоприменительной практики.

Ключевые слова: мотивы хулиганства, классификация преступлений, судебная практика, назначение наказания, ошибки в правоприменительной практике.

Actual problems of qualification of crimes against life and health committed for hooligan motives

Balashova Alina Ilyinichna, student

National Research Mordovian State University named after N. Ogarev (Saransk)

This paper offers a theoretical examination of the norms articulated in the Criminal Code of the Russian Federation, alongside an analysis of Resolutions from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and relevant case law concerning incidents where harm to human health is inflicted due to hooliganism. The researcher elucidates the prevailing challenges in criminal qualification of such offenses and proposes solutions for addressing these issues.

Keywords: delinquent intent, categorization of offenses, court procedures, penal measures, and miscalculations in policing.

Стоит начать с того, что преступление, совершенное «из хулиганских побуждений», представляет собой деяние, совершенное из явного неуважения к обществу, осуществленное с грубым пренебрежением к социальным нормам и моральным ценностям. Это проявляется в агрессивном поведении, направленном на нарушение публичного спокойствия и открытое пренебрежение к правопорядку, часто с целью противопоставления себя окружающим и разжигания скандала среди общественности.

Хулиганство означает грубое нарушение общественного спокойствия, демонстрирующее очевидное презрение к социальным нормам, осуществляемое через использование оружия или движимое мотивами политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной антипатии или враждебности.

Уголовно наказуемые деяния, совершенные из хулиганских побуждений, характеризуются как преднамеренные посягательства на человеческую личность, осуществля-

емые без весомых оснований или с использованием незначительного повода.

Следовательно, становится очевидно, что между понятиями хулиганства и хулиганских побуждений нет идентичности. Хулиганство определяется как отдельное уголовное деяние, тогда как хулиганские побуждения функционируют как обостряющий фактор (квалифицирующий признак) в структуре ряда составов преступлений.

В рамках эволюции уголовно-правовой системы сформировалась специфическая категория преступлений против жизни и здоровья, совершенных из хулиганских побуждений, которая требует отдельной юридической оценки:

— убийство, совершенное из хулиганских побуждений (п. «и» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса);

— умышленное причинение тяжкого вреда здоровью из хулиганских побуждений (п. «д» ч. 2 ст. 111 Уголовного кодекса);

— умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью из хулиганских побуждений (п. «д» ч. 2 ст. 112 Уголовного кодекса);

— умышленное причинение легкого вреда здоровью из хулиганских побуждений (п. «а» ч. 2 ст. 115 Уголовного кодекса);

— нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, из хулиганских побуждений (п. «а» ч. 2 ст. 116 Уголовного кодекса).

1) Определить границу между хулиганством и ревностью бывает непросто, так как ревность иногда проявляется в формах, схожих с хулиганскими. К примеру, убийство, совершённое из-за ревности или мести, не следует относить к деяниям, мотивированным хулиганскими побуждениями.

Часто преступления, совершенные по хулиганским мотивам, характеризуются неопределенностью причин действий. В мотивы таких преступлений иногда ошибочно включают стремление к мести или политические убеждения, что фактически выходит за рамки классического понимания хулиганства.

При разделении мотивов хулиганства и ревности следует учесть их разнообразие. Ревность, например, обычно связана с личными отношениями и чувствами к другому человеку, основывается на конкретных действиях или обстоятельствах, которые вызвали такую реакцию. В отличие от неё, хулиганское поведение исходит не из личных чувств к определенному лицу, а из желания продемонстрировать презрение к нормам общества и его членам, проявляя агрессивное, доминирующее отношение к окружающим, особенно к тем, кто воспринимается как более уязвимый.

Согласно установленным положениям судебной практики, мотив хулиганства должен быть преобладающим среди всех других, определяющих действия обвиняемого.

Возьмем для анализа дело, рассмотренное Белгородским областным судом. Гражданин К., проживающий с женой и дочерью, регулярно употреблял алкоголь, устраивал скандалы и физически насиловал своих родных. В результате заявления жертвы суд решил аннулировать брак. Несмотря на это, К. продолжал жить в том же жилье, сохраняя свой прежний стиль поведения, что привело к его осуждению в 2017 году за антисоциальные действия и приговору к двум годам лишения свободы.

Вышедший на свободу К., правонарушения в которого не закончились за решеткой, продолжил преследовать свою экс-супругу. Он настаивал на их повторном сожительстве, угрожая иначе расправой. В один из дней, незаконно проникнув в ее жилище через оконную форточку, он напал на женщину. Используя подручные предметы, удары ногами и в конечном итоге убив ее, задушив скруткой из наволочки.

Суд первой инстанции правомерно отклонил заявление обвиняемого о том, что причиной убийства послужили ревность и антипатия к супруге, и расценил это

деяние как убийство, совершенное из хулиганских побуждений.

Апелляционная инстанция поддержала решение первой инстанции, подчеркнув многогранность мотивации обвиняемого. В частности, в наборе его побуждений прослеживались такие аспекты, как ревность и озлобленность по отношению к супруге из-за ее решительного отказа восстановить брачные отношения, а также чувство ущербности из-за неудач в личной жизни.

Основная причина, побудившая К. к совершению преступления, заключалась в хулиганских побуждениях. У него присутствовало стремление демонстрировать свою доминирующую позицию, выражая явное неуважение к женщине. Он стремился насильно навязать свою волю, никак не связанной с ним по обязательствам женщине, которая не желала поддерживать с ним какие-либо контакты.

Действия обвиняемого были квалифицированы судом как хулиганство на основании мотива, выраженного в использовании незначительных поводов для совершения преступления против случайных лиц. К таким поводам отнесены ситуации, когда жертва отказывается предоставить спички для курения, игнорирует попытки начать диалог с нетрезвым лицом, уклоняется от предложения распить напитки на улице, или указывает на неподобающее поведение в публичных местах.

2) Хулиганский мотив в контексте умышленного нанесения тяжкого вреда здоровью является ключевой движущей причиной для совершения преступления. Определение такого мотива позволяет выявить причины, по которым человек совершил насилие, идентифицировать психологические и социальные факторы, повлиявшие на формирование умысла преступника. Взаимодействие внутренних потребностей и внешних обстоятельств провоцирует личность на противоправные действия, преодолевая моральные и юридические границы.

Нанесение ущерба здоровью из хулиганских побуждений может осуществляться с различными видами умысла — прямым или косвенным, однако преимущественно используется косвенный умысел. У виновного лица присутствует стремление к самоутверждению, при этом в процессе преступления он осознает возможность нанесения серьезного вреда здоровью, но остается равнодушным к возможным последствиям своих действий. В то же время, действия, сопутствующие умышленному тяжкому вреду здоровью, направлены на конкретного человека, его физическое состояние, и не являются бесцельными.

В юридической практике часто возникают ошибки при определении мотивов умышленного причинения значительного вреда здоровью, когда дело касается личной неприязни или хулиганства. Основным стимулом к хулиганскому поведению связан не с личными взаимоотношениями, а с нарушением общественных моральных норм. В то время как личная неприязнь обычно проистекает из знакомства и отрицательного восприятия поведения или

действий другого человека. Хулиганские мотивы становятся приоритетными для квалификации преступления, если оно совершено спонтанно или по незначительному поводу. Поскольку эти два мотива противоречат друг другу, преступные действия не должны одновременно квалифицироваться как вызванные хулиганскими побуждениями и основанные на личной неприязни.

Обвиняемый Ф., ранее привлеченный к ответственности в соответствии с п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ, умышленно и из хулиганских побуждений нанес несколько ударов по голове П., используя деревянную битку. Действия обвиняемого произошли на фоне личной вражды во время ссоры, которая эскалировала в физическую стычку. В результате агрессии П. получил серьезные травмы: рану на волосистой части головы и линейный перелом костей черепа. Из материалов уголовного дела следует, что между Ф. и П. существовали дружеские связи со школьных времен, однако, в состоянии алкогольного опьянения, конфликт между ними обострился, что привело к взаимной драке с последствиями в виде тяжкого вреда здоровью П. Таким образом, действия Ф. были квалифицированы как совершенные по личным мотивам.

Квалификация действий по п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ предполагает анализ обстоятельств инцидента, особенно когда речь идет о тяжком вреде здоровью, причиненном в ходе конфликта, ссоры или драки. Существует правовая позиция, определяющая ответственность сторон, когда причиной конфликта были действия самого потерпевшего. Если потерпевший спровоцировал драку или его действия были противоправны, то виновное лицо не может быть осуждено за действия с хулиганских побуждений. Вместе с тем, если инициатором нарушения общественного порядка является виновный, ответственность за преступление из хулиганских побуждений возможна, при условии, что доказана хулиганская природа его поступка. Это подразумевает прямую связь между мотивацией преступника и его действиями.

Иногда к ошибкам в оценке преступления приводит переоценка значения места его совершения. Характерно для хулиганства стремление к открытой демонстрации своих поступков, что позволяет выразить явное презрение к общественным нормам. Однако проявления хулиганских побуждений могут возникать и в уединенных местах, без свидетелей. Основная ошибка заключается в том, что при анализе преступления аспекты, связанные с обстоятельствами и местоположением деяния, рассматриваются изолированно от истинных мотивов преступника.

Хулиганские мотивы часто смешиваются с другими причинами, лежащими в основе агрессивных действий против здоровья и жизни. Опыт правоприменения показывает случаи, где хулиганство сопутствует ксенофобским или националистическим устремлениям. Определить преобладающий мотив в таких условиях иногда представляется сложной задачей. Однако существующее законодательство рассматривает возможность учета такого мотивационного сочетания в рамках квалификации деяния, как это видно из спецификации в рамках определенных пунктов уголовных статей, например, в пп. «д» и «е» п. 2 ст. 111 и 112, или «а» и «б» п. 2 ст. 115 УК РФ.

Таким образом, анализируя представленные данные, становится ясно, что ключевой элемент в определении хулиганства при умышленных нападениях на здоровье и жизнь состоит в субъективной склонности личности к нарушению общественных норм, проявляемой через дерзость, циничность и оскорбительный характер действий.

Совершенствование норм российского уголовного кодекса, а также повышение квалификации юридических практиков, включая их способность корректно классифицировать преступления и назначать справедливые наказания за деяния, мотивированные хулиганскими побуждениями, способствует более эффективному урегулированию и борьбе с такими правонарушениями.

Литература:

1. Основной закон Российской Федерации — Конституция, утвержденный референдумом 12 декабря 1993 года и модифицированный в результате национального голосования 1 июля 2020 года, доступен в текстовом формате на сайте «КонсультантПлюс»: [юридическая информационно-консультационная система]. Условия доступа: подписка. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Российская Федерация. Нормативные акты. Уголовный кодекс России, утвержденный 13 июня 1996 года под номером 63-ФЗ, включает текст с последующими поправками и дополнениями. Законодательный документ был принят Госдумой 24 мая 1996 года и получил одобрение Совета Федерации 5 июня того же года. Источник: Гарант, юридическая справочно-правовая система. Документ доступен по ссылке: <https://base.garant.ru/10108000/>, доступ через интернет.
3. Российская Федерация. Постановления. О правоприменении в уголовных делах, связанных с хулиганством и преступлениями на почве хулиганских мотивов: Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24: [одобрено Пленумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2007 года № 45]. — Доступ из сети: электронный текст // КонсультантПлюс: [юридическая информационная система]. — Ссылка: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/. — Доступ онлайн.
4. Косарев, М. Н. Практикум по квалификации специфических видов преступлений: учебник / Косарев М. Н. — Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2019. — 392 с. — Текст: оригинальный.

5. Наркенбаев, Е. Е. Проблемы дифференциации хулиганства от прилегающих уголовных и административных нарушений / Е. Е. Наркенбаев. — Текст: первоисточник // Молодой ученый. — 2020. — № 47 (337). — с. 82–97.
6. Рясков, Д. А. Основные аспекты улучшения практики исполнения законодательства о наказании за действия хулиганского характера / Д. А. Рясков. — Текст: прямой // Наука. Образование. Современность. — 2020. — № 4. — 6 с.
7. Харламов, Д. Д. Проблематика квалификации деяний как хулиганства / Д. Д. Харламов. — Текст: первоисточник // Издание Вестник Московского университета. — 2022. — Вып. 6. — Стр. 82–99.

Ознакомление с материалами уголовного дела государственного обвинителя при поддержании государственного обвинения в суде первой инстанции

Вынар Любовь Викторовна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В работе раскрыта тема установления четких сроков ознакомления государственного обвинителя с уголовным делом для формирования позиции обвинения и представления стороны обвинения в суде первой инстанции.

Ключевые слова: преступление, закон, прокурор, государственный обвинитель, сроки, ознакомление, сторона обвинения, суд первой инстанции.

Понятие государственного обвинителя законодательно закреплено в пункте 6 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса (далее по тексту УПК РФ) [2]. Согласно трактовке понятия, данная фигура представляет собой должностное лицо, которое поддерживает от имени государства обвинение в суде по уголовным делам.

Также прокурор (государственный обвинитель) осуществляет правозащитную функцию, поскольку именно он выступает гарантом прав и свобод подсудимого, всех участников процесса. Участие прокурора, который выступает в суде первой инстанции, как государственный обвинитель неразрывно связано с направлением деятельности прокуратуры. Однако рассматривая УПК РФ, а именно концепцию состязательности в уголовном судопроизводстве, прокурор также выступает со стороны обвинения, выполняя функцию обвинения, которая противостоит функции защиты.

Поддержание государственного обвинения в суде первой инстанции является одной из важнейших функций прокуратуры. В целях совершенствования этой деятельности Генеральным прокурором РФ 25.12.2012 издан приказ № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». Государственный обвинитель (прокурор) должен оценить собранные по уголовному делу доказательства с точки зрения их допустимости, относимости, достоверности и достаточности; продумать тактику их представления в ходе судебного следствия; принять меры по обеспечению явки в суд потерпевших и свидетелей обвинения. В случае выявления недостатков предварительного расследования продумать меры по их устранению в ходе судебного следствия (например, путем допроса свидетелей, в том числе тех, которые не допрашивались в ходе предварительного расследования, оглашения материалов уголовного дела, представления новых

доказательств, заявления ходатайств о производстве следственных действий). [Н. В. Буланова, с. 8–9]

На основании такой многозадачной и трудоемкой работы государственного обвинителя в ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции, следует учитывать его опыт, категорию расследуемого преступления, объем материалов уголовного дела. Закон говорит о поддержании государственного обвинения прокурором, а это значит, что государственным обвинителем может быть назначен любой помощник, заместитель прокурора независимо от того, какие функции он выполняет. Поэтому прокурору при назначении по поручению государственного обвинителя следует обратить внимание на его профессиональные качества.

Известно, что статус государственного обвинителя прокурор приобретает после получения письменного поручения. Согласно позиции Генеральной прокуратуры РФ, отраженной в приказе от 30.06.2021 № 376, государственные обвинители назначаются руководителем прокуратуры заблаговременно с целью подготовки к судебному заседанию [4]. Поручение о поддержании государственного обвинения инициирует деятельность прокурора, направленную на изучение материалов уголовного дела с целью формирования позиции обвинения.

На наш взгляд одной из проблем, возникающих в ходе участия в суде первой инстанции государственного обвинителя, будет отсутствие нормативного закрепления сроков и самого понятия «заблаговременного». Так, прокурор утверждающий обвинительное заключение по закону располагает 10 сутками для изучения дела и принятия решения об утверждении обвинительного заключения. в отличии от государственного обвинителя, поскольку государственный обвинитель не получает дело, а лишь имеет право на ознакомление с ним в помещении

суда. в ходе ознакомления государственный обвинитель имеет право делать свои личные записи и пометки, а в ходе судебного разбирательства обращаться к ним и опираться на них.

В соответствии со статьей 231 УПК РФ стороны извещаются о дне судебного заседания не позднее 5 суток до его начала. На практике сотрудник получает письменное поручение на государственное обвинение в день, который предшествует дню судебного заседания, из чего следует, что объективно отсутствует возможность изучить доказательственную базу по уголовному делу и сформировать четкую позицию обвинения. Данный аспект может привести к неуверенной позиции государственного обвинения. в Большинство случаев из этого вытекает ходатайство об отложении судебного заседания для более детального ознакомления и формирования четкой, законной и уверенной позиции обвинения. Одно из последствий отложения — это затягивание рассмотрения уголовного дела в суде (увеличение сроков рассмотрения).

Также следует отметить, что молодым сотрудникам требуется больше времени для ознакомления с материалами уголовного дела и формированию позиции. Это не говорит об отсутствии квалификации у сотрудников, опыта или достаточных знаний. Это объективный фактор, поскольку для полной и всесторонней оценки требуется не один день, кроме того, на основании материалов должна сформироваться четкая и обоснована позиция, которая будет подтверждаться материалами уголовного дела.

На основании вышесказанного нами сделан вывод, что отсутствие нормативного закрепления понятия «забла-

ременно» и установления конкретных сроков для подготовки к представлению государственного обвинения в суде, негативно сказывается на поддержании государственного обвинения и дальнейших сроках рассмотрения уголовного дела.

Для минимизации негативного влияния и оптимизации рассмотрения уголовного дела в суде, нами выдвинут путь решения данной проблемы, а именно подготовку государственного обвинителя к судебному заседанию и ознакомлению его с материалами уголовного дела выделить в отдельный этап, закрепить конкретный срок в 10 суток. Нами определен именно такой срок, поскольку он является наиболее оптимальным для полного изучения материалов уголовного дела, подготовки позиции для поддержания государственного обвинения. Кроме того, в поддержание именно такого срока, следует отметить, что ранее законодатель уже установил аналогичный срок для утверждения обвинительного заключения, что подтверждает достаточность срока 10 суток для этапа ознакомления и подготовки позиции.

Возможность ознакомления государственного обвинителя с материалами уголовного дела 10-дневный срок позволит усовершенствовать участие государственного обвинителя в суде первой инстанции, укрепит сторону обвинения и сократит количество отложных заседаний из-за отсутствия возможности детально ознакомиться с делом. Данное нововведение имеет огромное значение для совершенствование участия прокурора в суде первой инстанции и позволит улучшить рассмотрение уголовного дела в суде в целом.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с изм. и доп., действующими на 2025 г.).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. действующая).
3. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (ред. действующая).
4. Приказ Генеральной прокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс»;
5. Буланова, Н. В. Участие прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства: учеб. пособие / Н. В. Буланова; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2019. — 108 с.
6. С. П. Ефименко, М. А. Иванов, О. В. Николенко, В. И. Рохлин, И. К. Севастьяник, Е. В. Сидоренко; под общ. ред. В. И. Рохлина. Поддержание государственного обвинения: учебное пособие / СПб.: СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. 72 с.

Понятие конфискации имущества

Громова Анна Владимировна, студент магистратуры
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

Статья посвящена анализу юридической техники изложения понятия конфискации имущества. В результате анализа автор пришел к выводу, что современное понятие конфискации имущества, несмотря на попытки законодателя исключить правовые дефекты, нельзя назвать исчерпывающим. Автором предложено привести в соответствие ч. 1 ст. 104.1 УК РФ с положением акта, разъясняющего применение конфискации имущества в части понятия конфискации имущества относительно формы судебного акта, на основании которого применяется конфискация имущества.

Ключевые слова: конфискация имущества, понятие, решение суда, приговор, постановление (определение) о прекращении уголовного дела, изъятие.

The concept of confiscation of property

The article is devoted to the analysis of legal techniques for describing the concept of property confiscation. As a result of the analysis, the author concluded that the current concept of property confiscation, despite the legislator's attempts to eliminate legal defects, cannot be considered comprehensive. The author proposes to bring Part 1 of Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation into compliance with the provisions of the act clarifying the application of property confiscation in terms of the concept of property confiscation regarding the form of the judicial act on the basis of which property confiscation is applied.

Keywords: property confiscation, opredeleniye, the court's decision, sentence, resolution (definition) on termination of the criminal case, withdrawal.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года (УК РФ), вступивший в законную силу 1 января 1997 года, как и его предшественник, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года, закрепляет положения о конфискации имущества.

Изначально, в соответствии со ст.ст. 44, 45, 52 УК РФ в редакции 1996 года, конфискация имущества представляла собой дополнительное наказание, назначаемое в случаях, прямо указанных в санкции соответствующей статьи УК РФ, за совершение из корыстных побуждений тяжких и особо тяжких преступлений. Содержание конфискации имущества заключалось в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного [1].

Позднее, сославшись на неэффективность конфискации имущества, Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ законодатель исключил конфискацию имущества из УК РФ, упразднив ее как вид наказания [2].

Признавая необходимость защиты государственных интересов, а также принимая во внимание состояние преступности, законодатель в 2006 году вернул конфискацию имущества в УК РФ, дополнив его гл. 15.1 «Конфискация имущества», состоящей и по настоящее время из ст.ст. 104.1–104.3, которые включены в раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера».

Первоначально, под конфискацией имущества в соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ понималось принудительное безвозмездное обращение по решению суда в собственность государства определенного законом имущества [1].

Стоит отметить, что реакция представителей научного сообщества на такое содержание определения конфискации имущества не заставила себя долго ждать. Авторы обращали внимание на спорность терминов «решение суда» [3, с. 131–134], [4, с. 52–53], [5, с. 55–56], «обращение имущества в собственность» без предварительного изъятия [6, с. 14], [7, с. 75].

Итак, решение суда представляет собой родовое понятие, принимаемых судом актов как на стадии досудебного производства по уголовному делу, так и на стадии разрешения уголовного дела по существу.

В соответствии с действующим законодательством решение суда выносится либо в виде отдельных процессуальных актов, или же оно выносится судом в зале судебного заседания и заносится в протокол.

Согласно п. п. 23, 25, 28 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) в виде отдельных процессуальных актов, суд принимает решение в следующих формах: определение, постановление, приговор.

При этом, только лишь в отношении «приговора», законодатель в п. 28 ст. 5 УПК РФ раскрывает исчерпывающее по своему содержанию предназначение данного судебного решения.

Итак, приговор представляет собой решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции. Таким образом, данное решение суда является актом, выносимым судом по результатам рассмотрения уголовного дела по существу.

В отличие от приговора, законодатель в п. п. 23, 25 УПК РФ не раскрывая каким-либо образом содержание и предназначение таких судебных актов, как определение и постановление, указав лишь, каким должностным лицом они выносятся, и на какой стадии производства по уголовному делу. Их непосредственное содержание, предназначение и порядок вынесения, указаны в соответствующих нормах УПК РФ.

Решение суда в форме отдельного судебного акта в виде постановления или определения выносятся о возвращении уголовного дела прокурору в соответствии со ст. 237 УПК РФ, о прекращении уголовного дела и об избрании, изменении или отмене меры пресечения в отношении подсудимого, о судебном разбирательстве в случае, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ, в отсутствие судимости, о продлении срока содержания под стражей, об отводах, о назначении судебной экспертизы, в остальных случаях решение суда, при наличии оснований, выносится судом по его усмотрению в форме постановления или определения в зале судебного заседания, которое заносится в протокол судебного заседания [8].

Таким образом, законодатель, указав в первоначальной редакции ч. 1 ст. 104.1 УК РФ на решение суда, как основание применения конфискации имущества, допустил неопределенность регулирования, т. е. размытость терминологии, поскольку было совершенно не понятно, в какой форме следует оформлять решение суда о назначении конфискации имущества. Такое нарушение юридической техники, привело к дефекту правовой нормы, и, следовательно, к проблемам в правоприменительной практике, дискуссиям среди представителей научного сообщества.

Определение конфискации имущества в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ в редакции 2006 года, по мнению Д. Ю. Борченко, с которым следует согласиться, не могло быть признано исчерпывающим, и по тому, что в нем говорилось лишь об обращении имущества в собственность государства, которому должно предшествовать изъятие (отобрание) имущества осужденного или иных лиц.

Д. Ю. Борченко отмечал, что изъятие (отобрание) имущества у осужденного является основным элементом содержания конфискации, поскольку оно не только обращается в собственность государства, но и используется для возмещения причиненного вреда, а также в случаях, предусмотренных нормами УПК РФ, подлежит уничтожению [6, с. 14].

Д. В. Ширипов, рассуждая о признаках конфискации имущества в гражданском, административном, уголовном праве, также отмечал «изъятие» как обязательный признак конфискации имущества [7, с. 75].

Обратим внимание, что не только представители научного сообщества отмечали «изъятие» как обязательный признак конфискации имущества.

2 октября 2007 года был принят Федеральный закон № 229-ФЗ в частности определяющий условия и порядок принудительного исполнения судебных актов, в соответствии со ст. 104 которого в первоначальной редакции,

конфискация имущества включала в себя принудительное безвозмездное «изъятие» у должника или иных лиц имущества, указанного в исполнительном документе, и передачу его государственным органам или организациям для обращения в государственную собственность в соответствии с их компетенцией, установленной Правительством Российской Федерации [9].

Таким образом, в целях устранения выявленных законодателем пробелов в правовом регулировании конфискации имущества [10], а также возможно стараясь привести в соответствие понятие конфискации имущества, закрепленное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ с содержанием конфискации имущества, приведенное в ст. 104 Федерального закона № 229-ФЗ, законодатель Федеральным законом от 25 декабря 2008 года 280-ФЗ внес изменения в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, в том числе в содержание понятия «конфискация имущества», вступившие в силу 10 января 2009 года. С этого момента и по настоящее время конфискация имущества представляет собой принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора определенного законом имущества, что существенно отличает ее от конфискации имущества периода до 2003 года [11].

Однако, несмотря на попытку законодателя с принятием Федеральным законом от 25 декабря 2008 года 280-ФЗ исключить правовые дефекты ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, представители научного сообщества критично относились к такому элементу содержания современной конфискации имущества, как «обвинительный приговор», поскольку он ограничивает применение конфискации имущества [12, с. 17], [13, с. 20], [14, с. 395], [15, с. 26].

Конфискация имущества возможна только в случае установленного в суде факта того, что такое имущество или доходы от него получены в результате совершения преступления, предусмотренного п. п. «а» — «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, либо оно использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) [16].

Указанные факты могут быть установлены судом не только при вынесении обвинительного приговора суда, но и при вынесении судом постановления, определения о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям, например: истечение сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), смерть обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), прекращение уголовного дела в связи с применением сторон (ст. 25 УПК РФ), деятельное раскаяние (ст. 28 УПК РФ) [8], что, по сути, в отсутствие обвинительного приговора суда как будто бы исключало возможность конфискации имущества.

Несмотря на это, например, судебную практику применения конфискации имущества в случае смерти субъекта уголовных правоотношений, отличало отсутствие

единообразия, поскольку одни считали, что смерть субъекта уголовных правоотношений не исключает конфискацию имущества, другие наоборот указывали на то, что смерть субъекта уголовных правоотношений исключает конфискацию имущества, поскольку ее цель, предупреждение совершения указанным субъектом новых преступлений, в силу объективных причин не может быть достигнута [17], [18]. При этом, вопрос о конфискации имущества в случае смерти субъекта уголовных правоотношений, разрешался судами в форме постановления.

12 декабря 2023 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) своим постановлением № 45 внес изменения в том числе в п. п. 11, 12 постановления Пленума ВС РФ от 14 июня 2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», в соответствии с которыми постановление, определение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, также как и обвинительный приговор, признаются фор-

мами решения суда относительно применения конфискации имущества [19].

Однако, особо обратим внимание на то, что понятие конфискации имущества, закрепленное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, никаких изменений не претерпело. Обвинительный приговор суда, в соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, остается по-прежнему исключительным основанием применения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера.

В этой связи, предлагается ч. 1 ст. 104.1 УК РФ после слов «обвинительного приговора» дополнить словами «(постановлении, определении о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям)». Таким образом, конфискация имущества будет представлять собой — принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора (постановления, определения о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям) строго определенного законом имущества.

Литература:

1. Российская Федерация. Закона. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 1996). — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/, доступ СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 14.11.2025) — Загл. с экрана.
2. Российская Федерация. Закона. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 1996). — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/, доступ СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 14.11.2025) — Загл. с экрана.
3. Яни, П. С. Конфискация имущества и уголовная ответственность [Электронный ресурс] / П. С. Яни // Уголовное право. — 2006. — № 6. — с. 131–135. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12951196>, доступ из НЭБ «Е-Library» (20.12.2025). — Загл. с экрана.
4. Рагулин, А. Проблемы применения конфискации имущества в уголовном праве [Электронный ресурс] / А. Рагулин // Уголовное право. — 2007. — № 1. — с. 50–54. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12951208>, доступ из НЭБ «Е-Library» (20.12.2025). — Загл. с экрана.
5. Михайлов, В. Законодательное закрепление конфискации имущества: позитивный анализ [Электронный ресурс] / В. Михайлов // Уголовное право. — 2008. — № 2. — с. 54–59. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11151032>, доступ из НЭБ «Е-Library» (20.12.2025). — Загл. с экрана.
6. Борченко, Д. Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения [Электронный ресурс]: автореф. дис. канд. юрид. наук, специальность 12.00.08 / Борченко Денис Юрьевич; [Место защиты: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина; Д 212.081.13]. — Электрон. дан. — Казань, 2007. — 20 с. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003066453, свободный (дата обращения 01.12.2025). — Загл. с экрана.
7. Ширипов, Д. В. Защита права частной собственности при конфискации [Электронный ресурс] / Д. В. Ширипов // Гражданин и право. — 2008. — № 5. — с. 75–82. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16559256>, доступ из НЭБ «Е-Library» (28.12.2025). — Загл. с экрана.
8. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 18.12.2001, № 174-ФЗ (действ. ред. 2025). — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481, доступ СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 20.12.2025). — Загл. с экрана.
9. Российская Федерация. Законы. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс]: федер. закон от 02.10.2007, № 229-ФЗ (действ. ред. 2007). — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450, доступ СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 20.12.2025). — Загл. с экрана.
10. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 105377-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» // СОЗД ГАС «За-

- конотворчество»: [офиц. сайт] / Государственная дума Федерального Собрания Российской Федерации. — Москва, [2008?]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/105377-5>, свободный (дата обращения: 19.12.2025). — Загл. с экрана.
11. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]: федер. закон от 25.12.2008 № 280-ФЗ (ред. 2008). — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82998, доступ СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 01.12.2025) — Загл. с экрана.
12. Пропостин, А. А. Конфискация имущества как мера борьбы с преступностью: прошлое, настоящее, будущее [Электронный ресурс]: автореф. на соис. уч. степ. дис. канд. юрид. наук, специальность 12.00.08 / Пропостин Андрей Александрович; [Место защиты: Том. гос. ун-т; Д 212.267.02]. — Электрон. дан. — Томск, 2010. — 21 с. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1691888, свободный (дата обращения 12.11.2025). — Загл. с экрана.
13. Толков, Д. В. Конфискация имущества как институт уголовного права [Электронный ресурс]: автореф. дис. на соис. уч. степ. канд. юрид. наук, специальность 12.00.08 / Толков Дмитрий Васильевич; [Место защиты: Акад. права и упр. Федер. службы исполнения наказаний; Д 229 003 01]. — Электрон. дан. — Рязань, 2010. — 23 с. — Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004607353>, свободный (дата обращения 29.12.2025). — Загл. с экрана.
14. Макарова, В. В. Конфискация имущества: отдельные вопросы теории и практики [Электронный ресурс] / В. В. Макарова // Уголовно-исполнительное право. — 2022. — № 3. — Т.17. — с. 393–400. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49559689>, доступ из НЭБ «E-Library» (28.12.2025). — Загл. с экрана.
15. Ларина, Л. Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера за преступления коррупционной направленности [Электронный ресурс] / Л. Ю. Ларина // Вестник Югорского государственного университета. — 2025. — № 2. — Т. 21. — с. 23–28. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82537977>, доступ из НЭБ «E-Library» (04.11.2025). — Загл. с экрана.
16. Российская Федерация. Постановление. О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018, № 17. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300232, доступ СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 20.12.2025). — Загл. с экрана.
17. Постановление Тахтамукайского районного суда Республики Адыгея от 8 июня 2023 года по делу № 1–268/2023. — URL: https://tahtamukaysky-adg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_or=doc&number=50721093&delo_id=1540006&new=0&text_number=1, доступ сайт Тахтамукайского районного суда Республики Адыгея (дата обращения: 18.11.2025), свобод.
18. Постановление Угличского районного суда Ярославской области от 26 сентября 2023 года по делу № 4/17–225/2023. — URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=AOCN&n=13684174&cacheid=BFF242508DE31171EFAD8E30684347C6&mode=splus&rnd=TebuKA#YSYyT3Vg5C9OdkJv1>, доступ СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 20.11.2025), свобод.
19. Российская Федерация. Постановление. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023, № 45. — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464552, доступ СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 20.11.2025). — Загл. с экрана.

Административная ответственность кредитных организаций за нарушения в сфере банковской деятельности

Демидова Оксана Валерьевна, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Вопросы ответственности банков за нарушения законодательства имеют большое значение для административной юрисдикции, выступая как механизм государственного регулирования и воздействия. За более чем двадцать лет Центральный банк России накопил значительный опыт применения санкций к кредитным организациям, что делает данное направление банковского регулирования и надзора предметом пристального научного и практического интереса. Однако принятие в 2002 году Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» породило проблему коллизии в применении мер принуждения к банкам: неясно, следует ли применять административные наказания по КоАП или же меры финансово-правового принуждения, предусмотренные Законом о Банке России.

Ключевые слова: кредитная организация, административная ответственность, классификации видов ответственности кредитных организаций, административная ответственность кредитных организаций, правовые коллизии административной ответственности, принцип оперативности.

Administrative liability of credit institutions for violations in banking activities

The effectiveness of credit institution liability for violations of banking legislation is an important element of administrative jurisdiction, as it is a mechanism of state regulation and a measure of state influence. Over 20 years of experience applying enforcement measures to credit institutions by the Central Bank of the Russian Federation demonstrates the relevance of this approach, both from a scientific and theoretical perspective and from a law enforcement perspective, in doctrinal research into this area of banking regulation and supervision. The issue became more acute in 2002, with the adoption of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Federal Law «On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)», which created a conflict in the application of coercive measures against credit institutions, administrative penalties under the Code of Administrative Offenses, or financial and legal enforcement measures under the Law on the Bank of Russia.

Keywords: credit institution, administrative liability, classification of types of liability of credit institutions, administrative liability of credit institutions, legal conflicts of administrative liability, principle of efficiency.

Кредитные организации, являясь субъектами административного права, активно участвуют в административно-правовых отношениях. Их уникальная административная правосубъектность продиктована их центральной ролью в экономике государства. Институт административной ответственности служит действенным механизмом регулирования общественных отношений. В настоящее время этот институт развивается в сторону усиления ответственности юридических лиц. Такая тенденция обусловлена, в частности, характером и степенью общественной опасности правонарушений, и реализуется через увеличение числа и усложнение составов административных правонарушений.

Привлечение к административной ответственности за нарушения в сфере банковского законодательства в Российской Федерации базируется на основополагающих принципах, закрепленных в КоАП РФ. Эти принципы, такие как законность, равенство всех перед законом, презумпция невиновности и обязательное соблюдение законности при применении принудительных мер, являются залогом справедливого правоприменения. Они гарантируют, что ответственность наступает исключи-

тельно в случаях совершения противоправных деяний, а назначаемое наказание полностью соответствует требованиям законодательства [5].

Действующая редакция Федерального закона от 10 июля 2002 г. N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» предусматривает административную ответственность для кредитных организаций за несоблюдение норм банковского законодательства. Однако порядок применения данной ответственности Банком России в настоящее время не согласуется с общими положениями административного законодательства Российской Федерации [3].

После введения Федерального закона «О Центральном банке РФ» коммерческая природа банковских учреждений стала, по сути, формальностью, не отражающей реальной действительности. Главная задача на сегодня заключается не столько в изменении устаревших формулировок, сколько в выработке наиболее эффективных способов взаимодействия частного (предпринимательского) интереса и публичной (государственной и муниципальной) власти. Это касается как создания банков и их операционной деятель-

ности, так и возложения на них определенных государственных функций.

Ключевым нормативным актом, устанавливающим рамки административной ответственности, является статья 15.26 КоАП РФ. Анализ данной статьи позволяет сделать вывод, что объектом правонарушения, за которое предусмотрено административное наказание, являются общественные отношения, возникающие в процессе деятельности банковских учреждений. Субъектом данного правонарушения выступает должностное лицо банка, а его субъективная сторона предполагает наличие умысла в совершении противоправного деяния.

Таким образом, можно выделить основные факторы, лежащие в основе противоправных действий [1]:

- по ч. 1 ст. 15.26 КоАП РФ — реализация банком производственной, торговой или страховой деятельности;
- по ч. 2 ст. 15.26 КоАП РФ — невыполнение банком требований, предъявляемых Центральным Банком РФ;
- по ч. 3 ст. 15.26 КоАП РФ — неисполнение нормативов регулятора, в результате чего нарушаются права и интересы кредиторов и (или) вкладчиков.

Федеральные законы, регулирующие банковскую деятельность, позволяют Центральному банку применять к банкам санкции и меры воздействия, не прибегая к процедурам, установленным Кодексом об административных правонарушениях (КоАП РФ). При этом спектр таких мер, предусмотренных законами «О банках и банковской деятельности» и «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», гораздо шире, чем перечень административных наказаний по КоАП РФ. Следовательно, за одно и то же нарушение банк может столкнуться как с надзорными мерами Центробанка, так и с административными взысканиями, например, предупреждением или штрафом [8].

Проблемы в законодательном регулировании банковской деятельности негативно сказываются на клиентском обслуживании. Банк России, ответственный за установление правил проведения банковских операций через свои нормативные акты, играет ключевую роль. Следовательно, слаженность и последовательность в процессе создания этих документов Банком России напрямую определяют успешность работы банков. Учитывая, что Банк России является основным регулятором, качество его нормативных актов имеет первостепенное значение для эффективности банков и общей стабильности финансовой системы.

Существует необходимость в повышении качества юридической техники, применяемой Банком России при разработке нормативных актов. Об этом свидетельствует как объем выпускаемых регулятором документов, так и частота их изменений. Это порождает коллизии, когда новые акты вступают в противоречие с действующими, но при этом не отменяются. Ярким примером является сложность в определении размеров штрафов для банков за несоблюдение нормативов и предписаний ЦБ, что может привести к неоднозначному толкованию и судебным раз-

бирательствам. В соответствии с ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», штрафные санкции могут быть применены к кредитной организации за следующие виды нарушений: нарушение федеральных законов, издаваемых в соответствии с ними нормативных актов и предписаний Банка России; непредставление информации; представление неполной или недостоверной информации; неисполнение в установленный Банком России срок его предписаний об устранении выявленных в деятельности кредитной организации нарушений [7].

Статья 15.26 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушения в сфере банковской деятельности. Ее первая часть предлагает более конкретные и простые для применения положения, чем статья 74 Закона о Банке России. Однако, части 2 и 3 статьи 15.26 КоАП РФ и статья 74 Закона о Банке России затрагивают общие аспекты, связанные с несоблюдением банками установленных Банком России обязательных нормативов (например, ликвидности или достаточности капитала) и других требований.

Сравнительный анализ статей 15.26 КоАП РФ и 74 Закона «О Центральном банке РФ» показал, что административные наказания и особые банковские меры принуждения не согласуются. Это связано с тем, что применение последних осуществляется по собственной, отдельной от административного производства, процедуре.

До внесения в 2019 году изменений в статью 74 Закона о Банке России, вызвавших конфликт с положениями статьи 15.27 КоАП РФ, Банк России, как правило, применял к кредитным организациям меры ответственности по части 1 статьи 74. Такая практика была возможна благодаря широкой трактовке данной нормы, которая позволяла привлекать к ответственности за несоблюдение любых федеральных законов, нормативных актов и предписаний Банка России, что и служило основанием для его правоприменительной деятельности.

Применение статьи 15.26 КоАП РФ на практике затруднено из-за ее несоответствия другим законодательным актам. Основная сложность заключается в противоречии со статьей 74 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Эта статья также предусматривает ответственность для кредитных организаций за невыполнение предписаний Банка России, что дублирует положения частей 2 и 3 статьи 15.26 КоАП РФ. Вследствие этого законодательного конфликта Банк России может налагать штрафы по статье 74, превышающие размеры, установленные статьей 15.26 КоАП РФ. Такая ситуация порождает споры в арбитражных судах, нарушает единообразие административной ответственности и ведет к разделению ответственности по отраслевому принципу. Следовательно, эффективность правоприменения со стороны Банка России снижается, что приводит к частым судебным разбирательствам, инициированным кредитными организациями в отношении его постановлений. В связи с этим, вопрос о гармонизации административного и финансового законодательства сохраняет свою значимость.

Несоответствие между статьей 74 Закона о Банке России и статьями 15.26, 15.27 КоАП РФ заключается в возможности применения обеих норм к одним и тем же нарушениям, но с разными последствиями. Статья 74 определяет специфические меры регулирования, которые находятся в исключительной компетенции Банка России и могут включать штрафы, ограничения деятельности или отзыв лицензии. В то же время, КоАП устанавливает общую административную ответственность за нарушения

в банковской сфере, что может привести к двойному привлечению к ответственности.

Проблема правовых коллизий между административным и финансовым правом в банковской сфере до сих пор не решена. Для устранения этого пробела необходимо внести изменения в федеральное законодательство и нормативные акты Банка России. Это позволит привести их в полное соответствие с правилами привлечения банков и других кредитных организаций к административной ответственности за нарушения в данной области.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [текст] от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 23.07.2025 N 236-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. Российская Федерация. Законы. О банках и банковской деятельности [текст]: федеральный закон от 2 декабря 1990 г. N 395-І (в ред. от 23.07.2025 N 259-ФЗ) // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. — 1990. — N 27. — Ст. 357.
3. Российская Федерация. Законы. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) [текст]: федеральный закон от 10 июля 2002 г. N 86-ФЗ (в ред. от 23.05.2025 N 105-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — N 28. — Ст. 2790.
4. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О национальной платежной системе» [текст]: федеральный закон от 27.06.2011 № 162-ФЗ (в ред. от 22.12.2014 N 432-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — N 27. — Ст. 3873.
5. Агапов, А. Б. Административная ответственность / А. Б. Агапов. — М.: Юрайт, 2025. — 496 с.
6. Банковское право: учебник и практикум для академического бакалавриата / В. Ф. Попондопуло [и др.]; под редакцией В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петрова. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 405 с.
7. Дорошенко, О. М. Административное право: учебник для вузов / О. М. Дорошенко. — Санкт-Петербург: Лань, 2024. — 168 с.
8. Курбатов, А. Я. Административная ответственность кредитных организаций: разрешение противоречий между Законом о Банке России и КоАП / А. Я. Курбатов // Банковское право. — 2022. — № 4. — с. 18–26.
9. Плигин, В. Н. Политико-правовые тенденции и административное право / В. Н. Плигин // Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса. — 2022. — с. 125–136.
10. Степанова, В. В. Административная ответственность за нарушения законодательства о банках и банковской деятельности / В. В. Степанова // Юридические науки. — 2024. — № 4. — с. 97–100.

Определение отраслевой природы публично-правовых норм, регулирующих банковскую деятельность

Демидова Оксана Валерьевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Вопросы определения отраслевой принадлежности правовых норм и тех правоотношений, которые они регулируют, никогда не теряли своей актуальности и практической важности. Представители той или иной отраслевой науки права по-разному отражают свои научные взгляды в проектах норм права, которые в последующем принимаются в качестве нормативных правовых актов как законодательными, так и исполнительными органами власти, что становится причиной рождающихся из несовпадающих взглядов ученых коллизий между разработанными ими источниками законодательства. В статье затронуты как общетеоретические, так и практические вопросы значимости определения отраслевой принадлежности норм права для разрешения возникающих юридических коллизий. В качестве примера автор исследует проблему конкуренции ст. 74 Закона о Банке России и ст. 15.26, 15.27 КоАП РФ, которая часто приводит к произволу со стороны мегарегулятора.

Ключевые слова: кредитная организация, классификации видов ответственности кредитных организаций, административная ответственность кредитных организаций, правовые коллизии административной ответственности, принцип оперативности.

Defining the sectoral nature of public law norms governing banking

The issues of determining the sectoral affiliation of legal norms and the legal relations they regulate have never lost their relevance and practical importance. Representatives of various legal disciplines reflect their scholarly views differently in draft legal norms, which are subsequently adopted as regulatory legal acts by both legislative and executive authorities. This leads to conflicts between the legislative sources they develop, arising from the scholars' divergent views. This article addresses both general theoretical and practical issues regarding the importance of determining the sectoral affiliation of legal norms for resolving emerging legal conflicts. As an example, the author examines the issue of competition between Article 74 of the Law on the Bank of Russia and Articles 15.26 and 15.27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, which often leads to arbitrary action by the mega-regulator.

Keywords: credit institution, classification of types of liability of credit institutions, administrative liability of credit institutions, legal conflicts of administrative liability, principle of efficiency.

Природа публично-правовых норм в банковской деятельности заключается в целенаправленном государственном регулировании с целью обеспечения стабильности, безопасности и эффективности банковской системы, защиты интересов вкладчиков и государства, а не только частных интересов банков, что отличает их от частно-правовых норм (гражданского права) и требует императивных предписаний, устанавливающих обязательные правила для участников рынка (Центрального Банка, банков), включая лицензирование, нормативы, надзор, санкции. Эти нормы являются частью публичного банковского права и регулируют отношения, где государство (через Банк России) выступает как властный регулятор.

Для эффективного функционирования банковской системы требуется системное реформирование законодательства. Ключевыми задачами являются четкое определение и структурирование источников банковского права, а также обеспечение стабильности и предсказуемости его норм. К сожалению, на практике наблюдается обратная тенденция: избыток нормативных актов, принимаемых спонтанно, создает правовую неопределенность для всех участников рынка. Это подрывает стабильность банковской системы и делает законодательство уязвимым перед произвольными решениями Центрального банка России [10].

Утверждение о самостоятельности отрасли финансового права, основанное на существовании особой формы финансовой и/или банковской ответственности, вступает в конфликт с установленным конституционным принципом. Последствия для субъекта, совершившего банковское правонарушение, проявляются не только в размере налагаемого штрафа, который может варьироваться в зависимости от решения мегарегулятора относительно применимой статьи, но и в ограничении возможности применения стандартных принципов и процедур привлечения к административной ответственности.

На протяжении более двух десятилетий наблюдается системная неэффективность в привлечении кредитных организаций к ответственности за нарушения банковского законодательства. Эта проблема вызвана законодательной коллизией, возникающей из-за противоречий между положениями статьи 74 Федерального закона «О Банке России» и статьями 15.26 и 15.27 КоАП РФ. Суть коллизии заключается в том, что законодатель одновременно ввел два нормативных акта, регулирующих одни и те же нарушения, но предусматривающих различные санкции, в том числе и штрафы.

Неэффективность административных мер воздействия на кредитные организации обусловлена несколькими факторами: штрафы зачастую не соответствуют реальному ущербу, некоторые санкции теряют свою силу при длительных нарушениях, а правоприменительная практика нуждается в совершенствовании. Например, низкие штрафы за нарушение нормативов могут не компенсировать понесенные убытки, а приостановление деятельности может не дать ожидаемого результата из-за отсутствия гибкости в механизмах его применения [6].

С принятием Федерального закона «О Центральном банке РФ» коммерческий статус банков превратился в формальность, не соответствующую их реальному положению. Сегодня приоритет отдается не столько обновлению устаревших формулировок, сколько поиску оптимальных механизмов сотрудничества между частным бизнесом и государственными структурами. Это актуально как для учреждения и функционирования банков, так и для делегирования им государственных полномочий.

Коллизия может проявиться в сфере ответственности кредитных организаций за нарушения банковского законодательства. В частности, возникает противоречие между положениями статей 15.26 и 15.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьей 74 Федерального закона № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Суть дан-

ного противоречия заключается в том, что за одно и то же правонарушение законодательство предусматривает два вида публично-правовой ответственности: финансово-правовую (специфичную для банковской сферы) и административную. Важно отметить, что размеры этих видов ответственности зачастую несопоставимы и не соответствуют друг другу. При этом, законодательная норма вступает в противоречие с основополагающим принципом справедливости, согласно которому за одно и то же правонарушение может быть наложено лишь одно вид публично-правовой санкции. При этом, следует отметить, что одновременное применение мер частноправовой и публично-правовой ответственности не исключается.

В последние годы наблюдается беспрецедентный рост законодательных инициатив. 2022 год стал рекордным по числу принятых законов, охвативших все сферы общественной жизни. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» также подвергся существенным изменениям, получив 16 поправок с начала 2022 года. Одной из ключевых причин такой активности стало влияние санкций со стороны недружественных государств. Кредитные организации оказались в условиях постоянной адаптации к меняющимся нормам, сталкиваясь с временными запретами и ограничениями, например, в области валютных операций и переводов. Эта нестабильность неизбежно снижает качество правовых актов, порождая коллизии и правовую неопределенность [5].

Федеральное банковское законодательство позволяет наказывать банки и применять к ним меры воздействия, не следуя процедурам, описанным в Кодексе об административных правонарушениях (КоАП РФ). При этом список санкций, которые могут быть применены к банкам в соответствии с законами «О банках и банковской деятельности» и «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», значительно шире, чем перечень административных наказаний, предусмотренных КоАП РФ.

Установление в ст. 74 Закона о Банке России штрафа за нарушение банковского законодательства, исчисляемого в размере 0,1 % от минимального размера уставного капитала, невозможность его снижения не позволяют применять эту меру взыскания с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины в правонарушении и иных существенных обстоятельств деяния, что нарушает принципы справедливости наказания, его индивидуализации и соразмерности.

Основные проблемы применения ст. 15.26 КоАП РФ включают сложности с квалификацией нарушений (например, разграничение нарушений нормативов и других требований) и определением размера штрафа ввиду неоднозначности формулировок. Также могут возникнуть трудности при рассмотрении дел, которые подсудны судьям, поскольку при наличии нескольких нарушений, в том числе связанных с дисквалификацией, дело передается в суд [11].

За последние четыре года статья 15.27 КоАП РФ претерпела существенные изменения, увеличив число случаев, когда может быть наложена административная ответственность. Особенности привлечения к ответственности по частям 1 и 2 ст. 15.27 КоАП РФ. Санкция ч. 1 ст. 15.27 предусматривает предупреждение или штраф в диапазоне от 50 000 до 100 000 рублей для юридических лиц и от 10 000 до 30 000 рублей — для должностных лиц. При этом предупреждение может быть вынесено только за впервые совершенное по данной статье административное правонарушение, то есть если на дату вынесения должностным лицом Банка России постановления отсутствует ранее вынесенное постановление о привлечении к административной ответственности по ст. 15.27 КоАП РФ, с даты вступления в законную силу которого прошло менее одного года.

Важно понимать, что ответственность, предусмотренная законом о Центральном банке, и ответственность по КоАП РФ, существенно различаются по своей сути:

1) форма выражения денежного взыскания может варьироваться. Например, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) устанавливает размер штрафа в конкретной сумме, выраженной в рублях. В то же время, Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» предусматривает привязку размера штрафа к такому показателю, как минимальный размер уставного капитала;

2) в контексте административных правонарушений, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), получателем взыскиваемых штрафов является государственный бюджет. В то же время, согласно Федеральному закону Российской Федерации «О Центральном банке Российской Федерации», поступления от штрафов направляются в доход Банка России.

Механизм расчета штрафов, предусмотренных законом о Центральном банке, отличается от административных штрафов: последние назначаются судом, тогда как первые рассчитываются как процент от оплаченного капитала. Центральный банк предпочитает использовать свои собственные санкции, а не привлекать кредитные организации к административной ответственности по статьям КоАП РФ (15.26, 15.27, 14.3). И отличие от административных взысканий, налагаемых судебными органами, санкции, установленные законодательством о Центральном банке, определяются в виде процентного соотношения от оплаченного капитала. По мнению ЦБ РФ, административные штрафы по этим статьям недостаточно эффективны для предотвращения будущих нарушений [10].

С другой стороны, избыточное применение Банком России санкционных мер, граничащее с превышением полномочий, нередко искажает объективность при оценке нарушений в банковской сфере и необоснованно нарушает права кредитных организаций. Действующие

нормы Закона о ЦБ РФ, определяющие ответственность кредитных организаций и порядок ее применения, не соответствуют принципам административного законодательства Российской Федерации. Это связано с тем, что банковское законодательство, регулируя ответственность за правонарушения, не учитывает положения Кодекса об административных правонарушениях (КоАП РФ).

Несмотря на то, что и Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) предусматривают меры ответственности, между ними есть существенные различия [9]:

1. КоАП РФ устанавливает фиксированные рублевые штрафы, в то время как ФЗ «О ЦБ РФ» привязывает размер штрафа к минимальному размеру уставного капитала.

2. Денежные средства, взысканные в рамках Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, направляются в федеральную казну. В то же время, штрафные санкции, примененные на основании Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», поступают в распоряжение Банка России.

Получается, что за одно и то же нарушение банк может быть наказан как в рамках надзорных полномочий Центробанка, так и подвергнут административному наказанию, такому как предупреждение или штраф.

Существует необходимость в повышении качества юридической техники, применяемой Банком России при разработке нормативных актов. Об этом свидетельствует как объем выпускаемых регулятором документов, так и частота их изменений. Это порождает коллизии, когда новые акты вступают в противоречие с действующими, но при этом не отменяются.

Проблема правовых коллизий между административным и финансовым правом в банковской сфере до сих пор не решена. Для устранения этого пробела необходимо внести изменения в федеральное законодательство и нор-

мативные акты Банка России. Это позволит привести их в полное соответствие с правилами привлечения банков и других кредитных организаций к административной ответственности за нарушения в данной области.

Следует подчеркнуть, что судебная практика арбитражных судов в данном вопросе заслуживает одобрения. Суды последовательно квалифицировали штраф, предусмотренный статьей 74 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации», как административное наказание. При этом они справедливо отметили, что законодатель установил данную норму в нарушение положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, включив ее в иной федеральный закон. Однако, для окончательного урегулирования возникшего правового коллизии представляется целесообразным исключить пункт 1 части 1 статьи 74 указанного Федерального закона [7].

Отмечается несоответствие между нормативным регулированием и фактическим осуществлением банковского надзора Банком России, что не в полной мере соответствует основным положениям федерального законодательства. Вопрос о путях реформирования банковского надзора стоит весьма остро, однако отсутствует единое мнение относительно способов решения данной проблемы.

По результатам анализа судебно-арбитражной практики, представляется обоснованным установление административной ответственности за нарушения банковского законодательства в рамках Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Несмотря на это, отдельные вопросы, вытекающие из содержания норм банковского законодательства, могут остаться не урегулированными. В связи с этим, для достижения единообразия и предсказуемости правоприменения, необходимо осуществить консолидацию составов административных правонарушений, связанных с нарушением банковского законодательства, исключительно в КоАП РФ, исключив их из иных нормативных правовых актов.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [текст] от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 23.07.2025 N 236-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. Российская Федерация. Законы. О банках и банковской деятельности [текст]: федеральный закон от 2 декабря 1990 г. N 395-I (в ред. от 23.07.2025 N 259-ФЗ) // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. — 1990. — N 27. — Ст. 357.
3. Российская Федерация. Законы. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) [текст]: федеральный закон от 10 июля 2002 г. N 86-ФЗ (в ред. от 23.05.2025 N 105-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — N 28. — Ст. 2790.
4. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О национальной платежной системе» [текст]: федеральный закон от 27.06.2011 № 162-ФЗ (в ред. от 22.12.2014 N 432-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — N 27. — Ст. 3873.

5. Арсланбекова, А. З. Актуальные проблемы привлечения к административной ответственности кредитных организаций / А. З. Арсланбекова, А. А. Никуева // *Общественные науки*. — 2024. — Том. 31. — № 2. — с. 31–36.
6. Банковское право: учебник и практикум для академического бакалавриата / В. Ф. Попондопуло [и др.]; под редакцией В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петрова. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 405 с.
7. Белова, С. С. Финансовая ответственность как вид юридической ответственности / С. С. Белова // *Аллея Науки*. — 2025. — № 6(33). — с. 18–24.
8. Братко, А. Г. Банковское право России в 2 ч. Часть 1: учебник для бакалавриата и магистратуры / А. Г. Братко. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 288 с.
9. Бровкина, Н. С. Банковский надзор: сущность и возрастающая роль в современных условиях / Н. С. Бровкина // *ВЕСТНИК*. — 2025. — № 15(1). — с. 64–67.
10. Костерина, Т. М. Банковское дело: учебник для среднего профессионального образования / Т. М. Костерина. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 332 с.
11. Курбатов, А. Я. Банковское право России: учебник для вузов / А. Я. Курбатов. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 422 с.
12. Лысова-Бахарева, Ю. В. Определение отраслевой природы публично-правовых норм, регулирующих банковскую деятельность, как основа для разрешения практических коллизий // Ю. В. Лысова-Бахарева / *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. — 2023. — № 1. — с. 50–59.

Соотношение общественной опасности кражи с банковского счета при использовании банковской карты с категорией преступления

Доронин Даниил Александрович, студент магистратуры
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье рассмотрено соотношение характера и степени общественной опасности кражи, совершенной с банковского счета (пункт «г» части 3 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации), с использованием платежной карты другого лица без его ведома установленной законодателем категории преступления как тяжкие. Автором делается вывод о том, что кража безналичных денежных средств с использованием банковской карты не имеет степени общественной опасности, соответствующей категории тяжких преступлений.

Ключевые слова: категория тяжести преступления, общественная опасность, кража, банковский счет, платежная, банковская карта, безналичные денежные средства.

В зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации (далее УК РФ), подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления [1, ст. 15].

Общественная опасность — это признак преступления, означающий способность деяния причинять или создавать угрозу причинения существенного вреда общественным отношениям, поставленным государством под охрану уголовного закона. Она имеет качественную и количественную характеристики.

Качественная характеристика общественной опасности именуется характером общественной опасности и означает типовую характеристику социальной вредности определенных видов деяний, зависит от объекта посяательства, формы вины и категории преступления.

Количественный показатель общественной опасности именуется ее степенью и определяется обстоятельствами содеянного, такими как время, место, способ, обстановка,

мотив, цель, последствия совершения преступления, а также обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание.

Общепризнано, что характер и степень общественной опасности непосредственно влияют на криминализацию и декриминализацию деяний.

В связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий в обществе вырос оборот денежных средств в безналичной форме и, как следствие, увеличилось количество несанкционированных операций с использованием систем дистанционного банковского обслуживания, что обусловило появление в части 3 статьи 158 УК РФ квалифицирующего признака г) — кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ), которая в соответствии со ст. 15 УК РФ отнесена к категории тяжких преступлений.

Объектом кражи, в том числе и совершенной с банковского счета, являются отношения собственности, которые

охраняются Конституцией Российской Федерации, поэтому любые неправомерные вмешательства в отношения собственности влекут соответствующую реакцию и меры со стороны государства.

На территории Российской Федерации платежи осуществляются путем наличных и безналичных расчетов [2, ст. 140].

Предметом кражи с банковского счета являются безналичные денежные средства.

Платежная карта — это электронное средство платежа, позволяющее клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий [3, ст. 3].

Например, если безналичные расчеты или снятие наличных денежных средств через банкомат были осуществлены с использованием чужой платежной карты, надлежит квалифицировать как кражу по признаку «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» [4, п. 25.1].

Хищение денежных средств путем оплаты товаров с использованием чужой банковской карты подлежит квалификации как кража, совершенная с банковского счета (п. «г» ч.3 ст.158 УК РФ) [5, п. 49].

При этом сумма похищенного значения не имеет, поскольку в этом случае важен квалифицирующий признак «с банковского счета».

Так, по приговору Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 1 июля 2025 года гражданка Х. признана виновной в краже с банковского счета 1908 руб. 31 коп., оплатив с помощью найденной банковской карты, имеющей функцию бесконтактной оплаты, товары в магазине на вышеуказанную сумму [6].

По приговору Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 13 мая 2025 года гражданин Ш. признан виновным в краже с банковского счета 3456 руб. 29 коп., также оплатив с помощью найденной банковской карты, имеющей функцию бесконтактной оплаты, товары в магазинах на вышеуказанную сумму [7].

По приговору Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 16 июля 2025 года гражданин К. признан виновным в краже с банковского счета 6065 руб. 00 коп., также оплатив с помощью найденной банковской карты,

имеющей функцию бесконтактной оплаты, товары в магазинах на вышеуказанную сумму [8].

По приговору Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 21 августа 2025 года гражданин С. признан виновным в краже с банковского счета 15674 руб. 18 коп., также оплатив с помощью чужой банковской карты, имеющей функцию бесконтактной оплаты, товары в магазине на вышеуказанную сумму [9].

Как видно из представленных примеров, привлечение к уголовной ответственности по п. «г» ч.3 ст.158 УК РФ лиц, совершивших оплату товаров с чужого банковского счета при помощи найденной либо случайно оказавшейся у виновного платежной карты, явно не соответствует характеру и степени общественной опасности для категории тяжкого преступления.

Никаких сложных действий, связанных с созданием, использованием либо распространением вредоносных программ, предназначенных для несанкционированного блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств ее защиты, а также иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки, передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, с целью хищения денежных средств с банковского счета в приведенных случаях не происходит.

При таких хищениях с учетом возможности бесконтактной оплаты виновному лицу необходимы: оригинальная платежная карта и набор обычных знаний по ее использованию, поэтому такие лица не представляют повышенную общественную опасность.

Более низкая оценка общественной опасности преступления влечет изменение категории преступления, возможность применения которой закреплена в ч.6 ст.15 УК РФ.

О существенно меньшей степени общественной опасности кражи безналичных денежных средств с использованием банковской карты свидетельствует и складывающаяся судебная практика, поскольку суды все чаще применяют положения ч.6 ст.15 УК РФ и изменяют категорию преступления на менее тяжкую.

Так из общедоступных статистических данных о работе судов общей юрисдикции, публикуемых Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации [10–14], следует, что в течение последних пяти лет наблюдается устойчивая тенденция к росту числа применений положений ч.6 ст.15 УК РФ (см. Таблицу № 1).

Таблица 1. Количество уголовных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции

	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год
всего окончено уголовных дел, ед.	748955	769948	771107	727194	659878
с изменением категории преступления, ед.	4397	6987	9025	11580	10567
доля от общего количества оконченных дел, %	0,58	0,9	1,17	1,59	1,6

Проанализировав структуру преступлений, по которым ч.6 ст.15 УК РФ применяется чаще всего, можно сделать вывод о том, что рост общего числа применений

ч.6 ст.15 УК РФ почти полностью обеспечен делами о кражах. Так, в 2020 году на кражи приходилось 50,5 % всех случаев изменения категории преступлений (2219 из

4397), а к 2024 году эта доля возросла до 77,6 % (8195 из 10567). [10]

Указанное свидетельствует о том, что правоприменители видят в этом составе наибольший потенциал для гуманизации и наибольшую необходимость коррекции исходной строгости закона. Имеющиеся данные убедительно доказывают, что устойчивый рост применения ч.6 ст.15 УК РФ за последние пять лет является в первую очередь феноменом, связанным со снижением категорий тяжести квалифицированных составов кражи. Суды массово используют эту норму, чтобы снизить категорию «формально» тяжких краж с банковского счета в преступления средней тяжести, что также, в частности, было сделано судами по вышеуказанным примерам [6–9].

Поэтому исходя из общих признаков общественной опасности и складывающейся судебной практики можно сделать однозначный вывод, что кража с банковского счета безналичных денежных средств с использованием оригинальной платежной карты отражает существенно

меньшую степень общественной опасности содеянного и соответствует категории менее тяжкого преступления, чем предусмотрено уголовным законом.

В свете изложенного, а также с учетом современного технологического прогресса и активного развития безналичных расчетов, как посредством банковских карт, так и различных электронных платежных систем, представляется целесообразным квалифицирующий признак кражи «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» исключить из статьи 158 УК РФ, и квалифицировать деяния, подпадающие под данный признак, по основному составу кражи и его остальным квалифицирующим признакам (в зависимости от размера похищенного). При этом, кражу, совершенную «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» на сумму 2500 руб. декриминализировать полностью и отнести ее к административному правонарушению, предусмотренному статьей 7.27 (Мелкое хищение) Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N 32 ст. 3301;
3. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 июля 2011 г. N 27 ст. 3872;
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, февраль 2003 г., N 2;
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400312/
6. Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 01.07.2025 по делу № 1–386/2025 // Официальный сайт Ломоносовского районного суда г. Архангельска [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://lomonosovsky.arh.sudrf.ru/>
7. Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 13.05.2025 по делу № 1–289/2025 // Официальный сайт Ломоносовского районного суда г. Архангельска [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://lomonosovsky.arh.sudrf.ru/>
8. Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 16.07.2025 по делу № 1–406/2025 // Официальный сайт Ломоносовского районного суда г. Архангельска [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://lomonosovsky.arh.sudrf.ru/>
9. Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 21.08.2025 по делу № 1–395/2025 // Официальный сайт Ломоносовского районного суда г. Архангельска [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://lomonosovsky.arh.sudrf.ru/>
10. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cdep.ru/?id=79;>
11. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cdep.ru/?id=79;>
12. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cdep.ru/?id=79;>

13. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2023 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cdep.ru/?id=79>;
14. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2024 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cdep.ru/?id=79>.

Несоразмерность наказания за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, их фактической общественной опасности

Доронин Даниил Александрович, студент магистратуры
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье исследуется проблема несоразмерности уголовного наказания за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (ст.ст. 228, 228.1, 229, 229.1 УК РФ), их фактической общественной опасности. На основе анализа принципов справедливости и соразмерности (ст.ст. 6, 60 УК РФ), а также конституционного приоритета человеческой жизни, доказывается существование системного дисбаланса в уголовно-правовой политике. Автор проводит сравнительный анализ санкций за наркопреступления и за преступления против жизни и здоровья, выявляя парадоксальную ситуацию, при которой санкции за ненасильственные операции с наркотиками нередко превышают наказания за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью или убийство. На примере конкретных приговоров судов Архангельской области иллюстрируется практическое проявление данной диспропорции. Делается вывод о криминологической неэффективности и ценностном перекосе действующей модели, нарушающей иерархию охраняемых законом благ. В качестве решения предлагается пересмотр и гуманизация санкций за преступления в сфере наркооборота, направленные на восстановление соразмерности наказания.

Ключевые слова: наказание за преступление, общественная опасность, несоразмерность наказания, незаконный оборот наркотических средств, принцип справедливости, принцип соразмерности.

Правовые основания уголовной ответственности в Российской Федерации формируются последовательно: от конституционной презумпции невиновности (статья 49 Конституции РФ [1]), преодолеваемой исключительно законным обвинительным приговором, до непосредственного назначения наказания.

Ключевым нормативным ориентиром на этапе назначения наказания выступает требование статьи 60 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2] о назначении справедливого наказания. Данная норма предписывает суду определять меру наказания в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ, руководствуясь предписаниями Общей части УК РФ и, прежде всего, критерием справедливости. Это исключает произвольность судебного усмотрения, возлагая на правоприменителя обязанность мотивировать избранную меру наказания, основываясь на комплексной оценке характера и степени общественной опасности содеянного, данных о личности виновного, а также всей совокупности смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Тем самым, принцип справедливости (статья 6 УК РФ) трансформируется из общей декларации в практический инструмент, обеспечивающий соразмерность каратель-

ного воздействия тяжести инкриминируемого деяния и обстоятельствам его совершения.

Однако в современной уголовно-правовой политике России наблюдается проблема, при которой санкции за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (в частности, статьи 228, 228.1, 229, 229.1 УК РФ) демонстрируют явную диспропорцию по отношению к их реальной общественной опасности.

Вопрос чрезмерной репрессивности указанных деяний неоднократно становился предметом критики как со стороны научного сообщества и практикующих юристов, так и со стороны правозащитных организаций.

Наглядной иллюстрацией служит сравнительный анализ санкций спорных статей с санкциями иных тяжких составов преступлений.

Так, наказание за хранение наркотика без цели сбыта (ч. 2 ст. 228 УК РФ) — лишение свободы от 3 до 10 лет — сравнимо по строгости с ответственностью за тяжкое телесное повреждение с квалифицирующими признаками (ч. 2 ст. 111 УК РФ), или изнасилование (ч. 2 ст. 131 УК РФ).

Даже минимальный сбыт (ч. 1 ст. 228.1 УК РФ) карается строже (4–8 лет), чем базовый состав причинения тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ), что ставит

под сомнение логику законодательной оценки приоритетов охраняемых социальных ценностей.

Наиболее острое противоречие между формальным критерием «размера» и реальной общественной опасностью проявляется в квалифицированных составах сбыта наркотических средств (ст. 228.1 УК РФ). Законодательная градация наказания в зависимости от абстрактной массы вещества приводит к парадоксальным, с точки зрения уголовно-правовой логики, результатам. Сбыт в значительном размере (ч. 3 ст. 228.1 УК РФ) карается лишением свободы на срок от 8 до 15 лет, что фактически уравнивает его с санкцией за простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Ответственность за сбыт в крупном размере (ч. 4 ст. 228.1 УК РФ), предусматривающая 10–20 лет лишения свободы, сопоставима по строгости с наказанием за террористический акт (ч. 1 ст. 205 УК РФ). Наконец, санкция за сбыт в особо крупном размере (ч. 5 ст. 228.1 УК РФ) в виде 15–20 лет или пожизненного лишения свободы ставит данное деяние в один ряд с наиболее тяжкими преступлениями против личности и общественной безопасности: квалифицированными видами убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ), террористического акта (ч. 2, 3 ст. 205 УК РФ) и геноцидом (ст. 357 УК РФ). Изложенное свидетельствует о глубоком ценностном перекосе в уголовной политике: абстрактный вес изъятого вещества становится фактором, определяющим наказание, более значимым, чем конкретные последствия или степень угрозы охраняемым объектам. В результате искажается вся система приоритетов уголовно-правовой охраны, а карательная функция права подавляет исправительную и предупредительную.

Безусловно, высокая степень общественной опасности рассматриваемых деяний не вызывает сомнений. Их вредоносность носит комплексный характер: они разрушают здоровье населения, способствуют распространению опасных заболеваний (ВИЧ, гепатиты), а также выступают мощным криминогенным фактором, детерминирующим совершение множества вторичных преступлений. Эмпирическим подтверждением служат данные уголовной статистики, согласно которым приблизительно 65 % от общего числа зарегистрированных преступлений находятся в прямой или косвенной связи с незаконным наркооборотом. Наиболее наглядно эта связь прослеживается в сфере корыстно-насильственной преступности: порядка 80 % краж и грабежей без отягчающих признаков совершается наркозависимыми лицами, которые одновременно являются основными исполнителями уличного сбыта наркотиков [3].

Тем не менее, изложенное не снимает вопроса о соразмерности установленных законом репрессивных мер. Фундаментальное основание для такой постановки проблемы — необходимость переоценки качественной составляющей общественной опасности этих преступлений и их соответствующего позиционирования в системе охраняемых правом ценностей, где приоритет безусловно

принадлежит жизни и физической неприкосновенности личности.

Представляется, что конституционное положение о высшей ценности человеческой жизни (ст. 2 Конституции РФ) формирует базовый ориентир для всей системы правового регулирования, в том числе уголовной. Следовательно, уголовный закон, следуя этой логике, должен обеспечивать наиболее суровую защиту от посягательств именно на жизнь и здоровье личности, что и закреплено в нормах главы 16 УК РФ. Ключевой правовой критерий, отличающий эту группу преступлений, — непосредственность и конкретность объекта: жизнь и здоровье человека, вред которым окончателен, безусловен и необратим. В контексте же наркопреступлений речь идет об охране общественного здоровья и безопасности — объектов, по своей правовой природе являющихся комплексными и обезличенными. Вред здесь носит вероятностный, опосредованный и накопительный характер, проявляясь лишь в долгосрочной перспективе и через множество опосредующих звеньев. Сами же операции с наркотиками (приобретение, хранение, сбыт) представляют собой создание условий или повышенного риска причинения вреда, который, однако, не тождественен прямому посягательству на физическую неприкосновенность, что должно находить адекватное отражение в соразмерности назначаемого наказания.

Действующая редакция УК РФ, устанавливающая санкции за наркопреступления, соразмерные или превышающие наказания за посягательства на жизнь и здоровье, содержит внутреннюю нормативную коллизию. Это приводит к девальвации, установленной самим уголовным законом иерархии охраняемых объектов. Возникает правовой парадокс, при котором конституционный приоритет человеческой жизни на практике нивелируется законодательной оценкой, согласно которой операции с наркотиками (хранение, сбыт и т.п.) формально представляют для общества большую угрозу, чем акты прямого насилия против личности, вплоть до умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Подобная репрессивная модель демонстрирует свою системную несостоятельность. Она не только нарушает принцип справедливости, но и криминологически контрпродуктивна, поскольку не воздействует на детерминанты наркопотребления (социальное неблагополучие, отсутствие профилактики), перегружает органы следствия, суды и уголовно-исполнительную систему, а также блокирует возможности ресоциализации для значительного числа лиц, осужденных за ненасильственные деяния.

Как отмечалось, предупреждение преступности является одной из целей УК РФ. Однако гипертрофированная криминализация не может рассматриваться как основной инструмент защиты общественного здоровья. Примечательно, что в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4] законодатель определяет охрану здоровья как комплексную систему мер политического, экономического, социального,

медицинского и профилактического характера. Таким образом, уголовно-репрессивный метод является лишь одним, и далеко не первостепенным, элементом этой системы. Следовательно, сделанный в УК РФ чрезмерный акцент на карательном предупреждении наркопреступности видится методологически ошибочным и не отвечающим комплексному подходу, закреплённому в специальном законодательстве.

Наиболее наглядно проблема чрезмерной суровости наказания за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, проявляется в материалах судебной практики.

Так, анализ судебной практики по делам о преступлениях против жизни (гл. 16 УК РФ) в Архангельской области свидетельствует об относительно стабильной и консервативной санкционной политике. Так, даже за умышленные посягательства на жизнь, включая оконченное убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) или покушение на него (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ), при наличии смягчающих обстоятельств суды зачастую назначают наказание в пределах 6–9 лет лишения свободы. Это подтверждается рядом приговоров. Например, за покушение на убийство с использованием ножа, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью, Ломоносовский районный суд г. Архангельска назначил наказание в 6 лет 6 месяцев лишения свободы (дело № 1–222/2025) [5]. Аналогичный срок получило лицо, нанесшее потерпевшему несколько ударов, в том числе в жизненно важную область (дело № 1–200/2025) [6]. Даже за оконченное убийство, сопряжённое с нанесением множественных ударов молотком и другими частями тела, суд ограничился 8 годами 9 месяцами лишения свободы (дело № 1–200/2025 [7]).

В резком контрасте с этой практикой находятся наказания за ненасильственные преступления, связанные со сбытом наркотиков. Так, за покушение на сбыт наркоти-

ческого средства в значительном размере (15,11 гр.) путем оборудования «закладок» Ломоносовский районный суд назначил 10 лет лишения свободы (дело № 1–597/2024 [8]). За аналогичное деяние другой осуждённый получил 11 лет лишения свободы (дело № 1–171/2025 [9]). Таким образом, санкции за нереализованный умысел на сбыт наркотиков, не сопряжённый с угрозой жизни или здоровью, оказываются строже, чем за реальное и умышленное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью.

Приведённые примеры наглядно иллюстрируют системный дисбаланс в оценке общественной опасности. Фактически, вынесенные судами решения, будучи обусловлены исключительно жёсткими санкциями статей 228.1 УК РФ, создают противоречие с декларируемой иерархией ценностей: опосредованная угроза общественному здоровью влечёт более строгое наказание, чем прямое и непосредственное посягательство на жизнь человека. Подобное положение дел является прямым нарушением принципов справедливости и соразмерности, закреплённых в статье 6 УК РФ.

Следовательно, имеется объективная необходимость в пересмотре законодательно установленных санкций за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. Требуется последовательная гуманизация и дифференциация ответственности за данные преступления, включая снижение минимальных порогов санкций и пересмотр критериев отнесения данных деяний к категориям тяжких и особо тяжких. Это позволит восстановить логическую соразмерность в уголовном законе, где тяжесть наказания должна коррелировать не с формальным размером изъятого вещества, а с реальной степенью причиняемого социального вреда, безусловно уступающего ценности человеческой жизни и физической неприкосновенности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954;
3. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2024 году // Официальный сайт Государственного антинаркотического комитета [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://гак.мвд.рф>
4. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
5. Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 29.07.2025 по делу № 1–222/2025 // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://lomonosovsky-arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=250635835&case_uid=b7363994-69b9-4822-bea5-13e2a2257539&delo_id=1540006
6. Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 25.04.2025 по делу № 1–200/2025 // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://lomonosovsky-arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=248781369&case_uid=2d2968de-d404-4640-a031-eeb396625304&delo_id=1540006
7. Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 25.04.2025 по делу № 1–200/2025 // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://lomonosovsky-arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=227288214&case_uid=b6714d14-6f89-46a2-9c01-0508f8046be0&delo_id=1540006

8. Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 26.12.2024 по делу № 1–597/2024 // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://lomonosovsky-arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=236380915&case_uid=159d284c-5c8c-4273-969d-a9e06cae2db3&delo_id=1540006
9. Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 28.04.2025 по делу № 1–171/2025 // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://lomonosovsky-arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=246374069&case_uid=961e2cdb-120e-477d-acf4-bd42adac2c3f&delo_id=1540006

Трансформация правореализационной практики нотариата в условиях цифровой экономики (на примере электронного нотариата в России)

Зинченко Диана Романовна, студент магистратуры
Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

Научная статья посвящена исследованию трансформации правореализационной практики нотариата в условиях цифровой экономики, с особым акцентом на развитие электронного нотариата в России. Автор рассматривает основные тенденции цифровизации нотариальной деятельности, выявляет преимущества и риски внедрения электронных технологий в процесс удостоверения сделок и документов. Особое внимание уделено законодательному регулированию электронного нотариата, а также вопросам информационной безопасности и защиты персональных данных участников правовых отношений.

Работа включает анализ российского опыта развития электронного нотариата, рассмотрение современных цифровых инструментов и платформ, используемых нотариусами для оказания услуг дистанционно. Приводятся примеры успешного внедрения новых технологий, подчеркиваются трудности и проблемы, возникающие в процессе перехода к электронному формату нотариальных действий.

Закключение подчеркивает важность адаптации правового поля и повышение квалификации нотариусов для эффективного функционирования нотариата в эпоху цифровой экономики. Рассматриваются перспективы дальнейшего совершенствования механизмов электронной правореализации и рекомендации по улучшению нормативно-правового регулирования электронного нотариата в России.

Ключевые слова: цифровая трансформация нотариата, ЭЦП, федеральная нотариальная палата, электронный документооборот, цифровая экономика.

Нотариат играет важную роль в защите социально-экономических прав граждан, используя разнообразные формы, включая цифровизацию, реализуемую в рамках программы «Цифровая экономика».

Российский нотариат активно развивает и применяет современные информационные технологии. Теперь граждане имеют возможность оформить электронный документ, подписанный заявителем дистанционно, непосредственно в ходе совершения нотариального действия.

Электронный документ обладает рядом преимуществ перед традиционным бумажным форматом: он доступен в любое время, легко передается на любые расстояния посредством электронной почты, исключив необходимость отправки почтой или курьером. Получатель электронного документа сможет обратиться в ближайшую нотариальную контору для восстановления его бумажной версии, сохранив юридическую силу документа. Электронный вариант документа не подвержен физическому износу и сохраняет первоначальный внешний вид [3].

Основой цифровой нотариальной системы является Единая информационная система нотариата (ЕИС), обе-

спечивающая защиту персональных данных и точность государственных реестров. Эта система хранит сведения обо всех нотариальных актах, совершенных в стране, обеспечивая гражданам доступ к надежной и проверенной информации независимо от местоположения, сокращая расходы времени и денег.

Интернет-ресурсы нотариата стремительно расширяются и улучшаются. Портал Федеральной нотариальной палаты предлагает пользователям удобные онлайн-сервисы, такие как реестр наследственных дел, реестр залоговых обязательств движимого имущества и проверку подлинности доверенностей, востребованные гражданами и должностными лицами благодаря возможности быстрого получения необходимой информации.

Реестр наследственных дел предоставляет сведения о конкретном нотариусе, ответственном за дело, его контактные данные и регулярно обновляется.

Через реестр залогового имущества можно мгновенно проверить наличие ограничений на автомобиль или другое имущество [4].

Проверять доверенности также удобно и доступно с любых устройств с выходом в интернет. Достаточно внести номер документа, и система выдаст подтверждение либо сообщит о недействительности документа, предупредив о возможной подделке.

Единая информационная система нотариата интегрирована в систему межведомственного взаимодействия, поддерживая эффективный обмен информацией с Росреестром, налоговой службой, органами регистрации актов гражданского состояния и банками, число которых ежегодно растет [5].

Распространённый характер по функционированию электронной формы носит сотрудничество с Росреестром.

После вступления в законную силу положений Федерального закона от 03.08.2018 № 338-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», стала обязательна процедура передачи документов в Росреестр в электронном формате после удостоверения нотариусом сделки по отчуждению или залоге имущества, права на которые подлежат государственной регистрации [6].

Понятие электронного документа закреплено в п. 11.1 статьи 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 24.06.2025) [7] и звучит так: «Электронный документ — документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах».

Правовые основы электронного нотариата закреплены в Федеральном законе № 446-ФЗ «Об электронной подписи» и ряде постановлений правительства Российской Федерации, регламентирующих порядок предоставления государственных услуг и исполнения функций государственными органами и организациями в электронном виде.

Федеральный закон № 48-ФЗ «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» предусматривает использование современных информационно-коммуникационных технологий в работе нотариуса, включая возможность совершения нотариальных действий в удалённом режиме посредством электронных каналов связи.

Исследования ученых показывают комплексный характер проблемы модернизации нотариального дела в условиях цифровизации. Рассмотрим по подробнее основные подходы и их обоснование:

1. Техническое оснащение нотариальных контор

Современные средства криптографической защиты и биометрической идентификации действительно играют ключевую роль в повышении надежности электронных документов. Использование цифровых подписей и удостоверяющих центров позволяет значительно снизить риски подделки и фальсификации нотариально заверенных актов. Это также повышает уровень доверия к таким документам среди участников гражданского оборота.

Однако важно учитывать затраты на внедрение современных технологий и необходимость постоянного обновления программного обеспечения. Здесь возникает проблема доступности высоких технологий в отдалённых регионах и небольших населённых пунктах, где инфраструктура связи оставляет желать лучшего.

2. Унификация стандартов и протоколов передачи нотариальных сведений

Предложение доктора юридических наук И. А. Поповой относительно разработки единых стандартов и протоколов заслуживает внимания. Такая мера способствует интеграции нотариальных систем в общую инфраструктуру электронного документооборота государства и бизнеса. Однако здесь возникают юридические и организационные трудности, связанные с согласованием нормативных актов и внедрением новых технических решений.

Кроме того, унификация требует международного сотрудничества, поскольку многие российские граждане ведут сделки с иностранцами или зарубежными компаниями. Важно обеспечить совместимость национальных нотариальных систем с международными стандартами, такими как eIDAS в Европейском союзе.

3. Подготовка квалифицированных кадров

Недостаточная подготовка нотариусов и сотрудников нотариальных палат к работе с новыми технологиями является серьёзной проблемой. Решение заключается в введении специализированных курсов повышения квалификации и переподготовки. Государству целесообразно поддерживать инициативы образовательных учреждений и профессиональных ассоциаций, направленных на подготовку высококвалифицированных специалистов в области цифровой нотариальной практики.

Также необходимо обратить внимание на создание методических рекомендаций и учебных пособий, позволяющих осваивать новые технологии на практике. Особенно актуально обучение пожилых нотариусов, которые часто испытывают трудности с освоением современных устройств и сервисов.

4. Активизация общественного контроля

Расширение возможностей онлайн-обращений и жалоб граждан способно повысить открытость и прозрачность нотариальной деятельности. Современные системы управления качеством обслуживания позволяют оперативно реагировать на обращения граждан и выявлять нарушения прав клиентов. Создание специализированного портала или мобильного приложения для подачи обращений могло бы стать эффективным инструментом взаимодействия нотариатов с населением.

Однако реализация такого подхода потребует значительных инвестиций в развитие инфраструктуры электронной приемной и привлечение квалифицированного персонала для обработки поступающей информации.

5. Критика полного перехода на электронные форматы

Традиционная форма нотариального удостоверения сохраняет свою актуальность даже в эпоху цифрового но-

тариата. Многие граждане и предприниматели предпочитают лично обращаться к нотариусу, считая этот процесс более надежным и понятным. Кроме того, недостаточный уровень технической оснащенности и низкая компьютерная грамотность в ряде регионов делают невозможным полный переход на электронную форму нотариальных действий.

Таким образом, сочетание традиционных и цифровых методов представляется наиболее рациональным решением. Электронный нотариат должен развиваться параллельно с традиционным институтом, обеспечивая удобство и безопасность пользователям независимо от региона проживания и уровня владения информационно-коммуникационными технологиями.

Таким образом, документ в электронном виде и изначально электронный документ — не одно и то же. В первом случае документ создается как бумажный и преобразуется в электронный документ, получается электронный образ документа. Во втором — изначально создаётся в форме электронного документа.

В электронном документообороте используются как образы документов, так и электронные документы. Но если для электронных образов в большинстве случаев можно использовать любой вид электронной подписи, то для электронных документов зачастую нужна усиленная квалифицированная электронная подпись.

Бумажные и электронные документы юридически равнозначны, если иное не установлено законом или договором. Исключения касаются только отдельных видов документов, к которым предъявляются повышенные требования к безопасности данных и условиям хранения.

Требования к документам в электронном виде делятся на три категории и соблюдаются в порядке приоритетности:

Общие требования. Не отличаются от требований к документам в бумажном виде и в основном касаются формы и содержания.

Требования, предъявляемые к конкретному виду документов в электронном виде, в том числе электронным документам. Ключевые в этой категории — требования к электронной подписи. Именно она и соблюдение условий её применения делают документ юридически значимым.

Особые требования к конкретным документам в электронном виде, предъявляемые исходя из их назначения, условий создания, обработки, передачи и хранения. Эти требования всегда индивидуальны по отношению к категориям или видам документов. Они отражены в специальных нормативных актах или инструкциях.

Часть 2 статьи 434 Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ), разрешает заключение письменных договоров путём обмена электронными документами, в том числе с использованием сторонами сделки электронной почты [8]. Обязательным требованием выступает возможность достоверно установить, что документ, например, экземпляр договора, исходит от стороны сделки.

Таким образом, законодатель предоставляет участникам сделки право выбора на оказание или не оказание нотариусом электронной услуги по передачи документов на государственную регистрацию прав. Превалирует вариант в пользу действий со стороны нотариуса.

На практике такой процесс воспринимается как реализация одной из функций цифрового нотариата — нотариальной «телепортации» документов посредством использования электронной подписи.

В соответствии с Федеральным законом «Об электронной подписи»: «Электронная подпись — это информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию» [9].

Закон устанавливает два вида подписи: простая электронная и усиленная электронная.

Первый вид представляет собой набор кодов, содержащий минимальный пакет информации о конкретном лице.

Второй вид пользуется спросом у нотариусов и государственных регистраторов прав.

Усиленная электронная подпись может быть, как неквалифицированная, так и квалифицированная.

Неквалифицированной электронной подписью является электронная подпись, которая:

- получена в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи;

- позволяет определить лицо, подписавшее электронный документ;

- позволяет обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после момента его подписания;

- создается с использованием средств электронной подписи.

Квалифицированной электронной подписью является электронная подпись, которая соответствует всем признакам неквалифицированной электронной подписи и следующим дополнительным признакам:

- ключ проверки электронной подписи указан в квалифицированном сертификате;

- для создания и проверки электронной подписи используются средства электронной подписи, имеющие подтверждение соответствия требованиям, установленным в соответствии с Федеральным законом «Об электронной подписи».

На официальном сайте Федеральной нотариальной палаты стал доступен параметр поиска по реестру наследственных дел, который позволяет определить состояние наследственного дела, его открытие у конкретного нотариуса. Благодаря обращению к реестру гражданам уже не нужно обзванивать или обходить множество нотариальных контор в поисках нотариуса, занимающегося делом конкретного наследодателя.

Согласно данным Федеральной нотариальной палаты, за 2024 год к публичным реестрам и сервисам Федеральной нотариальной палаты обратились более 18,5 млн раз. Это более миллиона обращений в месяц.

Следующий параметр пользуется особым спросом при купле-продаже транспортных средств, потому что выступает, своего рода, механизмом защиты от мошенников с кредитными автомобилями. Страница реестра уведомлений о залоге движимого имущества позволяет быстро и достоверно узнать, наложено ли на имущество обременение в виде залога. Количество обращений с каждым годом превышает отметку предыдущего года.

Присвоение нотариальному документу QR-кода нацелено на обеспечение дополнительной цифровой защиты и безопасности сделок.

Каждый внесенный на документ QR-код носит индивидуальный характер, в нем зашифрованы основные реквизиты документа: сведения о заявителях, дата совершения нотариального действия, вид действия и регистрационный номер, ФИО нотариуса. Такая маркировка присутствует только на бумажных носителях, так как электронные документы, удостоверенные нотариально уже защищены усиленной квалифицированной электронной подписью. QR-код не поддается дублированию или переносу на другой документ, но делает проверку подлинности доступной для любого субъекта правоотношения.

Таким образом, цифровая трансформация нотариата может выступать в роли превентивного нотариального правосудия, включающая в себя использование ЭЦП и ЕИС, а также специальной маркировки — QR-кода. Онлайн-сервисы нотариата — это только часть «цифровых» возможностей, но и новый этап для всех сфер нотариального регулирования.

Трансформация правореализационной практики нотариата является необходимым условием успешного функционирования правовой системы в условиях цифровой экономики. Однако внедрение электронного нотариата сталкивается с рядом препятствий, обусловленных несовершенством действующего законодательства, техническими ограничениями и недостаточной подготовленностью персонала.

Для преодоления указанных трудностей необходимы комплексные меры, включающие совершенствование нормативно-правового регулирования, повышение квалификации работников нотариата, создание единых стандартов хранения и обработки электронных документов, обеспечение доступности нотариальных услуг гражданам всех регионов России.

Эффективное взаимодействие научных исследований, практической деятельности нотариусов и органов власти способно обеспечить успешное продвижение реформирования нотариата и повысить доверие граждан и бизнеса к институту нотариата в целом.

Литература:

1. Аджаква, Н. А. Современный нотариат в эпоху цифровой трансформации // Первые шаги в науке: Альманах научных работ студентов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, 2023. с. 82–85.
2. Лачихина, А. Г. Современный нотариат в эпоху цифровой трансформации // Правовая защита частных и публичных интересов (LPPPI 2022): Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти выдающегося российского адвоката Фёдора Никифоровича Плевако (1842–1908), Челябинск, 14 мая 2022 года. — Челябинск: Челябинский государственный университет, 2023. с. 389–392.
3. Холкина, М. Г., Кравченко А. Г. Правовое регулирование нотариальных действий в условиях становления цифровой экономики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-notarialnyh-deystviy-v-usloviyah-stanovleniya-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 27.11.2025).
4. Тишина, Е. Е. Цифровая трансформация нотариальной деятельности // Молодой ученый. 2025. № 15 (566). с. 311–314. URL: <https://moluch.ru/archive/566/124044> (дата обращения: 25.11.2025).
5. Лачихина, А. Г. Современный нотариат в эпоху цифровой трансформации // Правовая защита частных и публичных интересов (LPPPI 2022): Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти выдающегося российского адвоката Фёдора Никифоровича Плевако (1842–1908), Челябинск, 14 мая 2022 года. — Челябинск: Челябинский государственный университет, 2023. с. 389–392.
6. Федеральный закон от 03.08.2018 N 338-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 08.08.2018 г. № 172.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Российская газета. 29.07.2006. № 165.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета. 08.12.1994 г. № 238–239.
9. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «Об электронной подписи» // Российская газета. 08.04.2011 г. № 75.

10. Пилясова, С. Д. Цифровая трансформация нотариальной деятельности: отдельные неоднозначные вопросы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1–3 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-notarialnoy-deyatelnosti-otdelnye-neodnoznachnye-voprosy> (дата обращения: 27.11.2025).
11. Моисеева, О. В. Перспективы трансформации электронного нотариата в условиях глобальной цифровизации // Российский правовой журнал. 2020. № 2(3). с. 70–73.
12. Аджаква, Н. А. Современный нотариат в эпоху цифровой трансформации // Первые шаги в науке: Альманах научных работ студентов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, 2023. с. 82–85.
13. Баранов, Е. В. Цифровизация нотариата: за и против // Цифровые трансформации экономики и права: сборник научных тезисов Национальной научно-практической конференции, Москва, 08 декабря 2021 года. — Волгоград: ИП Черняева Ю. И., 2022. с. 35–38.
14. Амирова, К. Санариптик трансформация доорундагы электрондук нотариат // Илим. Билим. Техника. 2024. No. 2(80). Р. 336–340.
15. Юдаков, Н. С. Цифровизация нотариата в России: вызовы и перспективы // 30 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации: итоги, тенденции, перспективы развития: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Тамбов, 29–30 ноября 2024 года. — Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2025. с. 221–225.
16. Корецкая, М. А. Электронный нотариат в условиях цифровизации и цифровой экономики // Гуманитарный научный журнал. 2024. № 4–4. с. 55–58.
17. Ломакина, К. М. Нотариат завтрашнего дня или цифровая трансформация // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 106–6. с. 18–20.
18. Гаврилова, Ю. В. Применение цифровых технологий в деятельности нотариата в условиях расширения электронного взаимодействия // Искусственный и естественный интеллект: алгоритмы, мышление и образовательные технологии: Материалы XXI международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых, Москва, 27–28 марта 2025 года. — Москва: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2025. с. 1073–1083.

Машиночитаемые доверенности: коллизия между правовой природой и технической реализацией

Куликова Юлия Сергеевна, студент магистратуры
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

В статье проводится анализ правовых проблем, связанных с использованием машиночитаемых доверенностей (МЧД) в контексте истечения срока действия квалифицированных сертификатов электронных подписей. Исследуется противоречие между нормами гражданского законодательства, устанавливающими исчерпывающий перечень оснований прекращения доверенности, и техническими реализациями систем проверки МЧД на государственных порталах, которые де-факто вводят дополнительное основание для отказа в признании доверенности действительной.

Ключевые слова: машиночитаемая доверенность, МЧД, электронная подпись, сертификат электронной подписи, срок действия, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «Об электронной подписи», ФНС России, портал Госуслуги.

Цифровая трансформация гражданского оборота в Российской Федерации сопровождается внедрением новых институтов, призванных оптимизировать и упростить взаимодействие между субъектами права. Одним из таких институтов является машиночитаемая доверенность (далее — МЧД) — документ, оформленный в электронной форме по установленному формату, позволяющий автоматизировать установление и проверку полномочий представителя. Несмотря на заявленные преимущества, внедрение МЧД выявило ряд системных проблем, лежащих на стыке права и информационных технологий.

Одной из наиболее острых на сегодняшний день является проблема признания действительности МЧД, подписанных квалифицированной электронной подписью (далее — ЭП), срок действия сертификата которой истек после момента подписания документа. Как отмечают исследователи, «правовая природа электронного документа и электронной подписи до сих пор порождает дискуссии в научной среде, что находит отражение в правоприменительной практике» [5, с. 45]. На практике такие доверенности зачастую не принимаются государственными органами (например, Росприроднадзором), контр-

агентами, что прямо противоречит действующему законодательству.

Целью настоящей статьи является выявление и анализ правовых коллизий, возникающих в связи с использованием МЧД, и разработка на этой основе предложений по совершенствованию механизма их проверки и признания.

Применение МЧД, форматы и технические требования к таким доверенностям регламентируются следующими нормативными правовыми актами: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее — Федеральный закон «Об электронной подписи»), Приказ Минцифры России от 18.08.2021 № 857 «Об утверждении единых требований к формам доверенностей, необходимых для использования квалифицированной электронной подписи» (далее — Приказ Минцифры России от 18.08.2021 № 857).

Машиночитаемая доверенность представляет собой качественно новый этап в развитии института представительства. В отличие от традиционной доверенности на бумажном носителе, МЧД создается в строго формализованном электронном формате XML (п. 1 Приказа Минцифры России от 18.08.2021 № 857 «Об утверждении единых требований к формам доверенностей, необходимых для использования квалифицированной электронной подписи»), что позволяет осуществлять ее автоматическую обработку и проверку подлинности без участия человека.

Как верно отмечает профессор А. Г. Лисицын-Светланов, «внедрение цифровых технологий в гражданский оборот требует не только изменения традиционных правовых конструкций, но и формирования новой юридической техники» [6, с. 12]. МЧД является наглядным примером такой трансформации, сочетая в себе классические гражданско-правовые элементы (сделку-одностороннюю волю представляемого) и современные цифровые средства фиксации и передачи этой воли.

Один из важнейших вопросов, возникающих на практике, — прекращается ли действие МЧД в связи с истечением срока действия квалифицированного сертификата ЭП, которым она была подписана?

Нормативное обоснование позиции о том, что истечение срока действия сертификата ЭП не является основанием для прекращения действия МЧД, представляется следующим образом.

Во-первых, в статье 188 ГК РФ содержится закрытый перечень оснований прекращения доверенности. В данном перечне отсутствует такое основание, как истечение срока действия сертификата электронной подписи. Указанный подход основан на фундаментальном принципе гражданского права: исчерпывающий характер оснований прекращения правовых отношений, прямо установленных законом. Расширительное толкование этой нормы недопустимо.

Во-вторых, согласно пункту 2 статьи 11 Федерального закона «Об электронной подписи» квалифицированная электронная подпись признается действительной, *если*

сертификат был действителен на момент подписания электронного документа (при наличии достоверной информации о моменте подписания) или на день проверки действительности указанного сертификата, если момент подписания электронного документа не определен. Таким образом, законодатель прямо разграничивает два разных момента: момент подписания и момент проверки. Для определения действительности подписи критически важным является момент подписания МЧД.

В-третьих, ФНС России в своих разъяснениях однозначно указала, что истечение срока действия квалифицированного сертификата не является основанием для прекращения действия машиночитаемой доверенности [10]. Учитывая, что ФНС России является оператором единого блокчейн-хранилища МЧД, ее позиция имеет важное практическое значение.

Кроме того, следует отметить, что согласно пункту 1 приказа Минкомсвязи России от 14.09.2020 № 472 «Об утверждении Формата электронной подписи, обязательного для реализации всеми средствами электронной подписи» в составе ЭП должна размещаться информация, в том числе о времени создания ЭП. При этом в силу подпункта 6 пункта 1 Приказа Минцифры России от 18.08.2021 № 857 МЧД должна содержать дату совершения доверенности.

Таким образом, техническая возможность осуществить проверку времени подписания МЧД для определения действительности сертификата ЭП в соответствующий период имеется.

Дополнительно проведем аналогию и рассмотрим сложившуюся судебную практику по спорам, касающимся, например, действия обычных бумажных доверенностей, выданных от имени юридического лица после смены единоличного исполнительного органа, подписывавшего доверенность. Суды исходят из того, что перечень оснований прекращения доверенности, указанный в статье 188 ГК РФ, является исчерпывающим (постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.11.2021 № Ф05-14634/2021 по делу № А40-173450/2020, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.07.2022 № 09АП-41255/2022 по делу № А40-109256/2020 и т. д.).

Соответственно, если в случае с бумажной доверенностью подписант утрачивает свои полномочия, но доверенность продолжает действовать, то по аналогии при истечении срока действия сертификата ЭП МЧД не должна прекращать действие. Истечение срока сертификата ЭП, являясь техническим, а не юридическим событием, не должно влиять на «судьбу» выданной МЧД.

Несмотря на ясность законодательных предписаний, на практике существует серьезная коллизия, порожденная техническими особенностями систем проверки МЧД.

С одной стороны, портал Госуслуги (ресурс для проверки МЧД в УФО — URL: <https://e-trust.gosuslugi.ru/check-emchd/once>) [11] технически настроен на проверку текущего срока действия сертификата ЭП. Если на момент проверки сертификат недействителен (в том числе истек

его срок), система выдает отрицательный результат, не учитывая дату подписания МЧД.

С другой стороны, единое блокчейн хранилище МЧД ФНС России, также являющееся государственной системой, действует иначе. При проверке доверенностей в данном реестре статус МЧД «действующая» сохраняется даже после истечения срока действия сертификата ЭП, если на момент подписания и загрузки МЧД в реестр сертификат был действителен. Таким образом, подход, действующий в блокчейн хранилище МЧД ФНС России, полностью соответствует нормам права.

Возникает парадоксальная ситуация: одна государственная информационная система (ФНС) подтверждает действительность МЧД, руководствуясь законом, а другая (Госуслуги) — опровергает ее, руководствуясь, предположительно, внутренним техническим регламентом. Рассматриваемая ситуация создает правовую неопределенность для участников оборота и может привести к злоупотреблению правом со стороны лиц, которые получают возможность произвольно трактовать действительность МЧД, выбирая удобный для себя источник проверки.

Как справедливо замечает И. М. Рассолов, «проблема интеграции права и технологий заключается в том, что технология развивается быстрее, чем право, и юристы не всегда успевают адекватно реагировать на технологические вызовы» [7, с. 78]. Рассматриваемая ситуация является яркой иллюстрацией этого тезиса.

При этом можно отметить, что существуют и негосударственные сервисы для проверки МЧД. Так, проверить, когда документ был подписан и действовал ли в тот момент сертификат ЭП можно, например, на сайте Сервис проверки электронной подписи [12], а также через платные программные продукты КриптоПро.

Для разрешения выявленной коллизии необходим комплексный подход, направленный на гармонизацию правовых норм и технических стандартов.

Так, например, можно осуществить модернизацию сервиса проверки МЧД на портале Госуслуги. Являясь ключевым элементом цифровой инфраструктуры государства, портал Госуслуги должен в полной мере соответствовать требованиям законодательства. Алгоритм проверки МЧД должен быть доработан таким образом, чтобы при определении действительности ЭП система в обязательном порядке учитывала дату подписания документа и сверяла срок действия сертификата именно с этой датой. Такое техническое изменение полностью нивелирует основную причину проблемы.

Также для решения проблемы необходимо инициировать разработку и утверждение единых методических рекомендаций или технического регламента по проверке МЧД для всех участников оборота, особенно для государственных органов. Данный документ должен однозначно предписывать, что при проверке МЧД следует руководствоваться нормой пункта 2 статьи 11 Федерального закона «Об электронной подписи». Представляется, что такое решение позволит устранить субъективизм в принятии решений.

В качестве еще одной меры, которая может быть оперативно реализована и, как видится, не потребует больших затрат может быть рассмотрено проведение разъяснительной работы. Представляется, даже самая совершенная техническая доработка портала Госуслуг окажется неэффективной, если на уровне непосредственного применения МЧД сотрудниками государственных органов, организаций, юридических лиц будет сохраняться правовой нигилизм и непонимание цифровых процессов. Поэтому системная разъяснительная работа может стать необходимым условием разрешения сложившейся коллизии. Так, например, Минцифры России совместно с ФНС России может быть организовано проведение вебинаров (онлайн-веинаров) прежде всего для сотрудников государственных органов и организаций, непосредственно работающих с МЧД, а также для всех иных заинтересованных лиц.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии системной проблемы, связанной с использованием МЧД. Выявленная коллизия между правовой природой МЧД, основанной на нормах ГК РФ и Федерального закона «Об электронной подписи», и технической реализацией систем проверки МЧД создает серьезные препятствия для развития цифрового гражданского оборота.

Действительность МЧД должна определяться исключительно на основании норм материального права, которые устанавливают, что истечение срока действия сертификата ЭП не входит в исчерпывающий перечень оснований прекращения доверенности. Технические системы, включая государственные порталы, обязаны не формировать собственную «цифровую правовую реальность», а точно и неукоснительно реализовывать предписания законодателя.

Предложенные в статье меры позволят преодолеть существующее противоречие и обеспечить единообразное применение института МЧД, что будет способствовать повышению правовой определенности и эффективности электронного взаимодействия.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 15. — Ст. 2036.

3. Приказ Минкомсвязи России от 14.09.2020 № 472 «Об утверждении Формата электронной подписи, обязательного для реализации всеми средствами электронной подписи» // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=366354&dst=100012>.
4. Приказ Минцифры России от 18.08.2021 № 857 «Об утверждении единых требований к формам доверенностей, необходимых для использования квалифицированной электронной подписи» // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=397438&dst=100019>.
5. Петров, Д. А. Электронный документ и электронная подпись: теория и практика. — М.: Проспект, 2021. — 208 с.
6. Лисицын-Светланов, А. Г. Цифровизация экономики и развитие гражданского права // Журнал российского права. — 2020. — № 8. — 180 с.
7. Рассолов, И. М. Право и интернет: теоретические проблемы. — 3-е изд. — М.: Норма, 2022. — 352 с.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.11.2021 № Ф05-14634/2021 по делу № А40-173450/2020 // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SMS&n=412166>.
9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.07.2022 № 09АП-41255/2022 по делу № А40-109256/2020 // <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=MAPS&n=2308996>.
10. Новости ФНС России от 27.07.2023 «ФНС России разъяснила, влияет ли истечение срока действия КЭП директора организации на подписанные им МЧД» — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn29/news/activities_fts/13776605/ (дата обращения: 20.11.2025).
11. Портал уполномоченного федерального органа в сфере использования электронной подписи — URL: <https://e-trust.gosuslugi.ru/check-emchd/once> (дата обращения: 20.11.2025).
12. Тестовая служба проверки подписи и сертификатов «КриптоПро SVS» — URL: <https://dss.cryptopro.ru/verify/#/signature> (дата обращения: 20.11.2025).

Восстановление процессуальных сроков как способ злоупотребления правом в исполнительном производстве

Кулишов Данил Дмитриевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Тензина Елена Фанавиевна, кандидат юридических наук, доцент
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Злоупотребление правом — это заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав с целью причинить вред другому лицу, обойти закон или достичь иных противоправных целей (ст. 10 ГК РФ). В исполнительном производстве такие действия могут совершать как должники, так и взыскатели.

В исполнительном производстве остро стоит проблема злоупотребления процессуальными правами — восстановление процессуальных сроков для предъявления исполнительного документа по причине нахождения исполнительного листа на исполнении в кредитной организации.

Современное законодательство предусматривает альтернативные инструменты для реализации судебного решения (в т. ч. направление документа в банк), но пробелы в нормах приводят к недобросовестному поведению и извлечению неосновательного обогащения для взыскателя.

Проблема исходит из неопределённости положений ст. 8 ФЗ № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», согласно которой исполнительный документ о взыскании денежных средств или об их аресте может быть направлен взыскателем в банк или иную кредитную организацию. Однако в действующем законодательстве нет критериев выбора банка, алгоритма действий при закрытии расчет-

ного счета в кредитной организации со стороны должника и обязанности банка информировать взыскателя, а также чётких временных рамок исполнения.

Это ведёт к типовому сценарию: взыскатель предъявляет лист в банк, где у должника был или есть счёт; банк принимает решение суда на исполнение; должник закрывает счёт и открывает новый в другом банке; взыскатель пропускает срок и затем восстанавливает его, ссылаясь на предыдущее предъявление. В итоге исполнение документа «зависает», а взыскатель может получить неосновательное обогащение (проценты по ст. 395 ГК РФ, неустойку), что противоречит принципам гражданского права (п. 1 ст. 10 ГК РФ).

Правовое регулирование предъявления исполнительных документов в банки основано на ст. 8 ФЗ № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», дающей взыскателю право направлять документ о взыскании/аресте средств напрямую в кредитную организацию. Подобная норма призвана упростить процедуру взыскания, минимизировав бюрократические препятствия и ускорив процесс исполнения судебных решений.

Однако данная статья не содержит критериев: какой банк выбрать, как проверить актуальность счетов должника, обязана ли кредитная организация информировать

взыскателя, в какие сроки исполнить документ, как координировать действия при нескольких счетах.

В ст. 22 «Об исполнительном производстве» указано, что «Срок предъявления исполнительного документа к исполнению прерывается предъявлением исполнительного документа к исполнению. После перерыва течение срока предъявления исполнительного документа к исполнению возобновляется. Время, истекшее до прерывания срока, в новый срок не засчитывается». Однако остается открытым вопрос о том, когда взыскатель обязан был позаботиться о перепредъявлении исполнительного документа в другую кредитную организацию или в Федеральную службу судебных приставов.

Это порождает риски: для должников — необоснованный рост долга; для банков — возникновение убытков у сторон исполнительного производства; для судов — противоречивая практика и необоснованная нагрузка судебной системы. Требуется уточнение норм и подзаконных актов, регламентирующих взаимодействие участников.

Типичная проблемная ситуация развивается по следующему сценарию. Взыскатель подает исполнительный лист в банк, где у должника, по информации взыскателя, имеется счёт. Кредитная организация принимает исполнительный документ к исполнению, однако процесс затягивается из-за объективных или субъективных причин. При этом должник может быть не осведомлен о поступлении в банк исполнительного документа на его лицевой счет. В ходе хозяйственной деятельности он может открывать расчетные счета в другой кредитной организации и закрывать счет по месту предъявления исполнительного документа. Взыскатель, не обладая системой оперативного информирования о подобных изменениях, продолжает ожидать исполнения по ранее направленному документу. Зачастую факт прекращения обслуживания должника в банке выясняется за пределами процессуальных сроков для предъявления и взыскатель вынужден обращаться в суд для восстановления процессуальных сроков.

Действующее законодательство не предусматривает **обязанности банка активно информировать взыскателя** о ходе исполнения или невозможности осуществления взыскания. Кредитная организация может месяцами удерживать документ, не предпринимая действенных мер, а взыскатель — оставаться в неведении относительно судьбы своего требования. При этом статья 22 ФЗ «Об исполнительном производстве», регулирующая прерывание сроков, трактует сам факт предъявления документа как достаточное основание для приостановления течения срока. Закон не требует от банка подтверждения реальных действий по исполнению, не устанавливает предельных сроков для совершения исполнительных операций, не обязывает уведомлять взыскателя о возникновении препятствий. В результате исполнительный документ фактически «зависает» в кредитной организации, не приводя к реальному исполнению, а взыскатель

получает возможность восстановить пропущенный срок по формальным основаниям.

Особую остроту проблемы придаёт **отсутствие временных ориентиров** для взыскателя. Когда он должен осознать неэффективность первоначального предъявления и предпринять шаги по перепредъявлению документа? На какой стадии бездействия банка следует обращаться в ФССП или в суд? Законодательство не даёт ответов на эти вопросы, оставляя участника процесса в состоянии правовой неопределённости. Взыскатель рискует затянуть с перепредъявлением, столкнувшись с отказом в восстановлении срока из-за чрезмерного промедления.

Судебная практика по вопросам восстановления процессуальных сроков для предъявления исполнительных документов демонстрирует существенную неоднородность подходов, что напрямую связано с пробелами в нормативном регулировании и отсутствием чётких критериев оценки поведения участников процесса. В центре дискуссий остаётся вопрос о том, насколько добросовестно действовал взыскатель, пропустивший срок, и можно ли считать формальное предъявление исполнительного листа в банк достаточным основанием для восстановления срока. На сегодняшний день суды при рассмотрении данного вопроса зачастую не уделяют должного внимания причинам пропуска сроков предъявления исполнительного документа к исполнению, используя формальный подход ст. 22 ФЗ «Об исполнительном производстве».

Глубинный анализ поведения взыскателя — его действий по контролю за исполнением, усилий по перепредъявлению документа — обычно остаётся за рамками оценки судей. Такой формальный подход порождает противоречивые решения: в одних случаях суды восстанавливают сроки, ссылаясь на буквальное толкование закона, в других — отказывают, указывая на обязанность взыскателя отслеживать процессуальные сроки, предвидеть риски совершения или не совершения соответствующих процессуальных действий, связанных с исполнением решения суда. [1]

Особую сложность добавляет то, что статья не содержит прямых указаний на необходимость оценки добросовестности взыскателя при восстановлении сроков. Норма оперирует исключительно формальными критериями: было ли предъявление, прервался ли срок, соблюдены ли процедурные требования. При этом поведенческий аспект — принимал ли взыскатель меры по контролю за исполнением, своевременно ли реагировал на изменения финансового положения должника, предпринимал ли шаги по перепредъявлению документа в случае закрытия счёта или длительного неисполнения — остаётся за рамками нормативного регулирования.

Например, в одних судебных актах подчёркивается, что взыскатель обязан проявлять осмотрительность: своевременно запрашивать у банка информацию о ходе исполнения, фиксировать ответы, при необходимости отзы-

вать документ и направлять его в ФССП или иной банк; в других решениях указывается, что кредитная организация сама несёт ответственность за исполнение, а взыскатель не обязан «надзирать» за её действиями. [2]

Особую сложность вызывает оценка временных параметров поведения взыскателя: не определено, когда именно он должен осознать неэффективность первоначального предъявления — через месяц, три или полгода. Закон не устанавливает предельных сроков для ожидания исполнения в банке, не фиксирует момент, с которого бездействие кредитной организации становится очевидным, и не определяет, какая задержка даёт право на перепредъявление документа.

В итоге суды сталкиваются с ситуациями, когда взыскатели годами не предпринимают никаких действий, а затем требуют восстановления срока, ссылаясь на продолжительное исполнение в банке. Не менее проблематичен и доказательственный аспект: суды расходятся в оценке того, какие документы подтверждают добросовестность взыскателя — одни принимают в качестве доказательства почтовые квитанции о направлении листа в банк, другие требуют письменных ответов кредитной организации о ходе исполнения, третьи настаивают на наличии переписки, свидетельствующей об активных запросах со стороны взыскателя. При этом ни закон, ни разъяснения высших судов не устанавливают перечня допустимых доказательств, что порождает неоднозначную судебную практику.

Более того, если суд восстановит срок спустя годы, должник будет вынужден выплатить сумму, многократно превышающую первоначальное требование, хотя его вина в задержке не доказана.

Финансовые последствия восстановления сроков включают риск неосновательного обогащения взыскателя: при формальном соблюдении процедур он может получить выгоду, значительно превышающую реальный ущерб.

В частности, взыскатель вправе истребовать проценты за пользование чужими денежными средствами по ст. 395 ГК РФ или неустойку, взысканных по решению суда до даты фактического исполнения обязательств. Например, если взыскатель несколько лет не контролировал исполнение, затем восстановил срок, то в течение всего времени он может претендовать на проценты, а итоговая сумма можеткратно вырасти по сравнению с первоначальным требованием.

Проблема заключается в отсутствии законодательных лимитов на начисление санкций за период, когда взыскатель бездействовал: нет механизма снижения неустойки (ст. 333 ГК РФ) при пассивности взыскателя. Это приводит к возможности взыскателя извлекать выгоду из собственного бездействия.

Для решения обозначенной проблемы представляется возможным один из двух различных подходов, каждый из которых несёт в себе как преимущества, так и ограничения, требующие тщательного осмысления.

Первый подход предполагает трансформацию существующего механизма исполнения судебных решений — полное исключение возможности предъявления исполнительного документа непосредственно в банк или иную кредитную организацию, что фактически означало бы отмену соответствующих положений статьи 8 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

Главным достоинством подобной стратегии является возможность создания единой централизованной базы данных исполнительных производств, которая позволила бы упорядочить всю информацию о должниках и ходе исполнения судебных актов. Концентрация исполнительных документов в руках одного уполномоченного органа обеспечила бы унифицированный подход к реализации судебных решений, исключила дублирование действий между различными кредитными организациями и создала прозрачную систему мониторинга исполнения. В этом случае основной функцией специализированного органа исполнительной власти — Федеральной службы судебных приставов — стало бы обеспечение полного, эффективного и законного принудительного исполнения судебных актов.

Такой подход позволил бы сосредоточить необходимые компетенции и ресурсы в одних руках, внедрить единые методики работы с должниками, повысить уровень контроля за действиями исполнителей и минимизировать риски злоупотреблений со стороны взыскателей.

Однако нельзя не учитывать и существенные недостатки данного варианта, главным из которых представляется вероятность возникновения единовременной чрезмерной нагрузки на органы ФССП. Если действующий механизм будет отменён, можно ожидать массового изъятия исполнительных документов из кредитных организаций и их перенаправления в службу судебных приставов, что спровоцирует резкий рост количества исполнительных производств. Подобная ситуация способна привести к временному снижению эффективности исполнения и образованию внушительных очередей из исполнительных производств, ожидающих рассмотрения.

Второй подход заключается изменении подходов рассмотрения заявлений о восстановлении процессуальных сроков. Его суть состоит в смещении акцента с поверхностной формальной проверки соблюдения процедурных норм на глубокий и всесторонний анализ фактического поведения взыскателя.

При реализации данного подхода суду следовало бы уделять пристальное внимание не только букве закона, но и реальному поведению участника процесса: насколько активно взыскатель действовал для достижения исполнения судебного решения, сохранялась ли между ним и кредитной организацией содержательная переписка, фиксирующая систематические запросы о ходе исполнения и требования о принятии необходимых мер, своевременно ли взыскатель реагировал на изменения ситуации, предпринимал ли шаги по перенаправлению документа при возникновении препятствий, насколько

обоснованы причины пропуска срока и не кроются ли они в пассивности самого взыскателя.

Особое значение приобрело бы наличие документальных подтверждений предпринятых действий — копий запросов, ответов банка, уведомлений и иных материалов, свидетельствующих о добросовестности поведения. Такой подход дал бы возможность достоверно установить, действительно ли взыскатель стремился к исполнению решения или лишь формально соблюдал процедуры, выявить фактические основания для восстановления срока и исключить использование данного механизма в качестве инструмента злоупотребления правом. Кроме того, он позволил бы дифференцировать объективные и субъективные причины пропуска срока, обеспечив справедливый баланс интересов: с одной стороны, защитить права взыскателя при наличии обоснованных обстоятельств, с другой — предотвратить ситуации необоснованного обогащения за счёт пассивного ожидания.

В конечном счёте это способствовало бы формированию единообразной судебной практике, выработке чётких критериев оценки поведения участников процесса.

Таким образом, оба предложенных варианта представляют собой альтернативные пути решения проблемы, каждый из которых нуждается в взвешенном анализе возможных последствий и тщательной проработке механизмов практической реализации.

Эволюция института восстановления сроков должна быть направлена на гармоничное сочетание модернизации нормативной базы, внедрения современных цифровых технологий и формирования единообразной правоприме-

нительной практики, чтобы превратить исполнительное производство в действительно эффективный механизм реализации судебных актов. Для достижения этой цели прежде всего необходимо переосмыслить роль взыскателя, закрепив за ним статус активного субъекта, который несёт ответственность за грамотное использование предоставленных законом инструментов.

Наряду с этим требуется чёткое уточнение процессуальных сроков — включая дифференциацию оснований для восстановления пропущенных сроков, установление предельных периодов начисления штрафных санкций, запрет на восстановление срока при выявленном умышленном бездействии взыскателя и обязательную проверку судом добросовестности его поведения.

При этом важно защитить интересы кредитных организаций путём установления чётких сроков исполнения, введения санкций за необоснованные задержки и разработки регламентированного порядка их взаимодействия с ФССП.

Важным направлением выступает формирование системы информирования: необходимо ввести обязательные уведомления со стороны банков, закрепить чёткие сроки предоставления ответов и наладить бесперебойный обмен данными между кредитными организациями и ФССП.

Последовательная реализация всех перечисленных мер создаст сбалансированную, прозрачную и эффективную систему исполнительного производства, гарантирующую надёжную защиту прав всех участников исполнительного производства.

Литература:

1. Постановление Тринадцатый арбитражный апелляционный суд от 30 января 2024 г. по делу № А56–24025/2018.
2. Определение Арбитражного суда города Москвы от 13.08.2024 по делу № А40–58833/2016.

Основные проблемы противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации

Лавренов Евгений Сергеевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В настоящей статье автором предпринята попытка раскрыть сущность терроризма и экстремизма, а также дать характеристику основным проблемам, которые снижают эффективность противодействия обозначенным явлениям. Сделан вывод о необходимости комплексной реализации мер, связанных с различными сферами жизни общества и государственного управления.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, противодействие, национальная безопасность, уголовная ответственность.

В настоящее время вопросы противодействия терроризму и экстремизму раскрываются в рамках задач по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации. Несмотря на то, что к текущему моменту уже были достигнуты определенные результаты по данному направлению,

следует учитывать и наличие некоторых проблем, которые вызывают необходимость совершенствования такой деятельности. Значимость развития данного направления подтверждается и имеющимися статистическими данными, которые за последние 4 года представлены в таблице 1.

Таблица 1. Динамика зарегистрированных фактов терроризма и экстремизма в РФ в 2021–2024 гг. [5]

	2021	2022	2023	2024
Зарегистрировано преступлений, ед.	2 004 404	1 966 795	1 947 200	1 911 300
из них:				
— преступлений террористической направленности	2 136	2 233	2 382	3 714
— преступлений экстремистской направленности	1 057	1 566	1 340	1 719

Представленные в таблице 1 данные позволяют говорить о том, что в последние годы наблюдается резкий рост терроризма и экстремизма в Российской Федерации. В значительной степени это связано с проведением государством специальной военной операции. Эти обстоятельства повышают значимость противодействия терроризму и экстремизму в России, что, в том числе, нашло свое отражение и в Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной в 2021 году [2].

Для понимания сущности рассматриваемых явлений, прежде всего, дадим им определение. Экстремизм в контексте государственной политики составляет приверженность субъекта к крайним взглядам и мерам, отрицание существующих норм и ценностей, действующей политической системы, а также стремление к тому, чтобы дестабилизировать ситуацию внутри страны. В свою очередь терроризм состоит в организованном применении насилия для целей, связанных с влиянием на государственную политику и принимаемые органами государственной власти, а также органами местного самоуправления решения.

Если же говорить об экстремизме с юридической точки зрения, то он составляет конкретные действия (или же их пропаганду), ориентированные на то, чтобы ущемить права отдельных социальных групп в связи с их личными характеристиками и предпочтениями, изменить насильственным образом конституционный строй, а также создать препятствия для деятельности органов власти. В свою очередь терроризм в юридической науке рассматривать в качестве идеологии насилия и практики воздействия на государственную и муниципальную власть посредством устрашения населения и совершения иных противоправных насильственных действий.

К настоящему времени Российской Федерацией уже был предпринят ряд шагов, ориентированных на противодействие терроризму и экстремизму. Например, речь идет о постановке специальных задач перед федеральными органами власти, о закреплении уголовной ответственности на случай совершения субъектами преступлений террористической и экстремистской направленности. Однако, в то же время, можно выделить и ряд проблемных аспектов, которые требуют решения.

Как отмечает Д. А. Гусенова, действующие российские нормативные правовые акты не дают четкого понятия для таких явлений, как терроризм и экстремизм. При этом не все совершаемые нарушения квалифицируют в качестве терроризма и экстремизма, хотя ряду из них явно свойственен террористический или экстремистский ха-

рактер [4, с. 82]. В частности, если обратиться к тексту Уголовного кодекса РФ [1], то ни одна из его действующих статей не дает легального определения термину «терроризм», что усложняет квалификацию этого деяния на практике. Предполагается, что ст. 205 УК РФ явно недостаточно для того, чтобы понять сущность терроризма. Представленный пример является лишь одним из фактов, которые подтверждают необходимость дальнейшей проработки содержания составов терроризма и экстремизма в рамках действующего уголовного закона.

Значимым следует считать и то обстоятельство, что на текущий момент проходит процесс цифровизации различных аспектов жизни общества. В этих условиях распространение информации стало весьма простой задачей. Однако информационные технологии оказали не только положительное, но и отрицательное влияние. Последнее выражается в том, что применение цифровых инструментов обеспечило для террористов и экстремистов новые возможности, включая возможности по агитации и пропаганде, по вербовке и по стимулированию к осуществлению радикальных действий [3, с. 10].

По нашему мнению, противодействие данной проблеме требует осуществления цифрового мониторинга на предмет выявления террористической и экстремистской активности в сети «Интернет». Не менее значимой в рамках данного направления будет работа по повышению цифровой грамотности российского общества. Следует обращаться и к возможности ограничения такого контента — блокировать противоправные ресурсы, вести работу по контрпропаганде рассматриваемых явлений.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что осуществление терроризма и экстремизма, как и любой другой вид деятельности, требует определенных финансовых затрат. В качестве основного источника дохода в рамках рассматриваемых видов противоправной деятельности могут быть обозначены доходы, полученные от незаконной предпринимательской деятельности. В этом находит свое отражение социально-экономическая проблема противодействия терроризму и экстремизму.

Ослабление социально-экономической сферы приводит к росту противоправной деятельности, включая ту, которая связана с легализацией денежных средств, ростом теневой экономики и коррупции, расширением наркобизнеса и бизнеса, связанного с незаконной реализацией оружия. Эти обстоятельства формируют ресурсную основу для развития терроризма и экстремизма. Кроме того, негативные тенденции в социально-экономической

сфере приводят к снижению уровня доверия общества к органам власти, что создает риск появления новых сторонников радикальных группировок.

Для противодействия этому Российской Федерации следует уделять более значительное внимание вопросам социально-экономического положения страны, принимать меры, направленные на противодействие теневой экономике и коррупции, отслеживать каналы, которые могут использоваться для финансирования терроризма и экстремизма, а также реализовать мероприятия, которые позволят сократить имущественное расслоение российского населения.

Дополнительно следует обратить внимание и на миграционные процессы. Прирост мигрантов из зарубежных государств, несмотря на введение экономических санкций, продолжается. Преимущественно речь идет о мигрантах из государств Средней Азии. Однако не все из них готовы к ассимиляции в российское общество, а, соответственно, значительная культурная и религиозная разница между гражданами РФ и мигрантами может быть положена в основу неприязни к последним. При этом не исключается риск и того, что мигранты, заинтересованные в заработке, будут склонны к участию в террористической и экстремистской деятельности. Из недавних примеров этого можно выделить теракт в концертном зале г. Красногорск Московской области в начале 2024 года.

Соответственно, усиление миграционного контроля и надзора за мигрантами, которые уже находятся на территории Российской Федерации, также должно восприниматься в качестве части государственной политики по противодействию терроризму и экстремизму.

Также следует остановиться и на психологических проблемах. Особенность склонения к террористической и экстремистской деятельности проявляется в том, что

субъекты, которые занимаются вербовкой, воздействуют не на разум и здравый смысл физического лица, а на его инстинкты, чувства и эмоции [4, с. 88]. Из этого следует, что для государства важно более пристально следить за той деятельностью, которую осуществляют общественные организации и движения на территории России, проводить профилактическую работу с населением, а также осуществлять мероприятия, которые позволили бы поддерживать ментальную составляющую здоровья российского общества.

При этом психологические аспекты имеют достаточно тесную связь с социально-экономическими аспектами: уровень психологического здоровья человека зависит от того, каковы условия его жизни. Подтверждением этому является тот факт, что выше показатель совершенных преступлений террористической направленности и экстремистской направленности в слабо развитых государствах.

Таким образом, терроризм и экстремизм представляют собой достаточно сложные, многогранные явления, составляющие значительную угрозу для национальной безопасности и стабильности деятельности в Российской Федерации. Эти явления оказывают отрицательное воздействие на конституционный строй и правопорядок в государстве, порождают ненависть и вражду в обществе, что в конечном счете дестабилизирует политическую, социальную и экономическую обстановку в стране. Сегодня противодействие терроризму и экстремизму должно осуществляться комплексно, системно. Иначе говоря, существует необходимость в сочетании силовых и профилактических мер по различным направлениям жизни общества и реализации деятельности органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.
3. Гайворонская, А. А., Смирнов А. А. Проблемы противодействия экстремизму и терроризму в цифровой среде // Дерадикализация религиозно мотивированных экстремистов: возможности и перспективы: сборник материалов научной конференции. — Москва, 2023. — с. 10–11.
4. Гусенова, Д. А. Актуальные проблемы и основные механизмы противодействия экстремизму и терроризму в РФ: Социально-философский аспект // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. — 2022. — Т. 37. — № 3. — с. 81–92.
5. Статистические данные МВД России о состоянии преступности в Российской Федерации [электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 10.11.2025).

Правовое обеспечение информационной безопасности в Минюсте России и его территориальных органах

Марченкова Кристина Владиславовна, студент

Научный руководитель: Луковкин Кирилл Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье рассматривается проблематика правового обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации в условиях стремительного развития цифровых технологий и роста киберугроз. Особое внимание уделяется роли Министерства юстиции РФ в защите конфиденциальной информации, включая персональные данные граждан и сведения в сфере исполнения наказаний, государственной регистрации актов гражданского состояния.

Ключевые слова: информационная безопасность, правовое обеспечение, киберпреступность, государственная тайна, Министерство юстиции РФ.

Информационная безопасность в XXI веке приобретает стратегическое значение, определяя устойчивость функционирования государственных институтов и защищенность прав и свобод граждан. В условиях стремительного развития информационных технологий и возрастающей угрозы киберпреступности правовое обеспечение информационной безопасности становится ключевым направлением деятельности Министерства юстиции Российской Федерации (Минюст России) и его территориальных органов. Эффективная защита информационных ресурсов, обрабатываемых в системе Минюста России, напрямую влияет на качество предоставляемых государственных услуг, обеспечение законности и правопорядка в стране.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью непрерывного совершенствования правовых механизмов защиты информации в условиях динамично меняющегося информационного пространства. Минюст России, будучи одним из ключевых звеньев в системе государственного управления, обрабатывает значительные объемы конфиденциальной информации, включая персональные данные граждан, сведения, относящиеся к сфере исполнения наказаний, государственной регистрации актов гражданского состояния и другие. Обеспечение надлежащего уровня информационной безопасности этих данных является важнейшей задачей.

В настоящее время Российская Федерация сталкивается с повышенным уровнем угроз в области информационной безопасности, что обусловлено увеличением числа кибератак и преступлений в киберпространстве. Учитывая возрастающую значимость информационных технологий для функционирования общества и государственных структур, актуализация правовой политики в данной сфере приобретает особую значимость [4, с. 101].

Целью правовой политики в области информационной безопасности является гарантирование прав и свобод граждан в контексте информационных отношений, обеспечение национальной безопасности, защита интересов государства и коммерческих структур от киберугроз, а также противодействие киберпреступлениям и обеспечение безопасности персональных данных.

Правовая политика включает в себя комплекс мероприятий, направленных на установление стандартов безопасности информационных систем, регулирование деятельности операторов связи и провайдеров, нормативное регулирование сбора и обработки информации о гражданах, разработку мер по выявлению и предотвращению кибератак, а также определение ответственности за нарушения в области информационной безопасности.

Одной из ключевых проблем в сфере информационной безопасности является отставание законодательных и исполнительных структур от быстрого развития цифрового общества. В частности, действующий закон «О государственной тайне» не включает в себя цифровые материалы и данные в качестве объектов государственной тайны, за исключением информации о достижениях в области техники и мер по обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и ее защиты от киберугроз. Такое законодательное несоответствие может поставить под угрозу национальную безопасность и права граждан, поскольку отсутствует адекватное регулирование в области цифровых данных.

Кроме того, действующее федеральное законодательство не содержит перечня специализированных методов защиты, применимых к цифровым данным, что негативно сказывается на защите государственной тайны. Отсутствие конкретных нормативных актов, регулирующих ответственность за киберпреступления в контексте государственной тайны, также является серьезным недостатком в законодательной базе.

Единственным источником права, относительно применимым в данном случае, является Уголовный кодекс Российской Федерации (ст. 272, ст. 273, ст. 274), но данные положения не учитывают всех рисков киберпреступлений в отношении информации, защищенной государственной тайной, и вероятного ущерба национальной безопасности РФ, нанесенного путем разглашения секретной информации [1]. Также отсутствуют какие-либо нормы, регулирующие деятельность искусственного интеллекта (ИИ), что является одним из ключевых камней преткновения

в правотворческой и правоприменительной сфере, так как правовое положение ИИ не определено.

С одной стороны, ИИ постепенно проявляет признаки самостоятельности в принятии некоторых решений и даже начинает обретать частичное сознание, что делает его, возможно, неполноправным, но субъектом правоотношений; с другой стороны, ИИ рассматривается как один из объектов правоотношений, что порождает новую проблему о том, кто несет ответственность за действия ИИ: пользователь или компания-владелец.

Данные факторы применительно к сфере нарушения безопасности и целостности информации, охраняемой статусом государственной тайны, создают нерегулируемое правовое поле. В этом поле либо действия, совершённые ИИ самостоятельно в интересах конкретного лица или группы лиц, не будут классифицированы как преступление ввиду отсутствия необходимой нормативно-правовой базы; либо тот, кто ответствен за эти действия, будет нести ответственность, несоразмерную ущербу, нанесенному обществу [5, с. 184].

Также отметим, что действующее законодательство не определяет государственный орган или перечень государственных органов, обладающих необходимыми компетенциями и возможностями для проведения мер по обеспечению безопасности государственной тайны в зоне цифровых сведений, охраняемых государственной тайной [3, с. 436].

Для решения отмеченных ранее проблем в обеспечении информационной безопасности и угроз, влияющих на защиту информации в России, требуется комплекс мер, направленных на устранение негативных аспектов российского информационного пространства [2, с. 148].

Первым направлением, призванным совершенствовать обеспечение информационной безопасности России, является укрепление международного сотрудничества с региональными объединениями и государствами.

Это основано на ключевых положениях документов «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» и «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», где подчеркивается важность взаимодействия с такими объединениями, как СНГ, Евразийский экономический союз, ОДКБ, Союзное государство, БРИКС и РИК (Россия, Индия, Китай).

Таким образом, одним из важнейших направлений совершенствования правового обеспечения информационной безопасности в военно-политической сфере, как представляется, должно являться укрепление междуна-

родного сотрудничества с указанными региональными объединениями.

Пункт 52 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации после слов «ложные сообщения об угрозе совершения террористических актов» представляется целесообразным дополнить словами «...а также заведомо недостоверная информация о деятельности органов государственной власти, Вооруженных сил Российской Федерации, иных воинских формирований и военнослужащих». Пункт 57 той же Стратегии, в свою очередь, представляется целесообразным дополнить следующим подпунктом: «17) противодействие распространению заведомо недостоверной информации о деятельности органов государственной власти, Вооруженных сил Российской Федерации, иных воинских формирований и военнослужащих».

Такие изменения будут учитывать возросшую значимость психологической составляющей в структуре информационной безопасности на современном этапе развития информационных технологий, а также, как представляется, позволят достаточно эффективно противодействовать информационно-психологическим угрозам национальной безопасности Российской Федерации и продвижению на международной арене дискурса информационной безопасности, поддерживаемого Российской Федерацией и рядом перечисленных в статье региональных объединений.

Предлагаемые дополнения Стратегии национальной безопасности также будут способствовать более эффективному решению закрепленной в подпункте 15) пункта 57 задачи по достижению цели информационной безопасности, сформулированной как «доведение до российской и международной общественности достоверной информации о внутренней и внешней политике Российской Федерации», а также более эффективной реализации рассмотренного в статье принципа достоверности информации при реализации задач по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.

В рамках дальнейшего усиления информационной безопасности Российской Федерации приоритетным направлением является обеспечение эффективной реализации политики, направленной на предоставление гражданам объективной и исчерпывающей информации о политических решениях, государственной политике, деятельности органов власти. Это предполагает использование общедоступных информационных ресурсов, включая интернет, печатные издания, радио, телевидение, а также объявления и другие средства массовой информации.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СЗ РФ 1996, № 13, ст. 1741.
2. Конохов, М. В. О некоторых проблемах обеспечения информационной безопасности Российской Федерации: военно-политические аспекты // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 3 (231). — с. 148.
3. Кузнецов, С. А. Государственная тайна: правовое регулирование / С. А. Кузнецов, К. Ю. Дудникова // Наука XXI века: актуальные направления развития. — 2025. № 1–2. с. 435–439.

4. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности: учебник для вузов / Т. А. Полякова, А. А. Стрельцов, С. Г. Чубукова, В. А. Ниесов; под редакцией Т. А. Поляковой, А. А. Стрельцова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2025. — с. 101.
5. Фаизова, А. Г. Информационные товары и услуги как объекты гражданских правоотношений // Вопросы российской юстиции. — 2023. — № 28. — с. 184.

Трансграничные споры о нарушении прав на товарные знаки в сети интернет: сравнительный анализ юрисдикционных подходов Европейского союза, США и перспективы для ЕАЭС

Мелькумов Александр Георгиевич, студент
Российский новый университет (г. Москва)

Настоящая статья посвящена комплексному анализу проблем установления судебной юрисдикции в трансграничных спорах о нарушении прав на товарные знаки в сети интернет. В условиях цифровизации экономики подобные споры становятся распространенным явлением, порождая сложные коллизионные вопросы. На основе сравнительно-правового метода автор исследует эволюцию и современное состояние юрисдикционных правил в Европейском союзе (в отношении как национальных знаков, так и товарного знака ЕС) и в Соединённых Штатах Америки. Выявлены общие тенденции перехода от критерия простой доступности веб-сайта к более строгому требованию доказанной целенаправленности (targeting) действий нарушителя на конкретной территории. Результаты анализа применяются для критической оценки существующих пробелов в Договоре о товарных знаках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В заключение сформулированы конкретные рекомендации для доработки договора и практические советы для компаний, направленные на создание сбалансированной и предсказуемой процессуальной модели, а также на минимизацию судебных рисков в условиях глобальной электронной коммерции.

Ключевые слова: трансграничные споры, товарный знак, интернет, судебная юрисдикция, Регламент Брюссель I, EUTM, минимальные контакты, ЕАЭС, целенаправленность действий (targeting).

Cross-border online trademark infringement disputes: a comparative analysis of jurisdictional approaches in the European Union, the United States, and prospects for the EAEU

Melkumov Alexander Georgievich, student
Russian New University (Moscow)

This article is devoted to a comprehensive analysis of the problems of establishing court jurisdiction in cross-border disputes concerning trademark infringement on the Internet. In the context of economic digitalization, such disputes have become commonplace, giving rise to complex conflict-of-laws issues. Based on the comparative legal method, the author examines the evolution and current state of jurisdictional rules in the European Union (concerning both national marks and the European Union Trademark) and in the United States of America. Common trends of moving from the criterion of mere website accessibility to the stricter requirement of proven targeting of the infringer's activities towards a specific territory are identified. The results of the analysis are applied to critically assess the existing gaps in the Treaty on Trademarks of the Eurasian Economic Union (EAEU). In conclusion, specific recommendations are formulated for the finalizing of the treaty and practical advice for companies, aimed at creating a balanced and predictable procedural model, as well as minimizing litigation risks in the context of global e-commerce.

Keywords: cross-border disputes, trademark, Internet, court jurisdiction, Brussels I Regulation, EUTM, minimum contacts, EAEU, targeting.

Введение

Согласно отчётам Всемирной организации интеллектуальной собственности, споры о нарушении прав на интел-

лектуальную собственность в интернете все чаще связаны именно с товарными знаками. Трансграничный характер таких нарушений ставит на первый план сложный во-

прос определения надлежащей судебной юрисдикции, за которым следуют проблемы выбора применимого права и определения территориального объёма его действия. Отсутствие единых международных правил делает сравнительный анализ региональных подходов важным инструментом для развития национальных и наднациональных правовых систем.

Целью данной статьи является анализ и обобщение юрисдикционных моделей Европейского союза и Соединённых Штатов в области онлайн-нарушений товарных знаков, а также выработка на этой основе рекомендаций для формирующейся системы Евразийского экономического союза. Актуальность исследования обусловлена не только потребностями правоприменительной практики, но и необходимостью заполнить существующий пробел в Договоре о товарных знаках ЕАЭС, который, предусматривая создание унитарного знака, не содержит детальных правил установления юрисдикции судов государств-членов. Последствия такого упущения могут быть особенно острыми в спорах, возникающих из деятельности в сети интернет.

1. Юрисдикционная модель Европейского союза: дуализм подходов

Правовое регулирование юрисдикции в ЕС унифицировано Регламентом Брюссель I (№ 1215/2012). Однако в области товарных знаков существует принципиальное различие между подходами к национальным знакам и к товарному знаку Европейского союза (EUTM).

1.1. Национальные товарные знаки и Регламент Брюссель I

Для деликтных требований, к которым относятся иски о нарушении прав, ст. 7(2) Регламент Брюссель I устанавливает, что иск может быть подан по месту, где произошло или может произойти вредоносное событие. Суд ЕС в практике, восходящей к делу *Handelskwekerij Bier / Mines de Potasse d'Alsace*, разъяснил, что это понятие охватывает как место причинения вреда (*forum damni*), так и место причиняющего действия (*forum actus*).

Применительно к товарным знакам, обладающим территориальным характером, это правило получило специфическое толкование. В ключевом деле *Wintersteiger AG v Products 4U Sondermaschinenbau GmbH* Суд ЕС постановил, что в случае нарушения национального знака посредством интернет-рекламы:

Местом причинения вреда является государство-член, на территории которого зарегистрирован и охраняется товарный знак. Таким образом, суд этого государства обладает юрисдикцией.

Местом причиняющего действия является место, откуда ответчик инициировал технический процесс нарушения (например, разместил контекстную рекламу). Суд ЕС указал, что таким местом, как правило, следует считать место нахождения ответчика.

Это создаёт для истца альтернативу: он может выбрать либо суд страны охраны знака, либо суд страны местонахождения нарушителя.

1.2. Унитарный товарный знак ЕС (EUTM): автономный режим

Для знака EUTM действует специальный Регламент (ЕС) 2017/1001 (EUTMR), который устанавливает автономные правила юрисдикции (ст. 125), исключая применение Регламента Брюссель I.

Основное правило — иск предъявляется по месту domicile ответчика. Важное уточнение было сделано в деле *Coty Germany GmbH v First Note Perfumes NV*. Суд ЕС дал строгое толкование положению ст. 125(5), которое допускает юрисдикцию суда «государства-члена, в котором было совершено нарушение». В отличие от подхода по ст. 7(2) Регламента Брюссель I, здесь под местом нарушения понимается исключительно место активных действий нарушителя, а не место наступления последствий. Эта позиция была подтверждена национальными судами, как, например, в немецком деле *Perfume Marks*, где было указано, что доступность сайта в Германии и даже наличие немецкоязычного контента недостаточны для установления юрисдикции; решающим является место, откуда ответчик совершал действия.

Вывод: Юрисдикционная система ЕС демонстрирует дуализм: для национальных знаков она более гибка и предоставляет истцу выбор, основываясь на классической деликтной конструкции; для унитарного EUTM — более жестка и привязана к действиям и местоположению ответчика, что отражает унитарную природу самого права.

2. Подход Соединённых Штатов: от «скользящей шкалы» к «целенаправленности»

В США базовым требованием для установления персональной юрисдикции над нерезидентом является наличие у него «минимальных контактов» с форум-штатом, чтобы рассмотрение дела не противоречило «традиционным представлениям о справедливости и правосудии» (дело *International Shoe Co. v. Washington*).

2.1. Эволюция подхода к онлайн-деятельности

Ранняя практика (дело *Inset Systems, Inc. v. Instruction Set, Inc.*) допускала установление юрисдикции на основе простой доступности сайта на территории штата. Однако этот подход был быстро пересмотрен как чрезмерно широкий. Переломным стало дело *Zippo Mfg. Co. v. Zippo Dot Com, Inc.*, в котором суд предложил «скользящую шкалу» (*sliding scale*), разделив сайты на три категории:

1. Активные сайты: явно нацелены на ведение бизнеса с резидентами форум-штата (юрисдикция устанавливается).
2. Пассивные сайты: лишь размещают информацию (юрисдикция отсутствует).
3. Интерактивные сайты: допускают обмен информацией (юрисдикция решается на основе анализа уровня интерактивности и коммерческой природы обмена).

2.2. Современный стандарт: тест «целенаправленности» (Effects Test)

Со временем технологическая ограниченность теста Zippo (подавляющее большинство современных сайтов интерактивны) привела к смещению фокуса. Совре-

менная практика федеральных судов США все чаще применяет к онлайн-деликтным спорам, включая нарушения товарных знаков, тест *Calder v. Jones* («тест последствий»). Для установления специальной юрисдикции истцу необходимо доказать, что ответчик:

1. Совершил умышленные действия;
2. Явно нацеливал (*expressly aimed*) эти действия на резидентов штата;
3. Осознавал, что основная тяжесть вреда будет ощущаться в этом штате.

Таким образом, суды исследуют не столько интерактивность сайта, сколько доказательства целенаправленного поведения (*targeting*) ответчика по отношению

к конкретной территории: язык, валюта, реклама, условия доставки, офлайн-контакты (как в деле *Toys «R» Us, Inc. v. Step Two, S.A.*).

Вывод: Американская доктрина эволюционировала от технологически ориентированного теста *Zippo* к более гибкому и содержательному анализу *targeting* по тесту *Calder*, требуя доказательств умышленной направленности действий ответчика на резидентов форум-штата.

1. Сравнительный анализ и конвергенция принципов

Сопоставление подходов ЕС и США выявляет как различия, так и значительную конвергенцию в решении современных вызовов.

Критерий	Европейский Союз	Соединенные Штаты
Правовая основа	Регламент Брюссель I (ст. 7(2)) для нац. знаков; EUTMR (ст. 125) для EUTM.	Доктрина «минимальных контактов» (<i>Due Process Clause</i>).
Ключевая эволюция	Уточнение понятия «место нарушения»: для EUTM — только <i>forum actus</i> (действия ответчика).	Переход от «скользящей шкалы» <i>Zippo</i> к тесту целенаправленности <i>Calder</i> .
Критерий <i>targeting</i>	Ключевой для толкования «места нарушения» в практике по EUTM. Простая доступность отвергнута.	Центральный элемент современного анализа «минимальных контактов» для специальной юрисдикции.
Юрисдикция при нарушении	Для нац. знаков: выбор между <i>forum damni</i> (страна регистрации) и <i>forum actus</i> (место ответчика). Для EUTM: только <i>forum actus</i> .	Требуется доказать умышленную направленность (<i>express aiming</i>) действий на форум-штат.
Основная проблема	Риск <i>forum shopping</i> для национальных знаков.	Доказывание фактической направленности действий в каждом конкретном случае.

Общая тенденция: обе системы отошли от примитивного критерия глобальной доступности интернет-контента. Современный подход как в ЕС (особенно в практике по EUTM), так и в США требует доказательства умышленной целенаправленности (*targeting*) онлайн-активности ответчика на потребителей конкретной юрисдикции. Это обеспечивает более справедливый баланс между защитой правообладателей и правовой определённостью для бизнеса.

4. Перспективы для Евразийского экономического союза: выводы и рекомендации

Договор о товарных знаках ЕАЭС предусматривает создание унитарного знака, но содержит серьёзный пробел, ограничиваясь лишь указанием на применимое право и не устанавливая правил определения юрисдикции между судами государств-членов. Устранение этого пробела — критически важная задача.

4.1. Рекомендации для разработки правовых норм ЕАЭС:

1. Создание автономных юрисдикционных правил. По образцу EUTMR необходимо разработать специальный раздел, чётко регулирующий подсудность споров о знаке ЕАЭС, исключив отсылку к разнородным национальным процессуальным кодексам.

2. Закрепление принципа *targeting*. В основу правил должен быть положен критерий целенаправленности дей-

ствий нарушителя на территорию конкретного государства-члена. Простая доступность сайта не должна признаваться достаточным основанием для юрисдикции.

3. Определение «места нарушения». Следуя логике дела *Coty*, следует определить, что для целей юрисдикции местом нарушения знака ЕАЭС является место совершения активных противоправных действий ответчиком, а не территория, где сайт доступен для просмотра.

4. Детализация индикаторов *targeting*. Для правовой определенности целесообразно привести примерный перечень обстоятельств, свидетельствующих о направленности: использование языка и валюты государства-члена, предложение доставки туда, таргетированная реклама, наличие локального представительства и т. д.

5. Предусмотреть гибкую иерархию правил. Как и в ст. 125 EUTMR, логично установить последовательность: 1) домицилий ответчика; 2) домицилий истца; 3) место совершения нарушения (*forum actus*).

4.2. Практические рекомендации для компаний:

Для минимизации риска привлечения к суду в нежелательных юрисдикциях (ЕС, США, в будущем — ЕАЭС) компаниям следует:

Сегментировать онлайн-присутствие: Чётко разделять сайты и их контент по регионам (доменные зоны, язык, валюта, целевые предложения).

Ограничивать targeting: Избегать нецелевой таргетированной рекламы, явных указаний на обслуживание регионов, где нет бизнес-интересов.

Структурировать бизнес: Для деятельности в разных юрисдикциях использовать отдельные юридические лица, чтобы избежать распространения юрисдикции через «предприятие».

Заключение

Проведённый сравнительный анализ демонстрирует, что, несмотря на различие правовых традиций, юрисдикционные подходы ЕС и США к онлайн-нарушениям товарных знаков развиваются в одном направлении — от формальных критериев к материальному анализу пове-

дения нарушителя. Ключевым становится не факт присутствия в интернете, а доказательство умышленной направленности коммерческой активности на конкретную территорию (targeting).

Для Евразийского экономического союза игнорирование этого опыта при создании унитарного товарного знака чревато правовой неопределённостью и конфликтами юрисдикций. Инкорпорация принципа targeting в ясные процессуальные нормы Договора станет залогом создания эффективного, предсказуемого и справедливого механизма защиты прав, что соответствует как интересам правообладателей, так и потребностям цифровой экономики.

Литература:

1. Регламент (ЕС) № 1215/2012 Европейского парламента и Совета от 12 декабря 2012 г. о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам (пересмотренный) // OJ L 351. 20.12.2012. — Р. 1–32.
2. Регламент (ЕС) 2017/1001 Европейского парламента и Совета от 14 июня 2017 г. о товарном знаке Европейского союза // OJ L 154. 16.06.2017. — Р. 1–99.
3. Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза от 3 февраля 2020 г. — URL: <https://docs.eaeunion.org/>
4. Решение Суда ЕС от 13 июля 2006 г. по делу C-539/03 «Roche Nederland BV и др. против Frederick Primus и др». // Сборник судебной практики. — 2006. — I-6535.
5. Решение Суда ЕС от 19 апреля 2012 г. по делу C-523/10 «Wintersteiger AG против Products 4U Sondermaschinenbau GmbH» // Сборник судебной практики. — 2012.
6. Решение Суда ЕС от 22 сентября 2016 г. по делу C-179/15 «Coty Germany GmbH против First Note Perfumes NV» // Сборник судебной практики. — 2016.
7. Решение Суда ЕС от 25 октября 2017 г. по делу C-618/15 «Concurrence SARL против Samsung Electronics France SAS» // Сборник судебной практики. — 2017.
8. Постановление Верховного Суда США по делу «International Shoe Co. v. Washington», 326 U.S. 310 (1945).
9. Решение Окружного суда штата Коннектикут по делу «Inset Systems, Inc. v. Instruction Set, Inc.», 937 F. Supp. 161 (D. Conn. 1996).
10. Решение Окружного суда Западного округа Пенсильвании по делу «Zippo Mfg. Co. v. Zippo Dot Com, Inc.», 952 F. Supp. 1119 (W. D. Pa. 1997).
11. Постановление Верховного Суда США по делу «Calder v. Jones», 465 U.S. 783 (1984).
12. Решение Апелляционного суда 3-го округа США по делу «Toys «R» Us, Inc. v. Step Two, S.A.», 318 F.3d 446 (3d Cir. 2003).
13. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19 марта 2020 г. по делу № СИП-553/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Всемирная организация интеллектуальной собственности. Доклад о мировой интеллектуальной собственности 2019: География инноваций: локальные узлы, глобальные сети. — Женева: ВОИС, 2019. — 148 с.
15. Богдан, М. Краткое введение в международное частное право Европейского Союза. — 3-е изд. — Гронинген: Europa Law Publishing, 2016. — 202 с.

Сущность механизма защиты прав и свобод человека и гражданина

Мержуева Елизавета Тамерлановна, студент магистратуры
Ингушский государственный университет (г. Магас)

В статье проводится анализ механизма защиты прав и свобод человека и гражданина с позиций конституционного и теоретико-правового регулирования. Исследуется содержание данного понятия, многообразие подходов к трактовке его структурных элементов и разновидностей гарантий. Обосновывается функциональное разграничение понятий охраны и защиты в сфере обеспечения правового статуса личности. Особое внимание уделяется характеристике организационно-правовой природы механизма защиты, в том числе анализу системы институтов и нормативных оснований, обеспечивающих эффективное осуществление и охрану субъективных прав и свобод. На основании сопоставления научных позиций и действующего законодательства представлено авторское определение рассматриваемой категории.

Ключевые слова: права человека, механизмы защиты, свободы гражданина, государственные гарантии, правовые институты.

The essence of the mechanism for protecting human and civil rights and freedoms

The article analyzes the mechanism of protection of human and civil rights and freedoms from the perspective of constitutional and theoretical legal regulation. It examines the content of this concept, the diversity of approaches to interpreting its structural elements and types of guarantees. The article substantiates the functional differentiation of the concepts of protection and safeguarding in the field of ensuring the legal status of an individual. Special attention is paid to the characteristics of the organizational and legal nature of the protection mechanism, including the analysis of the system of institutions and regulatory bases that ensure the effective implementation and protection of subjective rights and freedoms. Based on a comparison of scientific positions and current legislation, the article presents the author's definition of the category under consideration.

Keywords: human rights, protection mechanisms, citizen freedoms, state guarantees, legal institutions.

В современных условиях проблемы обеспечения и охраны прав личности приобретают особое значение ввиду напряжённой политической ситуации на мировой арене.

Центральным источником нормативного закрепления неотъемлемых свобод выступает Конституция Российской Федерации, в которой впервые формализована их абсолютная принадлежность каждому человеку. Основным приоритетом выступает установление системы ответственности государства и личности друг перед другом, что становится фундаментом для совершенствования национальных правовых механизмов.

Несмотря на значительное внимание к этому вопросу в юридической науке, до сих пор терминология в части определения понятия механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в российском законодательстве остается неурегулированной. Систематизация научных подходов выявляет различные трактовки, однако лейтмотивом трактовок служит идея о том, что права приобретают реальное значение лишь в процессе их реализации. Для корректного понимания рассматриваемой категории целесообразно сначала обратиться к анализу сущности процесса реализации прав.

С точки зрения ряда исследователей, реализация личных свобод и прав выражается посредством конкретных юридических действий или бездействий, которые детерминированы нормами и направлены на удовлетво-

рение потребностей субъектов. При этом встречаются два базовых подхода — как к материализации субъективных благ, так и к воплощению нормативных требований путем правоприменения.

В обеих интерпретациях превалирует акцент на деятельностную природу реализации как совокупности поступков, выражающих правообязанности индивида и способствующих гармонизации его жизнедеятельности [4, с. 214].

Характер реализации напрямую зависит от поведения непосредственно носителей прав. Именно точное и целенаправленное действие субъекта служит основой функционирования всего механизма их практического обеспечения.

Для предотвращения возможных нарушений прав необходимы устойчивые организационно-правовые конструкции защиты, способные противодействовать угрозам и ограничительным мерам.

В доктринальной дискуссии приведены многочисленные взгляды на сущность обеспечения и защиты прав. Наряду с узкоюридическим представлением — как системы властных воздействий, осуществляемых компетентными структурами для приведения в исполнение предписанных законом обязанностей [3, с. 15], выдвигается точка зрения на защиту как специальную правоприменительную деятельность, разворачивающуюся в случае нарушения либо спора по поводу принадлежности субъ-

ективного права, а целью которой видится восстановление прежнего юридического положения [6, с. 62]

Значимым аспектом является разграничение дефиниций «охрана» и «защита». Среди ученых существуют как мнение об их синонимичности [2, с. 17], так и позиции о функциональной разнице между этими понятиями — при этом охрана реализуется в отсутствии посягательств на права, защита же активизируется вместе с их нарушением [1, с. 245]. Функциональное предназначение этих категорий позволяет избежать их отождествления и расширяет поле теоретического анализа.

Обеспечение устойчивого статуса прав возможно только посредством разветвленной системы гарантий — условий, средств и механизмов, направленных на недопущение нарушений и создание инструментов восстановления ущемлённых интересов. Гарантийные средства обычно классифицируются на: правовые, определяющие методы и процедуры реализации, политические, связанные с деятельностью соответствующих органов, и социально-экономические. Среди них акцентировано выделяются конституционные гарантии, как основа всей системы защиты.

Структура механизма защиты прав и свобод охватывает четыре ключевых элемента.

Во-первых, закрепление правовых начал реализуется в комплексах норм основного закона, а также региональных конституциях и уставах, положения которых должны гармонично дополнять друг друга и конкретизировать общие положения без возникновения конфликтов.

Во-вторых, в этот механизм вовлечены общественные отношения, в рамках которых складывается взаимодей-

ствие государства с гражданскими объединениями и отдельными субъектами.

В-третьих, механизм опирается на наличие гарантий, ориентированных на функциональное обеспечение реализации этих прав. Наконец, важное значение имеют институты, к которым относятся суды, органы прокуратуры, уполномоченные представители по правам человека и правоохранительные структуры, поскольку их деятельность определяет эффективность функционирования всего правового поля.

Научный анализ выделяет различные полезные трактовки механизма защиты. Универсальным подходом является определение его как системы организационно-правовых мер, обеспечивающей гармонизацию регулируемых законом общественных отношений и реализацию гарантий с помощью процедур правоприменения со стороны органов государственной власти. Альтернативные взгляды включают в структуру этого механизма целый комплекс предпосылок: экономических, социокультурных, политических и нормативных условий, формирующих поле равных возможностей для свободного осуществления субъективных прав [5, с. 292].

В целом, обобщая рассмотренные позиции, можно сформулировать авторское понятие механизма защиты прав и свобод человека и гражданина как многоуровневую систему, включающую нормативное регулирование, систему общественных отношений между субъектами, государственные гарантии, а также совокупность специальных институтов, каждый из которых вносит вклад в признание, обеспеченность и полноценную реализацию прав личности и гражданина на практике.

Литература:

1. Бутылин, В. Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод // Журнал российского права. 2001. № 12. с. 45–46.
2. Витрук, Н. В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан // Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Под ред. Недбайло П. Е., Горшнева В. М., Москва, 1976. с. 89–91.
3. Иванов, О. В. Защита субъективных прав и проблема истины в гражданском процессе // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1996. № 2. с. 15–18.
4. Крылатова, И. Ю. Механизм реализации и механизм защиты прав человека в Российской Федерации: понятие, сущность, структура, формы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Том 14. Выпуск 3. с. 214–220.
5. Паутина, Е. Ю. Анализ прав человека в условиях трансформирующегося российского общества // Молодой учёный. 2017. № 15 (149). с. 292–293.
6. Сабикенов, С. Некоторые вопросы защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов советских граждан // Проблемы государства и права: сб. тр. науч. сотр. и аспирантов. Москва, 1974. Выпуск 9. с. 62–65.

Процедуры рассмотрения обращений и жалоб граждан

Мержуева Елизавета Тамерлановна, студент магистратуры
Ингушский государственный университет (г. Магас)

В статье рассматривается система процедур рассмотрения обращений и жалоб граждан в Российской Федерации с позиций конституционного права. Особое внимание уделяется вопросам прозрачности, недопустимости разглашения персональных данных, особенностям обращения социально уязвимых категорий лиц и существующим гарантиям процессуальной защиты. Выявляются отличия в институциональной практике отдельных органов, системность мониторинга поступающих обращений, а также роль публичной отчетности в обеспечении эффективности правозащитной работы.

Ключевые слова: конституционное право; обращения граждан; жалобы; государственные органы; процедура рассмотрения; Уполномоченный по правам человека; прокуратура; сроки обращения; правовые гарантии.

Procedures for processing citizens' appeals and complaints

The article examines the system of procedures for handling citizens' appeals and complaints in the Russian Federation from the perspective of constitutional law. Special attention is given to issues of transparency, the inadmissibility of disclosing personal data, the specifics of processing requests from socially vulnerable groups, and the existing guarantees of procedural protection. The study highlights differences in the institutional practices of various bodies, the systematic monitoring of incoming appeals, and the role of public reporting in ensuring the effectiveness of human rights protection.

Keywords: constitutional law; citizens' appeals; complaints; state bodies; consideration procedure; Human Rights Commissioner; prosecutor's office; deadlines; legal guarantees.

Система обращений граждан в органы государственной власти Российской Федерации занимает центральное место в механизмах защиты основных прав и свобод личности. Устойчивая и прозрачная процедура рассмотрения обращений — чрезвычайно важный инструмент гражданского участия и элемент построения правового государства, эффективно работающего на принципах подотчётности и справедливости.

Законодательной фундамент рассмотрения обращений образуют Конституция РФ, федеральные законы, включая Закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», а также специальные нормативные акты, которые детализируют полномочия и регламентируют деятельность института Уполномоченного по правам человека, прокуратуры, следственно-правоохранительных и социальных структур.

В рамках правового статуса заявителя, любому лицу, находящемуся под юрисдикцией Российской Федерации, гарантируется возможность направления обращения — в письменном, электронном или устном виде, как лично, так и дистанционно через электронные порталы и специализированные приёмные государственных органов [4, с. 15].

Современная правоприменительная практика требует строгого соблюдения сроков регистрации поступающих обращений (чаще всего — не более одного-двух рабочих дней), каждому заявлению присваивается индивидуальный номер для отслеживания прохождения обращения. После регистрации обращение распределяется

к профильному специалисту или в структурное подразделение, отвечающее за компетентное, объективное рассмотрение вопроса. При отсутствии полномочий у получившего органа заявление не позднее семи дней передается в соответствующую инстанцию с обязательным информированием заявителя о переадресации.

На стадии предварительной проверки компетентными специалистами определяется суть обращения, производится необходимое истребование дополнительной информации, осуществляется консультирование заявителя. В случаях, связанных с социально значимыми, многосложными или спорными вопросами, рассмотрение может быть передано специальной комиссии. По итогам анализа формулируется одно или несколько решений: удовлетворение требований с проведением правовых мер, разъяснение порядка дальнейших действий, мотивированный отказ либо возврат обращения для рассмотрения по подведомственности.

К числу значимых участников системы относятся аппарат Уполномоченного по правам человека, прокуратура, правоохранительные и надзорные ведомства, органы исполнения наказаний и комиссии по вопросам защиты прав отдельных категорий граждан. Особым порядком наделены должностные лица и орган, ответственные за обработку персональных данных согласно законодательству о защите конфиденциальности — содержание жалоб и заявлений может быть раскрыто только непосредственно вовлечённым в производство сотрудникам [3, с. 77].

Сроки урегулированы Федеральным законом (от 28.12.2024 N 59-ФЗ) [1], которым установлен базовый тридцатидневный период рассмотрения заявлений, с возможным продлением до дополнительного срока не более тридцати дней при объективной необходимости и обязательном уведомлении заинтересованных лиц. Для отдельных категорий срочных обращений (угроза жизни, права детей, социально уязвимые группы) несколько государственных ведомств устанавливают сокращённые периоды реагирования, а процедуры обработки для представителей малочисленных народов, лиц с инвалидностью или несовершеннолетних подлежат дополнительно льготным регламентациям и сопровождению субъектами опеки или профильными организациями.

Важнейшее место занимает обязательное информирование заявителя о ходе и результатах рассмотрения — впоследствии предоставляется официальный ответ с изложением итогового решения, перечнем предпринятых мер и механизмом возможного дальнейшего обжалования.

В каждой структуре внедряется контрольная система учёта корреспонденции, ведутся электронные реестры и специализированные информационные ресурсы, обеспечивающие прозрачность прохождения обращения, контроль за исполнением и анализ статистики.

Система внутреннего контроля включает как специальные отделы ведомственного мониторинга, так и функцию надзорного наблюдения Уполномоченного по правам человека, обладающего полномочиями инициировать проверки на предмет исполнения законодательства. Регламенты работы строго запрещают разглашение персональных сведений, содержащихся в жалобах, без согласия гражданина, что актуализирует вопросы профессиональной этики и непрерывного совершенствования служебных стандартов.

Отдельной особенностью современного регулирования становится расширение возможностей подачи жалоб лицами, не получившими защищённого результата:

предусмотрены механизмы повторного обращения, обжалования результата или процессуального бездействия во внесудебном и судебном порядке. В предусмотренных законом случаях (например, при исчерпании национальных процедур) допускается обращение в международные органы защиты прав человека [2, с. 16].

Прикладные отличия в организационной структуре работы с обращениями обусловлены спецификой задач каждого органа. Аппарат Уполномоченного сосредоточен на институциональном надзоре и выявлении типовых проблем функционирования органов власти, прокуратура совмещает надзорную и координационную функцию по всем категориям дел, МВД и следственные органы ориентированы на оперативно-уголовное реагирование, а специализированные социальные ведомства — на предоставление индивидуальной поддержки и льгот в социальной сфере.

На постоянной основе обобщаются поступающие обращения и подготовленные отчёты, направленные на совершенствование механизмов рассмотрения, подготовку изменений законодательства и укрепление доверия общества к административно-правовым институтам.

Публичные ежегодные отчёты аппаратов Уполномоченного по правам человека, прокуратуры и других ведомств содержат не только статистику и анализ популярных тем обращений, но и характеризуют выявленные структурные проблемы, а также принимаемые меры по их устранению.

В заключение, следует подчеркнуть, что действующие процедуры рассмотрения обращений граждан в специализированных государственных органах выстроены на приоритетах открытости, доступности и острого соответствия процессуальным нормам. Это обеспечивает не только высокую степень гражданского контроля и правовой защищённости личности, но и подлинную прозрачность государственно-правовых механизмов с целью укрепления доверия общества к институтам публичной власти.

Литература:

1. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.12.2025).
2. Антонян, Ю. М. Защита личности в современном российском государстве // Материалы научно-практической конференции «Защита прав и свобод человека». Москва: РИПО ИГ УМО, 2005. с. 16–21.
3. Железнов, Б. Л. Конституционный механизм государственной защиты прав человека // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 1. с. 77–81.
4. Мицгер, А. А. Развитие и совершенствование законодательного закрепления механизма государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в России // Закон и право. 2020. № 6. с. 15–21.

Гражданский иск в уголовном процессе: современные подходы к защите прав потерпевших

Михайлова Анастасия Вячеславовна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье рассматривается гражданский иск в уголовном судопроизводстве как способ возмещения вреда потерпевшему и сопоставляется с самостоятельным иском в гражданском процессе. Выделяются его преимущества (освобождение от госпошлины, подсудность, процессуальная экономия), а также зависимость от исхода уголовного дела и последствия оправдания либо прекращения производства, а также анализируются проблемные аспекты применения разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23, включая ситуации банкротства гражданского ответчика и недопустимость рассмотрения требований, относящихся к исключительной компетенции арбитражных судов.

Предлагаются направления совершенствования, в том числе уточнение подходов к компенсации морального вреда при множественности потерпевших и усиление гарантий исполнения судебных решений.

Ключевые слова: гражданский иск, уголовное судопроизводство, возмещение вреда, потерпевший, подсудность, банкротство, Постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Согласно статье 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. [1] Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причинённого ущерба. Российское законодательство не только оберегает права граждан, но и обеспечивает их восстановление в случае нарушения. Для возмещения ущерба, нанесённого гражданину преступлением, законодательство предусматривает два инструмента: предъявление гражданского иска в рамках уголовного дела, а также предъявление самостоятельного иска в порядке гражданского судопроизводства.

Предъявить гражданский иск в рамках уголовного процесса предпочтительнее для потерпевшего, так как в силу ч. 2 ст. 44 УПК РФ гражданский истец освобождается от уплаты государственной пошлины. [2] В соответствии с ч. 10 ст. 31 УПК РФ подсудность гражданского иска в уголовном судопроизводстве определяется подсудностью уголовного дела, в рамках которого он предъявлен, тогда как в гражданском процессе по общему правилу иск предъявляется по месту нахождения или жительства ответчика. [3]

Обстоятельство создаёт дополнительные гарантии для потерпевшего в части несения транспортных и иных расходов, связанных с необходимостью предъявления гражданского иска в другом муниципальном образовании или субъекте Российской Федерации.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве не содержится легальной дефиниции, определяющей понятие вреда. По смыслу ст. 1064 ГК РФ [4] вред рассматривается как всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любые неблагоприятные изменения в охраняемом законом благе, которое может быть как имущественным, так и нематериальным (нематериальным) и в соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причинённый преступлением, подлежит

возмещению в полном объёме лицом, виновным в его совершении, поэтому, по общему правилу, в качестве гражданского ответчика привлекается обвиняемый.

В силу ст. 44 УПК РФ гражданский иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции. Интеграция гражданско-правовых притязаний в структуру уголовного судопроизводства обеспечивает значительную процессуальную экономию, поскольку устраняет необходимость инициирования самостоятельного искового производства. Автономное разбирательство имущественных требований в порядке гражданского судопроизводства неизбежно влечет временные издержки и процедурное дублирование, тогда как их консолидация с основным уголовным делом минимизирует сроки восстановления нарушенных прав потерпевшего. [9].

В современных условиях особую значимость имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», [7] посвящённое вопросам рассмотрения гражданских исков в рамках уголовного судопроизводства и несмотря на фундаментальный и необходимый характер, постановление содержит отдельные недостатки, проявляющиеся в практике его применения [11].

В реальной практике возникает сложность с подачей гражданских исков против лиц, находящихся в процессе банкротства. Согласно положениям Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», [6] с момента начала процедуры банкротства физического или юридического лица все гражданско-правовые требования, за исключением текущих, должны быть заявлены исключительно в рамках банкротного дела. Это необходимо для соблюдения установленной очередности удовлетворения требований кредиторов.

Встречаются случаи, когда суды рассматривают и удовлетворяют гражданские иски, предъявленные к лицам, в отношении которых уже инициирована процедура банкротства. Отсюда следует предложение: судам при разрешении гражданского иска необходимо убеждаться в отсутствии начатой процедуры конкурсного производства в отношении гражданского ответчика-юридического лица, а также процедуры реализации имущества в отношении подсудимого или гражданского ответчика-физического лица; при наличии таких процедур судам надлежит оставлять гражданский иск без рассмотрения.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 недостаточно внимания уделено категориям исковых требований, рассматриваемых вместе с уголовным делом. Верховный Суд не учёл исключительную компетенцию арбитражных судов (ст. 27, 225.1 АПК РФ) в спорах, связанных с предпринимательской деятельностью, включая корпоративные споры [5].

Поддерживая мнение о невозможности рассмотрения корпоративных споров в рамках гражданского иска судами общей юрисдикции, необходимо подчеркнуть, что нарушение правил исключительной компетенции в таких спорах может повлечь решения, ущемляющие права акционеров и руководителей корпораций. Пленуму следовало акцентировать невозможность рассмотрения судами общей юрисдикции дел, отнесённых к компетенции арбитражных судов, в рамках гражданского иска.

Поскольку гражданский иск в уголовном процессе носит зависимый характер, его удовлетворение возможно только при наличии обвинительного приговора. Суд не может обязать лицо к исполнению гражданско-правовых обязательств, если это лицо не признано виновным в совершении преступления. При вынесении оправдательного приговора удовлетворение гражданского иска становится невозможным: суд должен либо отказать в удовлетворении иска, либо оставить его без рассмотрения и выбор между этими решениями определяется основаниями, по которым был вынесен оправдательный приговор.

Если суд выносит оправдательный приговор, мотивированный тем, что преступное деяние не имело места или подсудимый не причастен к нему, гражданский иск отклоняется. Подобное разрешение гражданского требования приобретает силу окончательного судебного акта, препятствующего инициированию аналогичного спора в порядке гражданского процесса. Следовательно, приговор по уголовному производству предопределяет судьбу имущественных притязаний потерпевшего при условии, что оправдание обусловлено факторами, элиминирующими виновность субъекта в инкриминируемом деянии.

Когда суд завершает уголовное разбирательство, опираясь на ст. 254 УПК РФ, гражданский иск, связанный с этим делом, остаётся без рассмотрения, поскольку суд, не рассматривающий уголовное дело по существу, не может вынести решение и по гражданскому иску. В соответствии с ч. 2 ст. 306 УПК РФ суд принимает решения по гражданскому иску, в том числе об отказе в удовлетворении либо об оставлении без рассмотрения. При этом действует особое правило, закреплённое в ч. 10 ст. 246 УПК РФ: при прекращении уголовного дела в связи с отказом прокурора от обвинения гражданский иск в любом случае остаётся без рассмотрения, и причины отказа значения не имеют.

Говоря о рассмотрении гражданского иска, важно остановиться и на процессуальных решениях суда. Суд вправе полностью или частично удовлетворить заявленный гражданский иск (п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), отказать в удовлетворении (ч. 2 ст. 306 УПК РФ), оставить без рассмотрения (ч. 2 ст. 306 УПК РФ), признать за гражданским истцом право на удовлетворение исковых требований и передать вопрос о размере возмещения в порядке гражданского судопроизводства, если проведение дополнительных расчётов требует отложения судебного разбирательства (ч. 2 ст. 309 УПК РФ) [10].

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» разъяснял, что суд обязан применять ч. 2 ст. 309 УПК РФ, когда нет возможности без специальных знаний и дополнительных материалов подробно рассчитать заявленный вред [8].

Целесообразность создания специализированного фонда компенсационных выплат потерпевшим от криминальных посягательств не вызывает сомнений. Исследователи обосновывают концепцию механизма возмещения имущественного и неимущественного ущерба, причинённого жертвам насилия, предполагая аккумулирование бюджетных ассигнований наряду с альтернативными источниками финансирования, включая поступления от конфискованного имущества осуждённых и прочие доходы. [11].

Подводя итог, анализ Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 23 от 13.10.2020 выявил необходимость уточнить подход к компенсации морального вреда при множественности потерпевших и закрепить недопустимость рассмотрения в уголовном деле исков, отнесённых к исключительной компетенции арбитражных судов. Институт гражданского иска, несмотря на существующие недостатки, сохраняет значение как инструмент восстановления нарушенных прав лиц, пострадавших от преступлений, и компенсации причинённого ущерба.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. — 2020. — 4 июля.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон [от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
6. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон [от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
7. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 13 окт. 2020 г. № 23] // Рос. газ. — 2020. — 23 окт.
8. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 29 нояб. 2016 г. № 55] // Рос. газ. — 2016. — 7 дек
9. Коваленко, В. А. Гражданский иск в уголовном процессе: история и современность // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 4 (196). — с. 1–4.
10. Зорин, А. И. Проблемы исполнения приговора в части гражданского иска как основного механизма защиты прав потерпевшего // Образование и право. — 2018. — № 9. — с. 1–6.
11. Корнелюк, О. В., Лифанова М. В. Актуальные вопросы гражданского иска в уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 10–3 (97). — с. 1–3.

Особенности процессуального статуса адвоката — представителя по гражданским делам

Осадчая Юлия Маратовна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данном разделе исследуются особенности процессуального статуса адвоката-представителя в гражданском и арбитражном судопроизводстве России. В отличие от иных представителей, статус адвоката определяется не только нормами Гражданского процессуального кодекса (ГПК РФ) и Арбитражного процессуального кодекса (АПК РФ), но и специальным законодательством об адвокатской деятельности, что наделяет его уникальным набором прав, обязанностей и гарантий.

Основное внимание уделяется специальным полномочиям адвоката, в первую очередь, праву на адвокатский запрос (ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»). Автор критически анализирует действующий 30-дневный срок для ответа на запрос с возможностью его продления, указывая на его несоответствие сжатым срокам судопроизводства, и вносит предложение об его сокращении до 7 рабочих дней. Анализируются правовые основания для отказа в предоставлении информации и меры ответственности за неправомерный отказ, с предложением о дополнении ст. 140 УК РФ указанием на адвокатский запрос.

Подробно рассматривается двойственная природа подтверждения полномочий адвоката: ордер как документ, достаточный для вступления в дело, и доверенность, необходимая для совершения специальных действий (отказ от иска, заключение мирового соглашения и др.). На этом основании выдвигается предложение о расширении процессуальной силы ордера путем внесения изменений в ст. 54 ГПК РФ и ст. 62 АПК РФ.

В разделе также освещаются этические и практические противоречия статуса адвоката, такие как запрет на отказ от принятой защиты и связанные с этим риски злоупотреблений со стороны недобросовестных доверителей, а также обязанность оказывать бесплатную юридическую помощь.

Особый акцент делается на гарантиях независимости и конфиденциальности адвокатской деятельности. Исследуются правовые механизмы, обеспечивающие неприкосновенность адвоката (особый порядок возбуждения уголовного дела, защита со стороны правоохранительных органов) и охрану адвокатской тайны, включая запрет на допрос адвоката в качестве свидетеля. Делается вывод о том, что именно взаимосвязь принципов независимости и конфиденциальности формирует основу доверия в отношениях «адвокат-доверитель» и повышает эффективность судебной защиты.

Таким образом, особенность процессуального статуса адвоката заключается в его комплексном характере, сочетающем общие процессуальные нормы с особыми профессиональными правами, гарантиями и этическими стандартами. В работе выявлены проблемные аспекты действующего регулирования и предложены конкретные пути законодательной корректировки.

Ключевые слова: процессуальный статус, адвокат-представитель, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, адвокатский запрос, ордер, доверенность, специальные полномочия, адвокатская тайна, независимость адвоката, конфиденциальность, бесплатная юридическая помощь, профессиональная этика, законодательные предложения.

Особенность адвоката-представителя по гражданским делам проявляется в том, что данное лицо, обладает достаточным опытом и знаниями, чтобы профессионально выполнить поставленные перед ним задачи, данное лицо четко знает свой набор прав и обязанностей, обладает расширенным, по сравнению с обычным представителем, арсеналом мер и средств в ходе своей деятельности.

По своей сути адвокат, участвующий в судебном процессе, реально способствует решению задач судопроизводства в виде правильного и своевременного рассмотрения гражданских дел (ст. 2 ГПК РФ). Не менее значима роль адвоката также в решении идейно-нравственных задач судопроизводства в виде способствования укреплению законности, правопорядка, предупреждению правонарушений, формирование уважительного отношения к закону и суду.

Как уже было отмечено нами ранее, права и обязанности лиц, участвующих в процессе, отражены в ст. 35 ГПК РФ и ст. 41 АПК РФ, однако адвокаты-представители обладают дополнительным набором прав, они содержатся в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре».

Особо стоит отметить такое полномочие адвоката как адвокатский запрос, что регламентируется ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». Так, адвокат имеет право направлять органы публичной власти, общественные объединения и иные организации официальное обращение в пределах компетенции данных органов и организаций по вопросу предоставления справок и документов, которые необходимы адвокату для выполнения им взятых на себя обязательств по оказанию юридической помощи [1].

Само действие в виде направления такого запроса не может быть исключительным предметом соглашения об оказании юридической помощи.

Тем органам власти, а также организациям, которым был направлен соответствующий запрос, обязаны дать на него письменный ответ в течение 30 дней с момента получения такого запроса. Однако в том случае, когда для сбора и предоставления информации требуется дополнительное время, то срок может быть увеличен еще до 30 дней, однако адвокат об этом уведомляется.

На наш взгляд, срок в 30 дней является достаточно долгим, а учитывая тот факт, что он может быть пролонгирован еще на 30 дней, то в таком случае он может составлять и даже превышать средний срок рассмотрения дела в суде. Так, в ст. 154 ГПК РФ устанавливается, что дело в районном суде рассматривается в пределах 2 месяцев, а в мировом суде в пределах 1 месяца.

Именно в этой связи нами и предлагается установить срок для ответа на адвокатский запрос в 7 рабочих дней, его продление возможно будет также на 7 рабочих дней.

В п. 4 ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» содержится перечень оснований, когда адвокату может быть правомерно отказано в предоставлении информации, к примеру, в пп. 3 указывается следующее «запрошенные сведения отнесены законом к информации с ограниченным доступом».

Согласно положениям Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], вся информация делится на общедоступную и информацию ограниченного доступа.

К примеру, к информации с ограниченным доступом можно отнести информацию, которая составляет государственную тайну. В ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне» [3] содержится перечень разделов, которые относятся к сведениям составляющих государственную тайну.

К информации с ограниченным доступом относят также коммерческую и служебную тайну, то есть речь идет про сведения, которые обладают реальной или потенциальной коммерческой стоимостью ввиду того, что они не известны другим лицам (ст. 3 Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне») [4].

В том случае, если орган власти или же организация неправомерно отказывают в предоставлении сведений по запросу, нарушают сроки предоставления сведений, то наступают меры юридической ответственности. Одна из таких — это административная ответственность, что предусмотрено ст. 5.39 КоАП РФ [5], наказание за данное нарушение составляет штраф от 5 до 10 тысяч рублей.

Отказ за предоставление гражданину информации может повлечь также и уголовную ответственность, если такое действие непосредственно затрагивает прав и свободы лица (ст. 140 УК РФ) [6]. Однако в данной статье отсутствует указание на запрос адвоката, а потому данный пробел предлагается восполнить.

Особый процессуальный статус адвоката-представителя по гражданским делам также обусловлен тем, что его подтверждением является ордер. Данный документ не только свидетельствует о наличии определенной договоренности между адвокатом и доверителем, он также является подтверждением того, что у адвоката есть соответствующие полномочия вести дело и такие полномочия удостоверяло адвокатское образование, в котором он состоит [7].

Однако ранее нами уже было отмечено, что ордер не позволяет полноценным образом защищать права и интересы доверителя, так как положения ст. 54 ГПК РФ и 62 АПК РФ требуют указание в доверенности определенных полномочий (отказ от иска, уменьшение размера исковых требований и т. д.). В этой связи предлагается внести в данные статьи определенные изменения и закрепить,

что ордер, выдаваемый адвокатским образованием, может наделить адвоката соответствующими полномочиями.

Ранее нами уже было отмечено, что адвокат не имеет права отказаться от принятой на себя защиты, по своей сути такой запрет объясняется этическими соображениями. В то же время такой запрет ставит адвоката в незащищенное положение, так как адвокат может превратиться в «безропотного слугу» своего клиента, клиенты, следовательно, могут злоупотреблять своим положением, использовать услуги адвоката для совершения противоправных деяний. На практике адвокат, который не желает представлять интересы лица, однако, не имея возможности от этого отказаться, будет выполнять свою работу недобросовестно, следовательно, будут присутствовать нарушения ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» и профессиональной этики, однако именно несовершенство действующего законодательства спровоцировало его на такое неэтичное поведение.

Более того, на практике многие клиенты не могут выплатить всю сумму сразу и берут рассрочку, в середине процесса клиент может просто отказаться выплачивать денежные средства, ссылаясь на отсутствие у него денежных средств. По своей сути этические нормы, которые отражены в ФЗ № 63 и в Кодексе профессиональной этики ничего не говорят про подобные случаи, следовательно, адвокат также обязан предоставлять свои услуги, однако это не является весьма этически по отношению к адвокату. Безусловно, на практике многие адвокаты просто расторгают гражданско-правовой договор, который был заключен с клиентом по причине неисполнения со стороны клиента своего обязательства, однако стоит акцентировать внимание на то, что данный вопрос не урегулирован в ФЗ № 63 и Кодексе профессиональной этики [8].

Стоит также отметить, что в определенных случаях адвокаты обязаны предоставлять свои услуги на безвозмездной основе, то есть они могут выступать представителями по гражданским делам безвозмездно.

Так, в ч. 3 ст. 3 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», ... что для обеспечения доступности юридической помощи для населения, адвокаты осуществляют бесплатную юридическую помощь. Органы публичной власти, в свою очередь, предоставляют финансирование таким адвокатам.

В ст. 7 исследуемого закона, где содержится перечень обязанностей, также указывается, что адвокат обязан оказывать бесплатную юридическую помощь, когда это предусмотрено положениями закона.

В ст. 18 ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [9] также подтверждается положение, согласно которому на адвокатов накладывается обязанность бесплатно осуществлять юридическую помощь определенным категориям граждан. Стоит отметить, что список таких граждан достаточно широк, к примеру, дети-сироты, согласно ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей,

оставшихся без попечения родителей» [10], имеют право на такую помощь.

Гарантия независимости адвоката также является одной из особенностей его как представителя по гражданским делам. Гарантия независимости находит свое отражение в ст. 18 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», где отмечается, что не допускается вмешательство, а также препятствие адвокатской деятельности. То есть адвокат не подчиняется никому, кроме как действующему законодательству.

Адвокат, а также его семья и имущество находятся под защитой государства, а потому правоохранительные органы принимают меры защиты, направленные на обеспечение их безопасности.

Помимо прочего возбуждение уголовного дела в отношении адвоката также имеет свои определенные особенности — это в очередной раз подчеркивает, что давление на адвоката даже со стороны правоохранительных органов затруднено и действующий правовой механизм полностью направлен на минимизацию такого давления.

Стоит отметить, что принцип независимости в адвокатской деятельности существенно влияет на эффективность участия адвоката в рамках процесса по гражданскому делу.

Дело в том, что защищенность адвоката от давления позволяет ему в суде свободно и четко формулировать свою позицию, свою тактику он строит исключительно на основе интересов доверителя и никак иначе.

Стоит объективно признать, что по гражданским делам, особенно в спорах с большими организациями, возможно наличие с их стороны определенного давления, ввиду их финансовых ресурсов.

Принцип независимости адвоката является не правовой фикцией, он также подкреплен институтом ответственности как перед законом, так и перед адвокатским сообществом. То есть адвокат полностью осознает, что он должен действовать независимо и если он поддастся давлению, то наступят меры ответственности. Следовательно, если решение принимается в соответствии с законом, то адвокату нечего бояться, а потому он уверен в правильности своих действий.

Принцип независимости адвокатской деятельности имеет тесную связь с принципом конфиденциальности. То есть именно независимость предопределяет, что полученная адвокатом информация не будет разглашена третьим лицам. Сохранение адвокатом адвокатской тайны является важной обязанностью в рамках любого судебного процесса.

Адвокатская тайна также означает, что адвокат в качестве свидетеля не может быть допрошен на предмет сведений, которые стали ему известны от доверителя. Именно в этой связи в законодательстве устанавливается, что проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката допускаются лишь при наличии судебной санкции [11].

То есть данный признак существенно отличает адвоката от других представителей, которые не обязаны хранить в тайне сведения, ставшие им известны, более того, такие лица могут быть допрошены, в отношении них могут быть проведены определенные оперативные мероприятия с целью получения определенной информации и как итог они будут приданы огласке. Следовательно, адвокат-представитель по гражданским делам представляет из себя весьма надежную фигуру для защиты передаваемой информации.

Взаимосвязь независимости и конфиденциальности как принципов деятельности адвоката порождает более открытый диалог между адвокатом и представляемым, так как последний уверен, что передаваемая информация адвокату для его участия в процессе по гражданскому делу, будет сохранена и адвокат лишен давления извне [12].

Для адвоката это также хорошо тем, что он сможет получить полную информацию относительно произошедшего и как итог это позволит более верно сформировать позицию по делу.

Любое отношение, основанное на конфиденциальности, укрепляет такое взаимодействие между лицами, позволяет адвокату лучше понять интересы своего представляемого и подобрать соответствующие меры для их защиты в рамках судебного процесса.

В то же время принцип независимости адвоката не стоит воспринимать в абсолютном виде по той причине, что адвокат так или иначе взаимодействует с разными представителями государства. Государство определяет характер их взаимодействия, правила, поведение — во всем этом отражается этическая составляющая в том числе.

Адвокат также зависит от судебного департамента, который может месяцами задерживать вознаграждение адвокату по работе адвоката по назначению государственных органов.

Таким образом, по итогу данного параграфа можно сделать следующие выводы.

Особенность процессуального статуса адвоката-представителя по гражданским делам проявляется в наличии

дополнительных прав и обязанностей, которые следуют из текста ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», к примеру, адвокат имеет право на осуществление адвокатского запроса. Нами было выявлено, что 30-ти дневной срок для ответа на данный запрос с возможностью его пролонгации еще на 30 дней является слишком долгим. Именно в этой связи нами и предлагается установить срок для ответа на адвокатский запрос в 7 рабочих дней, его продление возможно будет также на 7 рабочих дней.

В случае неправомерного отказа или уклонения от ответа на адвокатский запрос, то наступают меры административной ответственности. Нами предлагается также установить для этого и уголовную ответственность, для этого в ст. 140 УК РФ необходимо упомянуть про адвокатский запрос.

Особый процессуальный статус адвоката-представителя по гражданским делам также обусловлен тем, что его подтверждением является ордер, однако ордер не позволяет полноценным образом защищать права и интересы доверителя, так как положения ст. 54 ГПК РФ и 62 АПК РФ требуют указание в доверенности определенных полномочий (отказ от иска, уменьшение размера исковых требований и т. д.). В этой связи предлагается внести в данные статьи определенные изменения и закрепить, что ордер, выдаваемый адвокатским образованием, может наделять адвоката соответствующими полномочиями.

Другая особенность адвоката-представителя — это то, что он не имеет права отказаться от принятой на себя защиты, с одной стороны это повышает защищенность доверителя, а с другой стороны есть угроза злоупотребления такого положения с его стороны.

В качестве других особенностей адвоката-представителя были выявлены гарантии независимости адвоката, защита его и его семьи правоохранительными органами в случае угрозы давления, особенности возбуждения уголовного дела в отношении него, принцип конфиденциальности, что сводится к адвокатской тайне, а потому адвокат не может быть допрошен как свидетель.

Литература:

1. Тофан, А. И. Особенности деятельности адвоката-представителя в гражданском процессе // Актуальные проблемы судопроизводства и адвокатуры: Сборник научно-прикладных работ студентов и магистрантов II Международной научно-практической конференции, Саратов, 31 марта 2020 года / Под общей редакцией Т. А. Григорьевой. — Саратов: ИЦ «Наука», 2020. — с. 261.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.
3. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. 8 августа 2024 г.) «О государственной тайне» // Российская газета. № 182, 30.09.1993.
4. Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Российская газета. 31.12.2001, № 256.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

7. Григорьева, Т. А. Деятельность адвоката в гражданском процессе: теоретико-прикладные аспекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. №. 3 (140). с. 138.
8. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) // Российская газета. 05.10.2005, № 222.
9. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.
10. Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (ред. от 31 июля 2025 г.) // Российская газета. — 27.12.1996, № 248.
11. Касаткина, Е. М. Адвокатская тайна как конституционно-правовая категория // Закон и право. — 2021. — №. 6. — с. 49.
12. Садыков, Р. Р. Особенности деятельности адвоката-представителя в гражданском процессе // Правовые и гуманитарные исследования: сборник научных статей студентов и аспирантов. Том 2. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2020. — с. 103.

Виды гражданско-правовых санкций и их применение

Потрясов Даниил Владимирович, студент

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Статья посвящена теоретико-правовому анализу гражданско-правовых санкций как элемента механизма обеспечения и защиты субъективных гражданских прав. Рассматриваются понятие санкции, ее соотношение с гражданско-правовой ответственностью и мерами защиты, а также основные виды гражданско-правовых санкций и особенности их применения в современной правоприменительной практике. Обосновывается вывод о сложном и многоуровневом характере гражданско-правовых санкций, сочетающих компенсационную, штрафную и превентивную направленность.

Ключевые слова: гражданско-правовые санкции, гражданско-правовая ответственность, меры защиты, имущественные санкции, неустойка, убытки, компенсация вреда, конфискационные санкции.

Types of civil law sanctions and their application

The article is devoted to the theoretical and legal analysis of civil law sanctions as a key element of the mechanism for ensuring and protecting subjective civil rights. The author examines the concept of sanction, its correlation with civil liability and protective remedies, as well as the main types of civil law sanctions and their practical application in modern Russian law. It is concluded that civil law sanctions have a complex legal nature, combining compensatory, punitive and preventive functions.

Keywords: civil law sanctions, civil liability, remedies, monetary sanctions, penalty, damages, compensation, confiscatory sanctions.

В общей теории права под санкцией понимается неблагоприятное последствие, наступающее для правонарушителя в случае несоблюдения им требований правовой нормы. В гражданском праве санкция традиционно связывается с нарушением субъективного гражданского права и закрепляет объем неблагоприятных имущественных последствий, которые могут быть возложены на нарушителя. В доктрине отмечается, что понятие санкции шире понятия гражданско-правовой ответственности: санкция охватывает как меры ответственности, так и иные меры принудительного воздействия, включая меры защиты. Поэтому гражданско-правовые санкции рассматриваются как комплексный

институт, объединяющий различные по характеру и целям правовые средства, направленные на восстановление нарушенного баланса интересов участников гражданского оборота.

В литературе и практике выделяют, по крайней мере, три ключевых вида гражданско-правовых санкций: конфискационные, штрафные и компенсационные.

— Конфискационные санкции выражаются в безвозмездном изъятии имущества у правонарушителя в пользу государства и применяются в гражданском праве в исключительных случаях.

— Штрафные санкции связаны с взысканием с нарушителя денежных сумм сверх размера причиненных

убытков (например, неустойка, штраф, пеня), что придает им стимулирующий и карательный характер.

Компенсационные санкции нацелены на возмещение вреда или убытков потерпевшего, восстановление его имущественного положения, существовавшего до нарушения права.

Указанные виды санкций редко существуют «в чистом виде» и зачастую комбинируются: одна и та же мера может одновременно выполнять как компенсационную, так и штрафную функцию, что особенно заметно при взыскании договорной неустойки сверх убытков.

В доктрине гражданского права также распространено деление гражданско-правовых санкций на меры имущественной ответственности и оперативные санкции.

— К мерам имущественной ответственности относят взыскание убытков, неустойки, лишение права и другие последствия, влекущие дополнительные имущественные лишения для правонарушителя.

— Оперативные санкции реализуются управомоченной стороной самостоятельно и направлены преимущественно на оперативное восстановление нарушенного интереса (односторонний отказ от исполнения договора, приостановление исполнения обязательства, удержание имущества и т. п.).

Такое разграничение подчеркивает многообразие гражданско-правовых санкций и различие механизмов их реализации: одни требуют обращения в суд, другие могут применяться непосредственно потерпевшей стороной в рамках принципа автономии воли.

Классическим примером компенсационной санкции является возмещение убытков, включающих в себя реальный ущерб и упущенную выгоду. Такая санкция предполагает необходимость доказывания факта нарушения, размера убытков и причинно-следственной

связи между поведением должника и наступившими последствиями. Компенсационный характер носят также институты возмещения вреда, в том числе внедоговорного (деликтного), и компенсации морального вреда, которые направлены на восстановление имущественной и, по возможности, нематериальной сферы потерпевшего. В этих случаях санкция реализует как восстановительную, так и превентивную функцию, стимулируя участников гражданского оборота к добросовестному поведению.

Штрафные гражданско-правовые санкции наиболее ярко проявляются в институте неустойки, которая может быть как законной, так и договорной. Неустойка выполняет двоякую роль: с одной стороны, облегчает защиту права кредитора, освобождая его от необходимости доказывать размер убытков, с другой — усиливает стимулирующее воздействие на должника за счет возможности взыскания сумм сверх реального ущерба.

В ряде случаев законодатель прямо закрепляет сочетание неустойки с иными способами защиты (например, с возмещением убытков), что усиливает штрафной характер такой санкции. Вместе с тем судебная практика исходит из необходимости соблюдения принципов разумности и соразмерности, допуская снижение явно несоответствующей размеру неустойки.

Многообразие видов гражданско-правовых санкций позволяет гибко реагировать на различные формы нарушений, сочетая восстановление нарушенного субъективного права, наказательный эффект и превентивное воздействие. Это подтверждает необходимость дальнейшей научной разработки вопроса о классификации и пределах применения гражданско-правовых санкций, особенно в условиях цифровизации гражданского оборота и появления новых объектов гражданских прав.

Литература:

1. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. — М.: Статут, 2010. — 410 с.
2. Суханов, Е. А. Гражданское право. Том 1: Учебник / Е. А. Суханов. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2018. — 640 с.
3. Кархалев, Д. Н. Санкции в гражданском праве / Д. Н. Кархалев // Вестник гражданского права. — 2013. — № 2. — с. 85–96.
4. Кусакин, И. А. Система санкций в гражданском праве / И. А. Кусакин // International Journal of Experimental Education. — 2022. — № 4. — с. 120–124.
5. Кухливский, В. С. Особенности гражданско-правовой ответственности и имущественных санкций / В. С. Кухливский // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2008. — № 5. — с. 135–140.
6. Нуртай, А. Б. Вопросы правового содержания и значения гражданско-правовой ответственности / А. Б. Нуртай // Вестник КазНУ. Серия юридическая. — 2013. — № 2 (66). — с. 168–172.
7. Клепикова, М. В. Гражданско-правовая ответственность как вид юридической ответственности / М. В. Клепикова // Alley of Science. — 2020. — Т. 2. — № 1. — с. 45–51.

Проблемы и перспективы применения санкций в гражданском праве России

Потрясов Даниил Владимирович, студент

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Статья посвящена анализу теоретических и практических проблем применения санкций в гражданском праве России, а также основным направлениям их совершенствования. Обосновывается необходимость уточнения понятийного аппарата, пересмотра соотношения санкций, ответственности и мер защиты, а также адаптации санкционных механизмов к условиям цифровой экономики. Формулируются ключевые перспективы развития института санкций в современном гражданском обороте.

Ключевые слова: гражданско-правовые санкции, гражданско-правовая ответственность, меры защиты, цифровая экономика, гражданский оборот, цифровые права.

Problems and prospects of application of sanctions in the civil law of Russia

The article is devoted to the analysis of theoretical and practical problems of application of sanctions in Russian civil law and to the main prospects for their development. It substantiates the need to clarify the conceptual framework, to reconsider the correlation between sanctions, liability and remedies and to adapt sanction mechanisms to the conditions of the digital economy. The main directions for improving the institution of civil law sanctions in modern civil turnover are outlined.

Keywords: civil law sanctions, civil liability, remedies, digital economy, civil turnover, digital rights.

Вопрос о санкциях в гражданском праве традиционно связан с проблематикой ответственности и защиты субъективных прав, но до сих пор нет единого понимания того, что следует считать гражданско-правовой санкцией и каково ее место в системе правовых средств охраны интересов участников оборота. Отсутствие концептуальной определенности снижает устойчивость и предсказуемость правоприменения.

Существенная теоретическая проблема заключается в многообразии подходов к понятию санкции: одни авторы фактически отождествляют санкции с мерами ответственности, другие предлагают рассматривать их как более широкую категорию, включающую также меры защиты и оперативные меры воздействия, реализуемые управомоченной стороной без обращения к суду. Такой плюрализм затрудняет выстраивание стройной системы санкций и приводит к тому, что в судебных актах схожие ситуации квалифицируются по-разному.

Дискуссионным остается и соотношение санкций, ответственности и мер защиты. В традиционной модели ответственность связывается с необходимостью доказывания вины, причинной связи и размера убытков, тогда как меры защиты ориентированы на восстановление нарушенного права и не обязательно предполагают дополнительные имущественные лишения для нарушителя. На практике эти конструкции часто пересекаются, что снижает ясность правового режима и создает риск произвольного выбора квалификации.

Проблемы применения санкций особенно заметны в сфере договорных отношений, где действует принцип автономии воли сторон. Расширение свободы договора способствовало активному формированию сторонами

собственных санкционных механизмов: систем неустоек, штрафов, удержаний, договорных лишений прав, которые нередко оказываются чрезмерно жесткими для экономически слабого контрагента. Судебное усмотрение при оценке соразмерности договорных санкций и применении принципа добросовестности остается неоднородным, что затрудняет прогнозирование исхода споров и ослабляет превентивный эффект санкций.

Отдельный комплекс проблем связан с цифровизацией гражданского оборота и появлением новых объектов гражданских прав, таких как цифровые права, виртуальные объекты и результаты функционирования искусственного интеллекта. В отношении этих объектов традиционные меры в виде взыскания убытков или классической неустойки не всегда адекватно отражают специфику нарушенного интереса. Цифровым активам присуща комплексная и многослойная правовая природа, сочетающая элементы вещных, обязательственных и интеллектуальных отношений, что требует более гибких санкционных моделей.

Перспективы развития института санкций в гражданском праве России связаны с уточнением понятийного аппарата и систематизацией санкционных средств. На доктринальном уровне представляется целесообразным разграничить санкции как общую категорию неблагоприятных последствий правонарушения и более узкие подгруппы в виде мер ответственности, мер защиты и оперативных мер, а на законодательном уровне — закрепить такие подходы для повышения определенности правоприменения.

Важным направлением совершенствования является развитие критериев соразмерности и недопустимости злоупотребления правом при установлении и применении санкций. Необходимы ориентиры для практики: перечень

учитываемых факторов при оценке чрезмерности договорных санкций, подходы к снижению неустойки, признаки недобросовестного использования санкционных условий сильной стороной договора. Это позволит сформировать более устойчивые судебные стандарты в данной сфере.

Цифровая экономика требует адаптации санкционных механизмов к новым формам сделок и объектов гражданских прав. Потенциальными направлениями развития являются интеграция санкций в конструкции смарт-контрактов и разработка специальных типов санкций для цифровых прав, а также выработка моделей санкционного режима для сложных объектов, сочетающих материальные

и нематериальные компоненты, по аналогии с проблемами квалификации программного обеспечения и искусственного интеллекта как объектов гражданских прав.

Таким образом, проблемы применения санкций в гражданском праве России затрагивают основы понимания санкций, их место в системе правовых средств, пределы свободы договора и адаптацию гражданско-правового инструментария к цифровой реальности, а перспективы развития связаны с концептуальной унификацией, укреплением доктринальной базы и формированием более единообразной судебной практики, учитывающей как традиционные, так и новые формы гражданского оборота.

Литература:

1. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. — М.: Статут, 2010. — 410 с.
2. Суханов, Е. А. Гражданское право: учебник. Т. 1 / Е. А. Суханов. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2018.
3. Алексеев, С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 2. Нормы права и правовые отношения / С. С. Алексеев. — М.: Юрист, 2019.
4. Нерсисянц, В. С. Общая теория права и государства: учебник / В. С. Нерсисянц. — М.: Норма, ИНФРА-М, 2012.
5. Кусакин, И. А. Система санкций в гражданском праве / И. А. Кусакин // Научный журнал (юридические науки). — 2022. — № 4. — с. 120–129.
6. Кархалев, Д. Н. Санкции в гражданском праве: проблемы понятия и классификации / Д. Н. Кархалев // Вестник гражданского права. — 2015. — № 3. — с. 45–58.

Конкуренция общего и специального состава преступлений при квалификации преступлений

Савюк Олеся Викторовна, студент

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся правильной квалификации преступлений при конкуренции общих и специальных норм, вопросы о правилах квалификации преступлений при наличии конкуренции общего и специального составов.

Ключевые слова: основная норма, специальная норма, конкуренция норм, конкуренция общих и специальных норм, конкуренция основного и специального состава.

Competition of general and special corpus delicti in the qualification of crimes

Savyuk Olesya Victorovna, student

Scientific advisor: Drobot Sergey Aleksandrovich, phd in law, associate professor
Chelyabinsk State University

The article examines issues related to the correct qualification of crimes in the event of competition between general and special norms, and issues regarding the rules for the qualification of crimes in the presence of competition between general and special compositions.

Key words: basic norm, special norm, competition of norms, competition of general and special norms, competition of basic and special composition.

Актуальность настоящего исследования заключается в рассмотрении вопроса о правильной квалификации преступлений при конкуренции норм УК РФ. В данном

случае при совершении деяния, охватывающего одновременно несколько статей УК РФ или частей статей УК РФ, у правоприменителей возникает вопрос о необходи-

мости выбрать только одну норму. В данном случае и возникает так называемая конкуренция норм. Также важным вопросом при квалификации преступлений является вопрос об отграничении совокупности преступлений от конкуренции норм УК РФ.

Под конкуренцией общей и специальной нормы понимается вид конкуренции, встречающийся в случаях, когда одна уголовно-правовая норма излагается в нескольких статьях УК.

Однако называемое в первой из ряда статей УК преступление может совершаться различными способами, с различными формами вины либо при наличии обстоятельств, повышающих или понижающих степень общественной опасности деяния. Это позволяет выделить из общей нормы одну или несколько специальных, в которых сохраняются основные признаки общей нормы, но появляются сугубо специфические признаки.

Конкуренция общей и специальной норм представляет собой конкуренцию норм о составах, во-первых, одного и того же преступления, во-вторых, самостоятельных преступлений. [1]

Законодатель в УК РФ не закрепил понятие термина «конкуренция норм». Однако в ч. 3 ст. 17 УК РФ отразил, что, «если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме». [2]

Данное правило является основным правилом квалификации преступления при наличии конкуренции между общей и специальной нормой. По данному правилу действия лица должны быть квалифицированы лишь по соответствующей специальной норме. [3]

Так, из ст. 105 УК, являющейся общей нормой для гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья», выделяются такие специальные нормы, как ст. 277 «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля» и др. Во всех названных случаях конкуренция общей и специальной норм разрешается в пользу последней. Именно она применяется в конкретных случаях конкуренции норм. Применение общей и специальных норм по одному и тому же преступлению возможно только при наличии совокупности преступлений.

В юридической литературе правила квалификации преступлений, применяющиеся при такой конкуренции, описаны и полно раскрыты. [4] Ниже рассмотрим основные правила, применяющиеся при конкуренции общей и специальной норм.

1. При наличии преступления, предусмотренного составами, установленными двумя различными статьями, квалификация данного преступления осуществляется по той статье, которая содержит состав, отражающий один из случаев его совершения, любой из которых включен в состав другой статьи;

Так, Апелляционным определением Липецкого областного суда от 07.12.2021 по делу N 22–1334/2021 вынес Приговор: По ч. 2 ст. 303 УК РФ (фальсификация дока-

зательств и результатов оперативно-розыскной деятельности) был изменен. Вопреки доводам апелляционного представления суд апелляционной инстанции соглашается с выводом суда об исключении из объема предъявленного лицу обвинения квалификацию ее действий по ч. 1 ст. 286 УК РФ как излишне вмененную. Поскольку в соответствии с действующим законодательством состав — фальсификация доказательств, предусмотренный ст. 303 УК РФ является специальной нормой по отношению к общей норме, предусмотренной ст. 286 УК РФ. Поэтому при конкуренции указанных норм в силу ч. 3 ст. 17 УК РФ совокупность преступлений отсутствует и применению подлежит специальная норма, что призвано исключить незаконное двойное вменение.

2. В случае совершения преступления, предусмотренного статьями, содержащими как основные, так и привилегированные составы, квалификация данного преступления осуществляется на основе статьи, предусматривающей составы со смягчающими обстоятельствами (привилегированные составы);

Так, по отношению к общей норме, предусматривающей ответственность за умышленное убийство без отягчающих и смягчающих обстоятельств, специальными будут нормы, предусмотренные ст. 106 (убийство матерью новорожденного ребенка), ст. 107 (убийство, совершенное в состоянии аффекта), ст. 108 УК РФ (убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление).

3. При наличии преступления, предусмотренного статьями с привилегированным и квалифицированным составами, его квалификация осуществляется по статье, содержащей описание состава со смягчающими обстоятельствами.

Пленум Верховного Суда РФ дает рекомендации, касающиеся квалификации, в Постановлении от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» п. 4 по ч.1 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство, совершенное без квалифицирующих признаков, указанных в ч.2 ст. 105 УК РФ, и без смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 106, 107 и 108 УК РФ (например, в ссоре или драке при отсутствии хулиганских побуждений, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти, возникшим на почве личных отношений). [5]

Таким образом, при конкуренции между положениями, закрепленными в п. «а» ч.2 ст. 105 УК и ч.2 ст. 107 УК, применять необходимо ч. 2 ст. 107 УК, содержащую смягчающее наказание обстоятельство: состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта) преступника, которое вызвано насилием, издевательством, тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иным противоправным или аморальным поведением потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противо-

правным или аморальным поведением потерпевшего (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Преступление, предусмотренное специальной нормой ст. 106 УК РФ, является совершенным при смягчающих обстоятельствах. Данная специальная норма имеет преимущество перед другой специальной нормой, охватывающей состав о квалифицированном убийстве, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

4. В случае, если преступление предусмотрено частями статьи, содержащими как основной, так и квалифицированный состав, его квалификация осуществляется по части, предусматривающей квалифицированный состав.

Как правило, при описании квалифицирующей ч. 2 относительно основного состава преступления законодатель использует такой прием, когда ч. 2 описывается через фразу «деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи» (например, ч. 2 ст. 165, ч. 2 ст. 171.3 УК РФ).

Таким образом, в любом квалифицированном составе преступления изначально содержатся все элементы и признаки основного состава. Например, состав ч. 1 ст. 158 УК «Кража» как тайное, безвозмездное завладение чужим имуществом, совершаемое из корыстных побуждений, содержит все названные признаки и в квалифицированных составах, названных в ч. 2 — 4 ст. 158 УК. Понятие кражи не меняется и при наличии таких признаков как она совершается с незаконным проникновением в помещение, группой лиц и др. Само понятие остается точно таким же, как и в основном составе, названном в ч. 1 ст. 158. В связи с этим при квалификации кражи, совершаемой с признаками, названными в ч. 2 — 4 ст. 158, нет необходимости в двойной квалификации одного и того же деяния по ч. 1, а затем по ч. 2, 3, 4 ст. 158 УК. Здесь происходит конкуренция основного и квалифицированного составов, указанных в одной статье УК. Предпочтение следует отдавать квалифицированному составу, который не только отражает суть преступления, но и называет отягчающие обстоятельства, при которых была совершена кража. Общее правило: при конкуренции основного и квалифицированного составов преступления предпочтение отдается квалифицированному, который наиболее полно отражает сущность совершенного деяния.

Так, при конкуренции между ч. 1 ст. 290 УК РФ и ч. 4 ст. 290 УК РФ действия лица квалифицируются по ст. ч. 4 ст. 290 УК РФ, поскольку в ней предусмотрена ответственность специального субъекта — лица, занимающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, за получение взятки.

По общему правилу, если фактически совершенное деяние предусмотрено разными частями одной статьи УК РФ, совокупность преступлений отсутствует, то квалификация преступления осуществляется по наиболее квалифицируемой части статьи УК РФ.

В одной статье Особенной части УК РФ в разных ее частях могут быть сформулированы самостоятельные составы преступлений. И если лицом будут совершены действия, предусмотренные этими разными частями одной

статьи, содеянное будет квалифицироваться по совокупности преступлений. Например, ст. 204 УК РФ в разных частях содержит два самостоятельных основных состава преступления (ч. 1 и ч. 5 ст. 204 УК РФ). Таким образом, если лицу вменяют ч. 1 и ч. 5 ст. 204 УК РФ, то наказание назначается по совокупности преступлений.

5. При наличии преступления, предусмотренного несколькими частями статьей с квалифицированными составами, оно квалифицируется по части, которая наиболее полно отражает сущность совершенного деяния (более квалифицированный состав).

В одной статье Особенной части УК РФ в разных ее частях могут быть сформулированы самостоятельные составы преступлений. И если лицом будут совершены действия, предусмотренные этими разными частями одной статьи, содеянное будет квалифицироваться по совокупности преступлений. Например, ст. 204 УК РФ в разных частях содержит два самостоятельных основных состава преступления (ч. 1 и 5 ст. 204 УК РФ).

Некоторые виды подстрекательства выделены в законе в качестве самостоятельных составов преступлений (напр., ст. 150, ч. 1 ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 282.1 УК). В этих случаях оценка поведения подстрекателей зависит от специальных правил квалификации этих преступлений. Возможная конкуренция общей нормы о подстрекательстве и норм о специальных составах подстрекательства разрешается с учетом представлений о моменте окончания последних. В ситуации, когда специальная норма описывает преступление, которое считается оконченным с момента начала выполнения подстрекаемым преступления, содеянное подстрекателем образует идеальную совокупность преступлений. Согласно п. 43 Постановления ПВС РФ от 1 февраля 2011 г. N 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» суд б закрепил правило, согласно которому действия взрослого лица по подстрекательству несовершеннолетнего к совершению преступления при наличии признаков состава указанного преступления должны квалифицироваться по ст. 150 УК, а также согласно по закону, предусматривающему ответственность за соучастие в виде подстрекательства в совершении конкретного преступления. Если специальная норма описывает состав подстрекательства, который считается оконченным с момента выполнения действий по подстрекательству, независимо от последующего поведения подстрекаемого лица, содеянное подстрекателем квалифицируется только по специальной норме.

При квалификации преступлений возможна конкуренция квалифицированного и особо квалифицированного составов. Она возникает в тех случаях, когда преступное деяние, предусмотренное квалифицированным составом (например, группа лиц), содержит дополнительные признаки, относящиеся чаще всего к объективной стороне (способ совершения преступления, особо тяжкие последствия, совершение преступления организо-

ванной группой), которые указываются в ч. 3 или 4 той же статьи. Применительно к хищению имущества, в Постановлении Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2002) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» суд указал: «В случае совершения кражи, грабежа или разбоя при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных несколькими частями ст. 158, 161, 162 УК РФ, действия виновного при отсутствии реальной совокупности преступлений подлежат квалификации лишь по той части указанных статей УК, по которой предусмотрено более строгое наказание. При этом в описательной части приговора должны быть приведены все квалифицирующие признаки деяния.

Также, согласно Приговора Верховного Суда Республики Бурятия от 27.12.2016 г. по делу № 12–275/2016 суд квалифицировал действия лица по ч.3 ст.354.1 УК РФ, посчитав, что в действиях лица присутствовало пространство выражающих явное неуважение к обществу сведений о дне воинской славы — Дне Победы. Однако же, помимо этого, было положительное отношение к действиям нацистской Германии, т. е. одобрение преступлений, установленных приговором Нюрнбергского трибунала. А это уже ч.1 ст.354.1 УК РФ. В данном случае наличествует идеальная совокупность преступлений: одним действием лицо совершило два разных преступления.

На основании изложенного, следует вывод о том, что конкуренция общего и специального состава преступлений представляет проблему, возникающую перед правоприменительными органами при квалификации преступлений. Правильная квалификация и устранение конкуренции общего и специального состава требуют внимательного анализа всех обстоятельств дела, правильной юридической оценки действий с целью обеспечения принципов справедливости и законности.

Таким образом, с целью обеспечения верной квалификации (правильного применения норм материального права) для назначения справедливого наказания необходимо соблюдать правила, возникающие при конкуренции общего и специального составов преступлений.

Данный правовой подход также сформулирован в Определении Конституционного Суда РФ от 14.12.2021 N 2649-О, согласно которому, в случае коллизии между общей и специальной нормами, регулирующими одни и те же общественные отношения, последняя обладает приоритетом исходя из общеправового принципа *‘lex specialis derogat generali’* («специальный закон отстраняет общий закон»).

В этой связи, при конкуренции указанных норм в силу ч. 3 ст. 17 УК РФ совокупность преступлений отсутствует и применению подлежит специальная норма, что призвано исключить незаконное двойное вменение.

Литература:

1. Иногамова-Хегай, Л. В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений: учеб. пособие / Л. В. Иногамова-Хегай. — М.: ИНФРА-М, 2002. — 168 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63 -ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.06.1996. № 25. Ст. 17.
3. Зацепин, А. М. Конкуренция норм уголовного права и квалификация преступлений // Право. Высшая школа экономики. — 2014. — № 2(2014). — с. 84–100.
4. Иногамова-Хегай, Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм // Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА) — НОРМА ИНФА-М. — Москва. — 2019. — с. 71–104
5. Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / В. В. Сверчков. — 11-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 741 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–20222–9. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт (дата обращения: 25.11.2025).

Общественные организации как элемент поддержки Вооружённых сил Российской Федерации во время проведения специальных военных операций

Сафин Айрат Наилевич, студент магистратуры

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье проводится теоретико-правовой анализ общественных организаций как института гражданского общества, способного выступать элементом поддержки Вооружённых сил Российской Федерации (ВС РФ) в условиях проведения специальных военных операций. Дается критический обзор основных подходов к понятию общественных организаций, предлагается рабочее определение и классификация данных субъектов, рассматриваются их ключевые функции. Также анализируется нормативно-правовая база их деятельности на федеральном и региональном уровнях, выявляются

ограничения правового регулирования и предлагаются направления для дальнейшего совершенствования нормативной среды. Представленные выводы формируют теоретическую основу для последующих эмпирических исследований поддержки ВС РФ со стороны институтов гражданского общества.

Ключевые слова: общественные организации, гражданское общество, поддержка вооружённых сил, нормативно-правовое регулирование, социальная функция, правовое положение, специальные военные операции.

Введение

В современных условиях социально-политических трансформаций в Российской Федерации усиливается роль институтов гражданского общества в решении общественно значимых задач. Одним из важных аспектов взаимодействия государства и гражданского общества является участие общественных организаций в социальной, гуманитарной, информационной и иной поддержке широких социальных групп, в том числе военнослужащих и их семей. Проведение специальных военных операций требует не только централизованного государственного обеспечения, но и мобилизации ресурсов, опыта и инициатив негосударственных субъектов.

Несмотря на значительный вклад общественных организаций в реализацию социальных программ, аналитические и научные исследования их роли в поддержке деятельности Вооружённых сил находятся на стадии накопления теоретико-методологических основ. В связи с этим представляется актуальным теоретико-правовое осмысление сущности и функций общественных организаций в указанной сфере, оценка механизмов их нормативно-правового регулирования, а также выявление проблем правотворчества и практической реализации их инициатив. Данная статья направлена на осмысление указанных вопросов на основе анализа теоретико-правовых аспектов общественных организаций и действующей нормативно-правовой базы.

Понятие и сущность общественных организаций в системе гражданского общества

В научной литературе по социальной и правовой тематике общественные организации традиционно рассматриваются как одна из форм самоорганизации гражданского общества. Различные научные школы по-разному акцентируют внимание на институциональных, социологических или политических аспектах данного понятия. Институциональный подход рассматривает организации как устойчивые социальные структуры с формализованной организацией и уставной деятельностью. Социологический подход подчёркивает роль общественных организаций как формы коллективной социальной активности, направленной на выражение и реализацию общих интересов граждан. Политологический аспект включает анализ общественных организаций как негосударственных участников социально-политического процесса, которые могут влиять на формирование общественного дискурса и социально-значимых практик.

В российской правовой системе общественные организации представляются как разновидность общественных объединений, определённых федеральным законодатель-

ством. При этом ключевыми признаками таких организаций считаются добровольность участия, некоммерческий характер деятельности и ориентация на общественно значимые цели. Эти признаки отличают общественные организации от государственных структур, коммерческих субъектов и неформальных объединений граждан.

На основе анализа различных подходов предлагается следующее определение общественных организаций, применительно к теме поддержки Вооружённых сил Российской Федерации:

общественные организации, оказывающие поддержку Вооружённым силам Российской Федерации, — это добровольные, неприбыльные объединения граждан, действующие в рамках законодательства РФ и реализующие социальные, гуманитарные, информационные и иные разрешённые инициативы, направленные на содействие социальной защищённости военнослужащих, членов их семей и укрепление общественной поддержки деятельности Вооружённых сил.

Предложенное определение учитывает не только формальные юридические признаки, но и функциональную направленность, связывая понятие общественных организаций с их практической ролью в поддержке военнослужащих и обществом.

Функции общественных организаций в контексте поддержки Вооружённых сил

Общественные организации как институт гражданского общества выполняют широкий спектр функций, среди которых особенно выделяются социальная, гуманитарная, информационно-коммуникативная, интеграционная и воспитательная функции.

— **Социальная функция** предполагает оказание помощи военнослужащим и членам их семей, содействие социальной адаптации в сложных жизненных условиях. Общественные организации способны гибко реагировать на социальные запросы, дополняя государственные меры социальной защиты.

— **Гуманитарная функция** связана с организацией благотворительной деятельности, сбором, распределением материальных ресурсов, и их доставкой, включая медицинское обеспечение и предметы первой необходимости.

— **Информационно-коммуникативная функция** заключается в распространении достоверной информации, формировании общественного мнения, повышении уровня информированности граждан о социально значимых инициативах в поддержку армии.

— **Интеграционная функция** проявляется в объединении различных социальных групп — волонтеров, биз-

неса, представителей государства — для совместного решения задач поддержки.

— **Воспитательная функция** выражается в формировании ценностных ориентиров социальной ответственности, гражданской солидарности и уважения к военной службе, что особенно важно для устойчивости социальной поддержки в долгосрочной перспективе.

Указанные функции отражают многообразие способов участия общественных организаций в социальной жизни и подчеркивают их значение как посредников между государством и гражданским обществом.

Классификация общественных организаций в контексте поддержки Вооружённых сил

Для анализа целесообразно выделить классификационные группы общественных организаций, способных участвовать в поддержке Вооружённых сил:

1. По организационно-правовой форме — общественные объединения, благотворительные фонды, автономные некоммерческие организации, волонтерские объединения и инициативные группы.

2. По функциональной направленности — гуманитарные, социально-ориентированные, информационно-просветительские, консультативные, комплексные.

3. По уровню деятельности — федеральные, региональные, муниципальные и локальные инициативы.

4. По степени вовлечённости — организации с постоянной деятельностью в сфере поддержки и организации, реализующие отдельные проекты.

Предложенная классификация носит аналитический характер и позволяет структурировать многообразие форм участия институтов гражданского общества в поддержке Вооружённых сил, отражая их функциональные особенности.

Нормативно-правовые основы деятельности общественных организаций

Деятельность общественных организаций в России регламентируется комплексом федеральных, региональных и локальных нормативно-правовых актов. Федеральное законодательство, прежде всего Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ, определяет правовой статус общественных объединений, порядок создания, принципы деятельности, требования к финансовой отчётности и государственному контролю. Данный акт задаёт стандартные рамки функционирования некоммерческих организаций, участвующих в социальных инициативах, в том числе направленных на поддержку военнослужащих.

Особую роль играет также Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135-ФЗ, который фиксирует правовые основы сбора и распределения средств, участия граждан в волонтерских проектах и механизмы взаимодействия с государственными структурами. В совокупности эти правовые нормы обеспечивают тендерную основу для законной работы общественных организаций

и позволяющих им действовать в рамках гражданского общества.

На региональном уровне акты субъектов РФ, включая нормативные документы (например, Республики Татарстан), дополняют федеральные положения, формируя условия поддержки социально ориентированных организаций, устанавливают механизмы предоставления грантов, субсидий, поддержки инфраструктуры некоммерческих организаций. Этот многоуровневый правовой каркас позволяет сочетать единые правила функционирования и локальные условия поддержки инициатив гражданского общества.

Ограничения и проблемные аспекты нормативного регулирования

Несмотря на наличие развитой нормативно-правовой базы, деятельность общественных организаций по поддержке Вооружённых сил сталкивается с рядом проблем.

Во-первых, высокий уровень регламентированности и требования к отчётности могут снижать гибкость и оперативность деятельности, что затрудняет быстрый отклик на возникающие социальные запросы.

Во-вторых, непоследовательность правового регулирования и вариативность практик применения норм на разных уровнях власти приводят к неопределённости в процессе реализации межрегиональных проектов.

В-третьих, сложность взаимодействия с государственными структурами зачастую обусловлена отсутствием единого стандарта регламентирования совместной работы, что приводит к дублированию усилий или неэффективному распределению ресурсов.

Анализ данных проблем выявляет потребность в дальнейшем совершенствовании правового регулирования, снижении административных барьеров и внедрении механизмов, учитывающих специфику деятельности общественных организаций в кризисных и мобилизационных условиях.

Заключение

Проведённый теоретико-правовой анализ подтвердил, что общественные организации выступают важным элементом гражданского общества и могут играть существенную роль в системе поддержки Вооружённых сил Российской Федерации во время проведения специальных военных операций. Их деятельность включает широкий спектр социальных функций, дополняющих государственные механизмы, таких как социальная поддержка, гуманитарная помощь, информационно-просветительские инициативы и волонтерство.

Предложенное определение и классификация общественных организаций создают основу для дальнейших исследований, направленных на оценку эффективности конкретных практик и моделей взаимодействия гражданского общества и государственных структур. Нормативно-правовая база обеспечивает функционирование таких организаций, однако требует дальнейшего совершенствования с учётом специфических условий реализации соци-

альных инициатив в условиях повышенного общественного напряжения.

Понимание потенциала и ограничений правового и институционального пространства общественных организаций необходимо для выработки управленческих ре-

шений, направленных на повышение эффективности их участия в поддержке Вооружённых сил, что в совокупности способствует укреплению социальной устойчивости и благополучия общества в целом.

Литература:

1. Федеральный закон Российской Федерации «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ.
2. Федеральный закон Российской Федерации «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135-ФЗ.
3. Хохлова, О. М. Гражданское общество в современной России / О. М. Хохлова. — Текст: непосредственный // Миссия конфессий. — 2022.
4. Заславская, Т. И. Социальная структура современного российского общества / Т. И. Заславская. — М.: Наука, 1997. — Текст: непосредственный.
5. Бессчетнова, О. В. Роль общественных организаций в становлении гражданского общества в современной России / О. В. Бессчетнова. — Текст: непосредственный // Казанский социально-гуманитарный вестник. — 2010.
6. Калиев, И. А. Основы государственной информационной политики / И. А. Калиев. — Текст: электронный // textbook.tou.edu.kz: [сайт]. — URL: <https://textbook.tou.edu.kz/books/222/13.html> (дата обращения: 30.12.2025).
7. Пшизова, С. Н. Общественное мнение в механизме формирования государственной политики / С. Н. Пшизова. — Текст: непосредственный // Управленческое консультирование. — 2010.
8. Исаева, Е. А. Институты гражданского общества как субъекты развития социальной активности и защиты прав и интересов граждан: учебное пособие / Е. А. Исаева. — Ярославль: Канцлер, 2018. — 134 с. — Текст: непосредственный.

Актуальные проблемы системы и применения мер уголовно-процессуального принуждения в Российской Федерации

Усманова Алена Анатольевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Байбарин Андрей Андреевич, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет «Синергия»

В статье проводится комплексный анализ института мер уголовно-процессуального принуждения в контексте современного российского законодательства и правоприменительной практики. Рассматриваются теоретические и практические проблемы классификации данных мер, основания их избрания и процессуальный порядок применения. Особое внимание уделено трансформации системы мер пресечения, в частности, практике применения запрета определенных действий и домашнего ареста как альтернатив заключению под стражу.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры принуждения, меры пресечения, заключение под стражу, запрет определенных действий, судебный контроль, права личности, задержание подозреваемого.

Введение

Эффективность уголовного судопроизводства неразрывно связана с возможностью государства применять меры принудительного характера для обеспечения надлежащего поведения участников процесса, сбора доказательств и исполнения приговора. Меры уголовно-процессуального принуждения (далее — МУПП) представляют собой предусмотренные законом средства воздействия на участников процесса, сопряженные с ограничением их конституционных прав и свобод (на личную неприкосновенность, тайну переписки, владение имуществом и др.) [1, с. 24].

Актуальность темы обусловлена поиском баланса между публичными интересами (раскрытие преступлений) и частными интересами (защита прав личности). Конституция РФ (ст. 55) допускает ограничение прав только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя и прав других лиц [2]. Однако правоприменительная практика последних лет свидетельствует о сохранении обвинительного уклона при избрании наиболее суровых мер принуждения, что требует научного осмысления и корректировки.

Понятие и система мер процессуального принуждения

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) в разделе IV структурирует меры принуждения на три группы:

1. Задержание подозреваемого (гл. 12 УПК РФ).
2. Меры пресечения (гл. 13 УПК РФ).
3. Иные меры процессуального принуждения (гл. 14 УПК РФ).

В доктрине существует дискуссия относительно правовой природы данных мер. Ряд авторов, например, С. Б. Россинский, указывают, что принуждение присуще не только мерам, выделенным в разделе IV, но и многим следственным действиям (обыск, выемка), что создает проблему разграничения познавательных и обеспечительных процедур [6, с. 45]. Тем не менее, законодатель четко связывает МУПП с превенцией неправомерного поведения.

Проблематика задержания подозреваемого

Задержание является одной из самых распространенных мер неотложного реагирования. Согласно ст. 91 УПК РФ, оно применяется при наличии явных следов преступления или при попытке скрыться. Ключевой проблемой здесь остается момент начала исчисления срока задержания (48 часов). Несмотря на четкие указания Конституционного Суда РФ, на практике часто происходит подмена понятий «фактическое задержание» (момент физического захвата) и «процессуальное оформление» (составление протокола). Это создает «серую зону», когда лицо может находиться под контролем оперативников несколько часов без процессуального статуса и доступа к адвокату.

Судебная практика последних лет ориентирует суды на жесткую проверку законности задержания при рассмотрении ходатайств об аресте. Так, Пленум ВС РФ указывает, что нарушение порядка задержания является безусловным основанием для отказа в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу [4].

Эволюция института мер пресечения: от изоляции к ограничению

Центральное место в системе МУПП занимают меры пресечения. Анализ статистики Судебного департамента показывает, что заключение под стражу остается наиболее востребованной мерой по тяжким и особо тяжким преступлениям, однако намечается тенденция к гуманизации.

1. Заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ). Несмотря на требование закона применять эту меру только при невозможности избрания иной (ч. 1 ст. 108 УПК РФ), следственные органы часто используют стандартные формулировки оснований (ст. 97 УПК РФ): «может скрыться», «может оказать давление», не подкрепляя их конкретными фактическими данными. В Определении Конституционного Суда РФ неоднократно подчеркивалось, что одна лишь тяжесть предъявленного обвинения не может

служить единственным основанием для длительного содержания под стражей [3].

Особую актуальность имеет применение ст. 108 УПК РФ в отношении предпринимателей. Запрет на арест по «предпринимательским» статьям часто обходится следствием путем квалификации деяний как мошенничества, совершенного организованной группой, без признаков предпринимательской деятельности. Верховный Суд РФ в своей практике регулярно отменяет такие решения, указывая на необходимость исследования сути экономических отношений [5, с. 32].

2. Запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ). Введение данной меры стало важным шагом в дифференциации принуждения. Она позволяет гибко настраивать ограничения (запрет на общение, использование интернета, управление авто) без полной изоляции от общества. *Пример из практики:* По делу о мошенничестве в сфере компьютерной информации суд отказал в домашнем аресте, избрав запрет определенных действий в виде запрета пользования сетью «Интернет» и общения со свидетелями. Суд мотивировал это тем, что обвиняемому необходимо работать для возмещения ущерба, что невозможно при домашнем аресте. Однако проблема заключается в контроле. Отсутствие достаточного количества электронных браслетов и технических средств у ФСИН часто превращает эту меру в декларативную, особенно в части запрета общения с определенными лицами.

3. Залог (ст. 106 УПК РФ). Залог остается «спящей» нормой в российском процессе. Высокий порог суммы и сложность процедуры оценки имущества делают его непопулярным по сравнению с домашним арестом. Научное сообщество предлагает ввести институт «страхования залога» или снизить нижние пороги для преступлений средней тяжести [7, с. 112].

Иные меры процессуального принуждения: имущественный аспект

Особое место занимают меры, направленные на обеспечение гражданского иска и возможной конфискации имущества — наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ). Острой проблемой является арест имущества лиц, не являющихся подозреваемыми (третьих лиц), если есть основания полагать, что имущество получено преступным путем. Зачастую арест накладывается на неопределенный срок, что парализует хозяйственную деятельность предприятий. В ответ на постановления Конституционного Суда РФ в ст. 115.1 УПК РФ были внесены изменения, ограничивающие сроки ареста имущества третьих лиц, однако на практике продление этих сроков часто носит формальный характер.

Судебная практика: При рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ суды все чаще требуют от следствия доказательств того, что арестованное имущество не просто принадлежит родственникам обвиняемого, а было приобретено именно на преступные средства. При отсутствии таких доказательств арест признается незаконным [8, с. 55].

Цифровизация и меры принуждения

Современные реалии ставят перед институтом МУПП новые вызовы. Развитие киберпреступности требует новых форм принуждения. В доктрине обсуждается необходимость законодательного закрепления:

— «Электронной блокировки» (дистанционного ограничения доступа к цифровым активам).

— Ареста криптовалюты (проблема заключается в отсутствии правового механизма хранения и реализации таких активов).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что система мер уголовно-процессуального принуждения в РФ находится в стадии активной трансформации. Наблюдается постепенный отход от карательной парадигмы (доминирование заключения под стражу) к ограничительной (запрет действий, залог).

Для совершенствования законодательства и практики применения МУПП предлагается:

1. Повысить стандарты доказывания при избрании заключения под стражу, обязав суды в постановлениях приводить анализ возможности применения ст. 105.1 УПК РФ.

2. Усилить судебный контроль за законностью фактического задержания, включив время фактического ограничения свободы в срок задержания императивно, независимо от времени составления протокола.

3. Разработать механизм администрирования арестованных цифровых активов в рамках ст. 115 УПК РФ.

Реализация данных предложений будет способствовать укреплению законности и реальному обеспечению прав личности в уголовном судопроизводстве.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»... // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.
5. Иванова, О. Г. Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения: монография / О. Г. Иванова. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. — 176 с.
6. Меры уголовно-процессуального принуждения на досудебных стадиях: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / А. В. Травников, А. В. Лаков, Э. К. Кутуев, В. С. Латыпов. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. — 159 с.
7. Россинский, С. Б. Задержание подозреваемого конституционно-межотраслевой подход, монография, [правовые основы задержания подозреваемого, цели задержания подозреваемого, основания задержания подозреваемого, протокол задержания подозреваемого, личный обыск задержанного] / С. Б. Россинский. — Москва: Проспект, 2019 [т. е. 2018]. — 188 с., [1] с.; 21.
8. Стельмах, В. Ю. Меры уголовно-процессуального принуждения: учебное пособие для курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / В. Ю. Стельмах; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», Кафедра уголовного процесса. — Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2021. — 192 с.
9. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / О. И. Андреева [и др.]; под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко и А. Г. Тузова. — Ростов н/Д: Феникс, 2015. — 445, [1] с

Социальные гарантии лекарственного обеспечения детей с инвалидностью: проблемы реализации

Хлебникова Оксана Николаевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье автор рассматривает социальные гарантии лекарственного обеспечения детей с инвалидностью в Российской Федерации и анализирует проблемы их практической реализации. Особое внимание уделяется соотношению федерального и регионального правового регулирования, вопросам предоставления бесплатных и льготных лекарственных препаратов, а также неоднозначности трактовки понятия «жизненно необходимые лекарства». Выявляются основные причины ограниченной доступности лекарственного обеспечения, включая межрегиональные различия, недостаточную эффективность нормативно-правовых механизмов и организационные сложности. По результатам исследования обосновывается необходимость совершенствования законодательства и внедрения комплексного подхода к обеспечению прав детей-инвалидов на доступную и эффективную лекарственную помощь.

Ключевые слова: дети-инвалиды, социальные гарантии, лекарственное обеспечение, медицинская помощь, льготное лекарственное обеспечение, право на охрану здоровья, социальная защита, региональное и федеральное регулирование.

Legislative gaps and conflicts in the regulation of anti-corruption measures within the public civil service system

The article discusses social guarantees of medical care for children with disabilities in the Russian Federation and analyzes the problems of their practical implementation. Special attention is paid to the relationship between federal and regional legal regulation, the provision of free and preferential medicines, as well as the ambiguity of the interpretation of the concept of «vital medicines». The main reasons for the limited availability of medicines are identified, including inter-regional differences, insufficient effectiveness of regulatory mechanisms and organizational difficulties. The results of the study substantiate the need to improve legislation and introduce an integrated approach to ensuring the rights of children with disabilities to affordable and effective medical care.

Keywords: children with disabilities, social guarantees, medicines, medical care, preferential medicines, the right to health protection, social protection, regional and federal regulation.

В условиях развития социальной политики государства особую значимость приобретает обеспечение прав и законных интересов детей с инвалидностью, в том числе в сфере охраны здоровья. Одним из ключевых элементов системы социальной защиты данной категории граждан выступают социальные гарантии лекарственного обеспечения, направленные на поддержание жизненно необходимого уровня здоровья, профилактику осложнений и повышения качества жизни детей и их семей.

В юридической науке право на медицинскую помощь гарантировано статьей 41 Конституции Российской Федерации [1], а также статьями 19, 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральным законом от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», Федеральным законом от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи, а также в ряде других актов, регламентирующих льготное и бесплатное предоставление лекарственных препаратов.

Социальные гарантии представляют собой меры поддержки, закрепленные на законодательном уровне, которые направлены на удовлетворение жизненно важных

потребностей граждан и обеспечении их прав на достойный уровень жизни. В отношении детей с инвалидностью социальные гарантии включают:

1. Финансовая или социальная поддержка детей инвалидов и их семей;
2. Обеспечение детей специализированной медицинской помощью;
3. Полное и бесплатное, льготное предоставление медицинских препаратов [8].

Несмотря на то, что право на бесплатное или льготное лекарственное обеспечение детей с инвалидностью закреплено на законодательном уровне, практика реализации данных гарантий сталкивается с рядом существенных проблем. Это делает данный вопрос особенно актуальным для изучения и совершенствования законодательства.

Необходимо рассмотреть некоторые проблемы, препятствующие полноценной реализации права детей с инвалидностью на лекарственное обеспечение:

Одна из проблем заключается в противоречивости реализации права детей-инвалидов на лекарственное обеспечение, а именно на практике детей относят исключительно к «федеральным льготникам», лишая, тем самым региональных льгот, а право детей на все лекарства ин-

терпретируется как доступ к жизненно необходимым аппаратам, что ограничивает полный доступ к медикаментам необходимым для жизни и здоровья нуждающихся детей.

К тому же государственные программы не всегда охватывают весь спектр лекарств, необходимых для лечения редких и тяжелых заболеваний, что вынуждает семьи приобретать препараты за собственный счет [5].

Кроме того, существует проблема в неопределенности на законодательном уровне такого понятия, как «жизненно необходимые лекарства», в результате чего бесплатное лекарственное обеспечение детей-инвалидов ограничивается только заболеванием, вызвавшим инвалидность, а не распространяется на сопутствующие заболевания. В результате чего, право ребенка на лекарственное обеспечение теоретически существует, но на практике не реализуется полностью и становится не эффективным.

Немаловажная проблема заключается в ограниченном перечне бесплатных лекарств, а также в межрегиональном различии в их обеспечении. В результате чего детям-инвалидам не всегда возможно назначить полноценное и эффективное лечение. Для решения данного проса были открыты проекты в 2019–2021 годах, но идея модернизации системы лекарственного обеспечения отдельных категорий граждан путем внедрения эффективных мо-

делей лекарственного обеспечения пока не была реализована [9].

Также существует проблема в неравномерном лекарственном обеспечении детей-инвалидов на уровне регионов. Территориальные программы государственных гарантий зависят от бюджета Российской Федерации.

Так, можно заключить, что финансирование программ льготного лекарственного обеспечения зачастую оказывается недостаточным, что приводит к дефициту необходимых препаратов и вследствие, отсутствием возможности поддержания лекарствами нуждающихся детей-инвалидов.

На основании вышеизложенного можно заключить, что возникает необходимость совершенствования правового регулирования в данной сфере с целью гармонизации существующих норм и выработки единых, последовательных подходов к предоставлению доступной бесплатной лекарственной помощи детям-инвалидам, соответствующей ее назначению.

Можно утверждать, что только комплексное решение обозначенных проблем позволит реализовать социальную функцию государства в обеспечении прав детей с инвалидностью, а механизмы предоставления медицинской помощи этой категории граждан требуют дальнейшего совершенствования как в правовом, так и в организационном аспектах.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&dst=0&rnd=177E56B286D36542590A57E332A66138#07343230991080554>.
2. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
3. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 N 181-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/
4. Федеральный закон «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 N 178-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/
5. Постановление Правительства РФ от 30.07.1994 № 890 (ред. от 14.02.2002) «О государственной поддержке развития медицинской промышленности и улучшении обеспечения населения и учреждений здравоохранения лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения» //Российская газета от 10 августа 1994 г.
6. Распоряжение Правительства РФ от 10.12.2018 № 2738-р «Об утверждении перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов на 2019 год, а также перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи»// Собрание законодательства Российской Федерации от 17 декабря 2018.
7. Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2015 № 136-р (ред. от 15.06.2016) «О реализации в 2015–2016 годах на территории Российской Федерации пилотных проектов, направленных на модернизацию системы лекарственного обеспечения отдельных категорий граждан»// Российская газета.
8. Гусев, С. Д., Информационные системы лекарственного обеспечения: учебное пособие / С. Д. Гусев, Е. Н. Бочанова. — Москва: Русайнс, 2025. — 96 с. — ISBN 978–5–466–09157–1. — URL: <https://book.ru/book/958286> (дата обращения: 16.12.2025). — Текст: электронный.
9. Приказ Минздрава России от 13.02.2013 № 66 «Об утверждении Стратегии лекарственного обеспечения населения Российской Федерации на период до 2025 года и плана ее реализации»// Здравоохранение, № 4, апрель, 2013 (извлечения).

Результаты интеллектуальной деятельности в цифровой среде

Чугунова Анастасия Анатольевна, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье рассматриваются результаты интеллектуальной деятельности (РИД) в контексте цифровой среды, включая их определение, проблемы охраны, механизмы защиты и перспективы развития. Анализируются вызовы, связанные с пиратством, копированием и новыми технологиями, такими как ИИ и блокчейн. На основе анализа российского и международного опыта предлагаются решения для адаптации института интеллектуальной собственности к цифровой реальности. Статья подчеркивает необходимость превентивного регулирования и использования LegalTech для баланса интересов правообладателей и общества.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, цифровая среда, РИД, пиратство, блокчейн, ИИ.

В эпоху цифровизации результаты интеллектуальной деятельности (РИД) приобретают новые формы и значение. Согласно статье 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации, к охраняемым РИД относятся произведения науки, литературы и искусства, программы для ЭВМ, базы данных, исполнения, фонограммы, изобретения, полезные модели, промышленные образцы и другие объекты.

Цифровая среда, характеризующаяся сетевыми технологиями, интернетом вещей и большими данными, облегчает создание, хранение и распространение этих объектов, но одновременно создает риски их несанкционированного использования [1].

Цифровизация меняет сферу интеллектуальной собственности (ИС), делая её более доступной, но уязвимой. Как отмечается в исследованиях, цифровые технологии позволяют создавать «цифровые двойники» объектов ИС, что приводит к дематериализации традиционных форм. В России с 2021 года введены электронные охраняемые документы, что упрощает доступ правообладателей к реестрам. Однако глобальные вызовы, такие как кроссбордерные нарушения, требуют международного подхода.

РИД — это продукты творческого труда, охраняемые законом. В российском праве они делятся на объекты авторского права (произведения, программы, базы данных), смежных прав (исполнения, фонограммы) и промышленной собственности (изобретения, модели, образцы). В цифровой среде РИД часто выражаются в электронном формате: цифровые изображения, софт, онлайн-контент.

Цифровые активы включают РИД в цифровой форме, если они имеют коммерческую ценность. Не все цифровые объекты охраняются: только те, что соответствуют критериям оригинальности и новизны. Например, цифровое искусство может быть защищено как произведение искусства.

Основные проблемы охраны РИД в цифровой среде

Пиратство и несанкционированное распространение

Одной из главных проблем является цифровое пиратство, когда контент (музыка, фильмы, программное обеспечение) легко копируется и распространяется без разрешения правообладателей. Анонимность интернета затрудняет идентификацию нарушителей, а платформы

для обмена файлами способствуют массовому нарушению прав. В России это проявляется в плагиате научных работ и незаконном использовании творческих результатов в образовательной сфере [2].

Экстерриториальность и юрисдикционные конфликты

Интернет не знает границ, что приводит к конфликтам юрисдикций. Нарушение, совершенное в одной стране, может повлиять на правообладателей в другой. Отсутствие единых международных стандартов позволяет нарушителям перемещать ресурсы в юрисдикции с слабым регулированием. Это особенно актуально для глобальных платформ, таких как социальные сети и облачные сервисы.

Влияние новых технологий

Искусственный интеллект и нейронные сети создают новые объекты РИД, но статус ИИ как субъекта права остается неопределенным. Например, генерируемый ИИ контент может нарушать авторские права на исходные данные. Кроме того, цифровизация приводит к пробелам в регулировании, таким как отсутствие норм для объектов, созданных в виртуальной реальности [3].

Роль информационных посредников

Определение «информационного посредника» (ст. 1253.1 ГК РФ) вызывает споры, поскольку оно включает провайдеров, хостингов и администраторов сайтов. Суды часто привлекают к ответственности не только нарушителей, но и платформы, что тормозит развитие сервисов [4].

Возможные решения и перспективы

Технологические инструменты

Для преодоления проблем предлагается использование систем управления цифровыми правами (DRM), которые шифруют контент и контролируют доступ. ИИ и машинное обучение могут автоматически выявлять нарушения, а блокчейн — обеспечивать неизменяемость записей о собственности. Эволюция платформ IP-операций в цифровой экономике (от электронизации к интеллектуализации) способствует интеграции экосистем, повышая эффективность защиты.

Реформы законодательства

Необходимы реформы для баланса интересов: уточнение роли посредников, введение унифицированных

международных норм и учет технологических инноваций. В России стоит расширить преюдициальные процедуры и гармонизировать законы с ЕС и США.

Образовательные и культурные меры

Повышение осведомленности о правах ИС через кампании поможет сформировать культуру уважения к РИД. Поддержка создателей через доступные юридические услуги и монетизацию стимулирует инновации.

Охрана РИД в цифровой среде сталкивается с серьезными вызовами, но интеграция правовых, технологических и образовательных подходов может обеспечить эффективную защиту [5]. В перспективе развитие платформ на базе цифровых технологий и международное сотрудничество позволят минимизировать риски и способствовать инновационному росту. Дальнейшие исследования должны фокусироваться на влиянии ИИ на эволюцию прав ИС.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ.
2. Данелян, М. С. Развитие интеллектуального права в эпоху цифровизации / М. С. Данелян. // Исследования молодых учёных. — 2021. — № 1. — с. 27.
3. Кирсанова, Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике / Е. Е. Кирсанова. — М.: Юстицинформ, 2022. — 228 с.
4. Оркина, Е. А. Интеллектуальная собственность в цифровой среде: проблемы и решения / Е. А. Оркина. // Философия права. — 2020. — № 2. — с. 44–50.
5. Ситдикова, Л. Б. Особенности осуществления и защиты интеллектуальных прав несовершеннолетних в цифровой среде / Л. Б. Ситдикова. // Гражданское право. — 2025. — № 3. — с. 2–5.

Формы реализации интересов гражданского общества и непосредственного участия в управлении государством

Шифрина Анастасия Сергеевна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье рассматриваются формы, посредством которых реализуются интересы гражданского общества, и механизмы непосредственного участия граждан в управлении государственными и общественными делами. Проанализированы конституционно-правовые основы участия граждан в управлении, а также возможности гражданского общества влиять на принятие государственных решений.

Ключевые слова: гражданское общество, непосредственное участие, государственное управление, народовластие, местное самоуправление, общественные объединения, прямая демократия, публичная власть.

Гражданское общество традиционно понимается как совокупность независимых от государства общественных отношений и институтов, посредством которых граждане коллективно реализуют свои права и законные интересы [1, с. 3]. Оно образует автономную по отношению к публичной власти сферу социальной деятельности, в рамках которой граждане самоорганизуются для достижения общезначимых целей и защиты своих прав. К институтам гражданского общества относятся негосударственные организации и объединения, общественные движения, профессиональные союзы, территориальные сообщества, инициативные группы, благотворительные и иные некоммерческие структуры.

В демократическом конституционном государстве заложены правовые гарантии участия граждан в управлении делами общества и государства. Конституция Российской Федерации устанавливает, что носителем суверенитета и единственным источником власти в стране явля-

ется ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть как непосредственно, так и через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Данное конституционное положение (ст. 3 Конституции Российской Федерации) означает, что граждане имеют право участвовать в управлении государством не только опосредованно путем выборов своих представителей, но и напрямую, без посредников. Согласно ч. 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации «граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей» [2]. Таким образом, принцип народовластия в России предполагает органическое единство представительных (опосредованных) и прямых форм участия населения в осуществлении публичной власти.

Следует подчеркнуть, что конституционные нормы закрепляют также ряд важных политических прав, обеспечивающих деятельность гражданского общества. В их

числе — свобода объединения, провозглашенная ст. 30 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется». Закрепленное Конституцией Российской Федерации право на объединение граждан выступает юридической основой формирования разнообразных общественных объединений — добровольных союзов граждан (политических партий, профессиональных союзов, ассоциаций, общественных движений, некоммерческих организаций и др.), через которые осуществляется коллективное выражение и защита их интересов. Другой важнейший механизм — право граждан на обращения (индивидуальные и коллективные петиции, письма, жалобы, предложения в государственные органы), закрепленное в ст. 33 Конституции России. Реализация права на обращения происходит как в традиционной форме (письменные обращения в органы власти), так и посредством современных электронных петиций и интернет-инициатив.

Реализация интересов гражданского общества во многом происходит через деятельность его институтов, которые служат посредниками между обществом и государством. К таким институтам относятся, прежде всего, общественные объединения — от крупных всероссийских организаций до инициативных групп на местном уровне. Общественные организации формируются для защиты прав граждан, удовлетворения социально значимых потребностей, продвижения тех или иных идей и проектов. Они ведут диалог с органами власти, участвуют в общественных советах, экспертных обсуждениях, осуществляют общественный контроль, влияя таким образом на политику государства в интересах соответствующих социальных групп. Государство в свою очередь обеспечивает правовое регулирование такого взаимодействия. Примером служит Федеральный закон № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [3], определяющий правовое положение НКО и гарантирующий их независимую деятельность.

К числу основных механизмов взаимодействия общества с органами публичной власти относятся общественно-консультативные структуры при государственных органах, в том числе Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты субъектов Российской Федерации, а также общественные советы при министерствах и ведомствах.

В системе институтов гражданского общества местное самоуправление рассматривается как форма осуществления публичной власти, территориально и функционально наиболее приближенная к населению. Местное самоуправление в Российской Федерации конституционно признано самостоятельным уровнем публичной власти (гл. 8 Конституции Российской Федерации) и по сути представляет собой способ самоорганизации граждан для решения вопросов местного значения. На муници-

пальном уровне жители могут непосредственно влиять на жизнь своих городов и сел — определять приоритеты развития территорий, контролировать работу органов власти, инициировать изменения. Российское законодательство о местном самоуправлении (Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ) предусматривает разнообразные организационно-правовые формы участия населения в решении местных дел [4].

К таким формам непосредственного осуществления власти населением на местном уровне относятся, в частности: местный референдум, на котором жители сами принимают решение по важнейшему вопросу жизни муниципалитета; муниципальные выборы депутатов и глав, через которые реализуется право общества выбирать локальных руководителей. Помимо этого, можно выделить публичные слушания и общественные обсуждения проектов муниципальных нормативных актов или градостроительных планов; собрания граждан по месту жительства; правотворческая инициатива граждан (инициативные проекты) в муниципалитете; органы территориального общественного самоуправления (ТОС); институт старосты в сельских населенных пунктах.

Наряду с функционированием институтов гражданского общества способом реализации интересов общества выступает непосредственное участие граждан в осуществлении публичной власти, в котором находит выражение принцип прямого народовластия. К традиционным формам прямой демократии относятся: выборы и референдумы. Согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации, высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Посредством выборов гражданское общество реализует свое право определять состав органов государственной власти и местного самоуправления, контролируя тем самым политический курс. Референдум предоставляет гражданам возможность самим принимать решения по наиболее значимым вопросам государственного значения (например, одобрение конституционных поправок, принятие закона) без посредничества депутатов. Кроме национальных и региональных референдумов, важную роль выполняют местные референдумы, на которых решаются вопросы непосредственно на уровне муниципалитетов (например, об объединении или разделении муниципальных образований, установлении местных налогов и т. п.). Однако прямое участие граждан в управлении не ограничивается выборами и референдумами. Одна из них — право законодательной инициативы граждан. На федеральном уровне такая инициатива может быть реализована путем всенародного обсуждения законопроектов (в современной России работает портал общественных инициатив, где проекты, набравшие необходимое число голосов граждан, передаются на рассмотрение в органы власти). На уровне субъектов Федерации и муниципалитетов граждане нередко наделены правом выдвигать собственные проекты нормативных актов при поддержке определенного числа избирателей.

Другой формой непосредственного участия являются уже упомянутые общественные обсуждения и публичные слушания, когда проекты решений, законов, градостроительных планов и иных актов выносятся на суд общественности. Граждане путем открытого обсуждения могут вносить предложения, критические замечания; результаты таких слушаний должны учитываться властными органами при окончательном принятии решения. Аналогично работают опросы граждан по конкретным вопросам — это вспомогательная форма выявления мнения населения, которая затем ориентирует власть.

Отдельно следует выделить обращения граждан как форму участия в управлении. Обращение граждан — одна из наиболее распространенных форм взаимодействия общества и государства, имеющая правовой характер. Обращения могут быть индивидуальными или коллективными; они включают жалобы, заявления, предложения, петиции [5].

К прямым формам участия населения можно отнести также различные общественные кампании, митинги, собрания, демонстрации, проводимые в рамках, установленных законом (ст. 31 Конституции России гарантирует право граждан на мирные собрания). Публичные акции служат способом выразить коллективную позицию гражданского общества по тем или иным острым проблемам и могут побуждать власть к принятию мер. Кроме того, практикуются формы непосредственного диалога граждан с властью, такие как открытые приемы, общественные приемные, прямые линии с руководителями государства и регионов, онлайн-обращения к чиновникам через социальные сети и Интернет-порталы («Ваш контроль» и др.).

В то же время, существуют определенные проблемы и ограничения, влияющие на эффективность рассматриваемых форм.

Во-первых, реализация права на участие зависит от уровня правовой культуры и гражданской активности населения. К сожалению, низкая информированность

о своих правах, апатия или недоверие части граждан к возможности повлиять на власть приводят к тому, что потенциал прямых демократических механизмов используется не полностью.

Во-вторых, необходима готовность самих органов власти учитывать мнение общества. Если общественные слушания проводятся формально, а обращения граждан остаются без действенного ответа, снижается доверие к таким институтам.

В-третьих, оптимальной представляется модель, при которой государство и гражданское общество выступают партнерами в решении общественных проблем, а не противоборствующими силами. Как отмечают эксперты, гражданское общество в здоровом демократическом государстве выступает механизмом взаимодействия граждан и власти, способствующим укреплению демократических ценностей и устойчивому развитию общества [6, с. 29; 7, с. 32].

Обобщая изложенное, наличие разветвленного нормативного регулирования и формально закрепленных институтов участия само по себе не гарантирует реальной вовлеченности населения в принятие публично-властных решений: эффективность соответствующих механизмов напрямую зависит от уровня правосознания граждан, зрелости гражданской культуры, степени открытости органов публичной власти и устойчивости каналов обратной связи. При этом сохраняется разрыв между декларируемыми конституционными возможностями участия и их практической реализацией. Несмотря на это, в рамках настоящего исследования участие граждан в управлении делами государства подлежит оценке как юридически закрепленный и реально функционирующий инструмент влияния гражданского общества на формирование и реализацию государственной политики. Степень востребованности предусмотренных законом форм участия и открытость органов публичной власти к их использованию выступают критерием соответствия государственной деятельности законным интересам общества.

Литература:

1. Костанян, Г. С., Казанчян Л. А. Сущность и особенности понятия «гражданское общество» // *Sciences of Europe*. 2021. № 70–3. с. 3–6.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.12.2025).
3. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об общественных объединениях» // *Российская газета*. 1995. № 100.
4. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // *Российская газета*. 2025. № 65–66.
5. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // *Парламентская газета*. 2006. № 70–71.
6. Попов, В. А. Формы непосредственного участия граждан Российской Федерации в решении вопросов территориальной организации местного самоуправления и административно-территориального устройства: проблемы правового регулирования. // *Муниципальное имущество: экономика, право, управление*. — 2024. — № 4. — с. 29–34.

7. Липчанская, М. А. Конституционные проблемы соотношения понятий «управление делами государства» и «участие граждан в управлении делами государства». // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2011. — № 1 (77). — с. 32–35.

Административно-правовой статус сотрудников органов внутренних дел РФ

Шлей Татьяна Сергеевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет МВД России

Сотрудник органов внутренних дел пользуется теми же конституционными правами, которые доступны всем гражданам без исключения. Но происходит это только до тех пор, пока они не начнут идти вразрез с порядком прохождения государственной службы и связанными с этим запретами. Требование соблюдения определённых норм в связи с особым правовым статусом сотрудника органов внутренних дел, предполагает серьезные изменения, которые вносятся в правовой режим сотрудника органов внутренних дел как представителя государства. Соответственно, сотрудники правоохранительных органов обладают присущими только им правовыми возможностями, которые отличают их от иных лиц, в том числе от других государственных служащих, сотрудников других органов исполнительной власти.

Ключевые слова: органы внутренних дел, сотрудник, служба, гражданин, безопасность, деятельность, обязанность, закон, служебный

Административно-правовой статус сотрудников органов внутренних дел РФ — это совокупность определённых законодательными и ведомственными правовыми актами целей, задач, функций, организационной структуры и структуры управления, компетенции, прав и обязанностей.

Определяющие признаки сотрудника внутренних дел: наличие гражданства РФ, вхождение в штатный состав правоохранительных органов, обладание специальным званием рядового или начальствующего состава. Основы административно-правового статуса сотрудника органов внутренних дел закреплены в Федеральном законе № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел» и в иных федеральных законах, регулирующие особенности прохождения службы в органах внутренних дел.

МВД России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в сфере миграции. МВД России для осуществления указанных задач наделяется обширными полномочиями, в том числе, по обеспечению общественной безопасности (как составляющей национальной безопасности) Российской Федерации.

Расширение представлений о содержании национальной безопасности, ее видах, субъектах обеспечения позволяет по-новому рассматривать органы внутренних дел в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Объем административных полномочий органов внутренних дел, реализуемых ими в ходе осуществления внешней административной деятельности, намного больше аналогичного объема административных

полномочий, предоставленных органам, относящимся к категории органов государственной безопасности (органам федеральной службы безопасности, органам внешней разведки, органам государственной охраны). [5]

Министерство внутренних дел России входит в систему обеспечения национальной безопасности России как субъект обеспечения национальной безопасности, являясь федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел. МВД России является основным правоохранительным органом в обеспечении национальной безопасности, которое наделено наиболее широкой компетенцией в борьбе с организованной преступностью во всех сферах жизни, поэтому призвано играть основную роль в обеспечении взаимодействия со всеми правоохранительными органами.

Поступление на службу в органы внутренних дел Российской Федерации — это определенная обязательная процедура, деятельность, направленная на издание нормативного акта о назначении гражданина на должность.

Замещение должности правоохранительной службы в органах внутренних дел представляет собой «процессуальную деятельность уполномоченных государством руководителей органа внутренних дел по наделению гражданина на основаниях и в порядке, установленных федеральным законодательством, правовым статусом сотрудника правоохранительной службы в органах внутренних дел. [7]

При этом процессуальная деятельность в указанном смысле подразумевает совокупность правовых, технико-юридических, организационных мер, с помощью которых определяется соответствие кандидата предъявляемым квалификационным требованиям и производится

юридическое оформление правового статуса сотрудника правоохранительной службы в органах внутренних дел.

Особый характер службы в органах внутренних дел обуславливает необходимость строгого отбора достойных кандидатов на замещение должностей при предъявлении повышенных требований как к уровню их профессиональной и физической подготовки, так и к морально-нравственному состоянию, что позволит обеспечить комплектование кадров объективно лучшими кандидатами, т. к. эффективность деятельности органов внутренних дел находится в прямой зависимости от качественного состава кадров.

Замещение должностей в органах внутренних дел кандидатами, не отвечающими предъявляемым требованиям, влечет совершение ими противоправных деяний с использованием служебных властно-распорядительных полномочий, что подрывает доверие граждан к государственной власти в целом. Поручитель может быть в установленном порядке назначен наставником рекомендованного им лица, если они проходят службу в одном подразделении. Наставник оказывает рекомендованному им лицу на периодической основе помощь в адаптации к условиям службы в органах внутренних дел.

При приеме на службу в органы внутренних дел предусмотрен ряд ограничений, своего рода фильтров, препятствующих проникновению в данные структуры ненадежных лиц и способствующих повышению престижа органов внутренних дел, доверия к ним со стороны граждан. Данные ограничения (обстоятельства) включены также в перечень оснований для увольнения из органов, что позволяет не только не допускать в ОВД людей с безупречной репутацией, но и освобождаться от подобных сотрудников, если они уже приняты на службу. [8]

По результатам рассмотрения документов и материалов, представленных гражданином для поступления на службу в ОВД, заключения военно-врачебной комиссии, результатов психофизиологических исследований (исследований), тестирования, уровня физической подготовки и личного поручительства уполномоченный руководитель принимает одно из следующих решений:

- заключение с гражданином трудового договора с условием об испытании;
- допуск к участию в конкурсе на замещение должности в ОВД;
- заключение с гражданином (сотрудником) контракта;
- направление гражданина для поступления в образовательное учреждение высшего профессионального образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме;
- отказ гражданину в приеме на службу в ОВД или в направлении для поступления в образовательное учреждение высшего профессионального образования системы МВД России.

Об окончательном решении уполномоченный руководитель сообщает в письменной форме гражданину в де-

сятисдневный срок со дня его принятия. При отсутствии сведений, препятствующих приему кандидата на службу в органы внутренних дел, а также признания его военно-врачебной комиссией годным к этой службе, кандидат пишет заявление о приеме на службу в органы внутренних дел. [4]

Сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации выполняют обязанности и пользуются правами в пределах своей компетенции и в соответствии с занимаемой должностью в соответствии с действующим законодательством, присягой, Положением о службе в ОВД РФ и контрактом.

При исполнении служебных обязанностей сотрудники ОВД находятся под защитой государства. Никто, кроме органов и должностных лиц, прямо уполномоченных законом, не вправе вмешиваться в его деятельность. При получении приказа или указания, явно противоречащих закону, сотрудники органов внутренних дел обязаны принимать меры к исполнению закона.

Отмена или изменение решения, принятого сотрудником ОВД при осуществлении служебных обязанностей, сами по себе не влекут его ответственности если они не являются результатом предусмотрительного нарушения закона.

Сотрудники органов внутренних дел РФ в своей служебной деятельности руководствуются требованиями законов и не может быть ограничен решениями политической партии, общественного объединения и массовых общественных движений, преследующих политические цели. [7]

За противоправные действия или бездействия при исполнении служебных обязанностей сотрудник органов внутренних дел несет ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Сотруднику внутренних дел запрещено заниматься предпринимательской деятельностью, а также работать по совместительству на предприятиях, в учреждениях и организациях, независимо от форм собственности, не входящих в систему внутренних дел РФ, но данный запрет не распространяется на творческую, преподавательскую и научную деятельность. Применение силы, специальных средств и огнестрельного оружия с превышением полномочий влечет за собой ответственность, установленную законом.

Сотрудники органов внутренних дел и полиции имеют право обнажать огнестрельное оружие и привести его в готовность, если считает, что в создавшейся обстановке возникают условия и основания для его применения.

Сотрудники полиции имеют право применять огнестрельное оружие в следующих случаях: для защиты граждан от нападения, опасного для их жизни или здоровья; для отражения нападения на сотрудника полиции, когда его жизнь или здоровье подвергаются опасности, а также для пресечения попытки завладения его оружием; для освобождения заложников; для задержания лица, застигнутого при совершении тяжкого преступления

против жизни, здоровья и собственности и пытающегося скрыться, а также лица, оказывающего вооруженное сопротивление; для отражения группового или вооруженного нападения на жилища граждан, помещения государственных органов, общественных объединений, предприятий, учреждений и организаций.

О каждом случае применения огнестрельного оружия сотрудник полиции в течение 24 часов с момента его применения обязан представить рапорт начальнику органа полиции по месту своей службы или по месту применения огнестрельного оружия.

Служба в органах внутренних дел предполагает присвоение специальных званий. Они присваиваются персонально сотрудникам с учетом их квалификации, образования, отношения к служебным обязанностям, с учетом выслуги лет и занимаемой должности. Специальные звания присваиваются последовательно, одно за другим, что позволяет их подразделить на первые и очередные. Порядок и условия присвоения первых и очередных званий установлены Положением о службе в органах внутренних дел.

Специфика задач, стоящих перед органами внутренних дел, предполагает высокую степень их организованности, дисциплинированности и ответственности в выполнении сотрудниками своих обязанностей. Сохранение и укрепление

высокой служебной дисциплины достигается в процессе воспитательной работы с кадрами, организации переподготовки сотрудников, позволяющей повышать и совершенствовать их профессионализм. Важную роль при этом играют меры поощрения и взыскания, применяемые к сотрудникам.

Итак, можно сделать вывод об особенностях административно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел:

- обязанностью сотрудников данной категории является защита прав и свобод человека и гражданина, даже при условии риска для собственных жизни и здоровья;
- к сотрудникам при приеме на службу предъявляются специальные (повышенные) требования;
- у сотрудников имеются специальные звания, форма одежды, знаки различия, служебные удостоверения, жетоны с личными номерами, для них организована специальная система аттестации;
- ношение и хранение огнестрельного оружия и (или) специальных средств;
- личные права сотрудников регулируются в основном не трудовым, а административным правом;
- сотрудники привлекаются к дисциплинарной ответственности на основании специальных уставов и положений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с изм., внес. Федеральными конституционными законами от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ)
2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. — 14.02.2011. — № 7. — Ст. 900.
3. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
4. Баринов, В. А. Правовое регулирование служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел: сборник нормативных правовых актов с комментариями / В. А. Баринов, В. А. Кудин, Н. П. Маюров; [под общ. ред. В. Я. Кикотя]. М.: ЦОКР МВД России, 2010. с. 48.
5. Доцкевич, М. В. Защита прав и свобод личности в деятельности органов внутренних дел как способ предупреждения правонарушений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1 (27).
6. Занина, Т. М., Куликова Н. С. Правовое регулирование обеспечения законности и дисциплины в административной деятельности полиции: монография. — Воронеж: Воронежский ин-т МВД России, 2018. — 279 с.
7. Куликова, Н. С. Внутриведомственный контроль как способ обеспечения законности и служебной дисциплины в органах внутренних дел // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 4. с. 58.
8. Репьев, А. Г. Правовые преимущества как необходимый элемент укрепления правового статуса сотрудника органов внутренних дел (на примере участковых уполномоченных полиции) // Юрист-Правоведъ. — 2017. — № 4 (83). — с. 194–200.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 1 (604) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 14.01.2026. Дата выхода в свет: 21.01.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.